

Сергей Карабалаев

# КОПЕЛЬВЕР



Часть II

Можно ли стать героем или им непременно нужно родиться? Да и кто он такой, этот герой? Суровый воин, познавший горести и лишения, или совсем еще юноша, чье сердце не знало ни боли, ни страха? И может ли обычный человек, пусть и герой, спорить с самими богами, решая кому жить, а кому умереть? Может ли стать Копельвером — заступником тех, за кого больше некому заступиться в этом мире?

---

# Глава 1. Стылый мёд

Солнце еще даже и не думало освещать землю своим слабым холодным светом, а Вида уже проснулся. Стараясь не будить мерно храпевших рядом друзей, он оделся, наскоро перекусил оставшимся со вчерашнего застолья холодным мясом и вышел из дома. Чепрак, спавший в снях, радостно замахал хвостом и встал на задние лапы.

— Идем! — зевнул Вида, натягивая рукавицы. — Загостились мы.

И они вместе зашагали по дорожке. Зима только-только начала отступать, и холодный, но уже не такой стылый ветер обдувал голые деревья. Очень скоро Вида взмок от пота и стащил с головы теплую шапку.

— Уф! — выдохнул он, прислоняясь к искореженной временем осине, чтобы отдышаться. — Скоро моя свадьба. Как бы дожить бы!

Чепрак скакал рядом, преданно заглядывая молодому хозяину в глаза. Он, казалось, тоже не мог дождаться этого дня.

— А-а-а-а! — вдруг каркнул ворон, сидевший на соседней ели, так громко и неожиданно, что Вида против воли вздрогнул, а Чепрак разразился оглушительным лаем. — А-а-а-а!

Вида насторожился. Что-то непривычное было в этом карканье. Совсем не так он должен был кричать. Юноша задрал голову наверх и увидел то, от чего у него кровь застыла в жилах: птица выгибалась, словно змея, топорщила перья, вытягивала когтистые пальцы и клацала клювом.

— А-а-а-а!

— Птичья хворь! — воскликнул Вида. Словно замороженный, он смотрел на то, как корежило и ломало несчастного ворона.

— А-а-а-а! — в последний раз вскрикнула птица и замертво упала с ветки.

Чуть помедлив, Вида подошел поближе. Нужно забрать ее с собой, как просил Ванора. Чепрак перестал лаять и, покружив вокруг хозяина, скрылся за деревьями.

Едва Вида дотронулся до черных перьев лежавшей на снегу бездыханной птицы, как та вывернула голову и из последних сил ударила его клювом по толстой рукавице. Вида вскрикнул и отдернул руку. О том, чтобы мертвые вдруг оживали, он точно никогда не слышал.

— Ну и испугался же я! — хохотнул Вида, стараясь унять колотившееся сердце. Он стащил будто ножом разрезанную рукавицу и сунул ее в карман. Надо будет отдать на штопку.

Где-то совсем рядом истошно залаял Чепрак, первее хозяина увидав то, от чего нужно было уносить ноги.

— Чепрак! — закричал Вида, сразу позабыв о вороне, но пес только сильнее залаял — уходи, хозяин, спасайся!

И Вида побежал со всех ног, но не из лесу, а вперед, к своему верному Чепраку, который даже перед смертью пытался предупредить хозяина. Он услышал, как дикий залиvistый лай разом оборвался, и сердце его похолодело от ужаса.

— Чепрак! — закричал он, доставая из-за пояса нож. — Ко мне!

Словно смерч, откуда-то из лесной тьмы на него накинудся зверь. И не успел Вида понять, кто же это был, как другой — его сородич, куда как сильнее и опаснее, прыгнул ему

на грудь, разорвав, будто бумагу, толстую шубу. Вида, охнув от боли, наугад ударил ножом в мягкую плоть и почувствовал, как руку его обожгла горячая волчья кровь. Значит, ранил. Но куда? Как? Волк глухо всхрипнул и с дикой злобой сомкнул свои челюсти на его плече.

\*\*\*

Уульме открыл глаза. Вокруг было темно, как в нордарской темнице, но куда как холоднее. Да и воздух был не таким спертый как в глубоком подземелье — он бодрил, а не усыплял... И тут же мысль об утренней казни ожгла его память. Его помиловали? Иркуль сжалился над ним?

Уульме попытался встать и тут же рухнул на обледеневший наст. Ноги не слушались его, а руки превратились в бесполезные культяпки, которыми он даже не мог толком пошевелить. Уульме хотел закричать, но из его пасти вырвался утробный низкий вой.

В ужасе он заметался по снегу, оставляя плоские оттиски следов, и снова завыл.

Солнце только вставало, и в его слабом свете Уульме смог рассмотреть то, во что он превратился. Сухая серая шерсть покрывала то, что еще вчера было его руками — руками, которыми он оживлял стекло, большой нос чесался от непривычно острых запахов, а кожистые наросты на ладонях совсем не чувствовали колючий подмерзший снег.

“Вот ты какой, мир после смерти!” — осенило Уульме. В сказках и песнях говорилось, что по ту сторону вечного сна в золотых чертогах за богатым столом сидят почившие предки и радостно приветствуют тебя задравными тостами, если ты жизнь прожил по чести да по совести, или гонят прочь, коли добрыми делами ты не славился, но Уульме, как ни вертел он головой, так и не увидел ничего похожего на золотые палаты и ломящиеся столы. Наоборот, все казалось ему страшно знакомым, будто он уже был здесь, да и не один раз.

— Лес! — про себя ахнул Уульме. — Низинный Край!

Так вот куда богам было угодно отправить его после смерти! Они вернули его домой!

На негнущихся лапах Уульме подошел к ближайшему дереву, поднял голову и взгляделся в недавно подновленную зарубку. Да, сомнений быть не могло — он был в Низинном Крае. Такие запретительные метки обычно ставили обходчие, защищая деревья от случайной вырубки.

— Дом! — не помня себя от счастья, Уульме царапал лапами мерзлую землю, чесался о черные шершавые стволы, полной грудью вдыхал терпкий хвойный дух леса. — Я дома!

И тут он услышал собачий лай, а следом за ним и человеческий голос.

— Чепрак! Ко мне, Чепрак! — закричал кто-то совсем рядом с ним.

Уульме наострил уши. Значит, он не один! Может, тот, кто звал собаку, получше него знает этот мир и сможет проводить его к предкам на поклон? И, Уульме, все еще не привыкнув к своему новому обличью, побежал туда, где отчаянно боролся за жизнь Вида Мелесгардов.

Вида выронил свой нож и теперь голыми руками душил дикого зверя. Второй волк, которого он сумел ранить, хоть и разомкнул челюсти, но не убежал, а хрипел где-то совсем рядом, пачкая снег красными каплями.

“Вот и конец”. — подумалось Вида. Он и сам истекал кровью, сам едва был в сознании. Никто не придет. Никто не поможет.

— Ванора! — закричал он в пустой надежде, что обходчий услышит его. — Игенау!

Он никогда не боялся смерти, но не думал, что придет она так скоро. Да и много ли чести умереть в лесу, рядом с домом, разорванным на куски одичавшими волками?

Из последних сил Вида отбивался. Ну и что, что ему не спастись — он не даст разорвать

себя как тряпичную куклу. И вдруг он услышал, что помощь близка. Кто-то бежал к нему, тяжело дыша и спотыкаясь о толстые, поваленные старостью деревья.

— Я здесь! — крикнул Вида. — Здесь!

И потерял сознание.

Большой облезлый волк, явившийся из лесной темноты, остановился лишь на мгновенье. А потом кинулся на белого жожака, в страшном захвате сомкнув челюсти на его шкуре. Жожак в один миг вырвался из пасти незванца и опасно оскалился.

“Подходи же, посмей”. — говорили его глаза.

Но прищипок не отвел взгляд, и через миг они в едином порыве кинулись друг на друга. Ключья шерсти полетели в разные стороны, кровь брызнула на деревья и снег. Двое волков дрались, как в последний раз. Все ближе подбирался к горлу незванца белый жожак, все росла и множилась в нем вечная неискоренимая ненависть к тем, кто пах большим городом и людским жильем. Этот волк был не из их породы, он явился оттуда, где жили люди, он насквозь провонял чужим духом. Один лишь миг, и он убьет прищипака, а потом разделается и с человеком, который лежал в шаге от него — безоружный и беспомощный.

Вида очнулся лишь на миг, и, увидев, схватку двух волков, нашарил оброненный на снегу нож, дернулся к белому жожаку и вонзил его тому промеж лопаток. Белый захрипел и повалился на бок, вместе с Видой, который растерял последние силы в этом коротком поединке.

“Вот теперь точно конец. — подумал Вида, лежа на снегу, — Не дожил я до свадьбы!”

Белый волк придавил его так, что Вида едва мог дышать, а горячая кровь все дальше и дальше расплзалась из распоротой грудины.

— Вида! — вдруг услышал он голоса из давешнего сна. — Спаси нас! Заслони от беды!

Тысячи людей с пустыми глазами стояли перед ним на коленях, протягивая костлявые слабые руки.

— Спаси нас! — повторяли они. — Мы падаем в бездну!

Вида слышал их так явно, будто они и впрямь стояли вокруг него. Он знал, что перед смертью видится и слышится то, чего нет на самом деле, а потому и не сильно удивился.

— Как же я спасу вас? — устало отмахнулся юноша от назойливых голосов. — Я ведь и сам почти умер.

— Вида! — не унимались голоса. — Спаси нас! Спаси!

— Я иду, — сдался Вида и открыл глаза.

Волк, увидев, что спасенный им юноша очнулся, схватил его за ворот шубы и потянул из-под уже остывающей туши противника.

— Ванора... — прошептал Вида, зажимая здоровой рукой рану на плече. — Позови Ванору.

Спаситель кольнул его взглядом серых глаз, и туман заволок весь лес.

\*\*\*

Ойка сидела у окна и раскладывала на постели разноцветные платки. Она все никак не могла выбрать, какой из них надеть ей на свадьбу, и теперь мяла тонкую ткань в руках, прикладывая то к волосам, то к бледному лбу. С самого утра ей было беспокойно — сердце ее то замирало, будто предчувствуя беду, то принималось биться так сильно, что Ойка начинала задыхаться, словно от быстрого бега.

— Это все свадьба, — уговаривала она себя. — Просто свадьба.

Захлебнувшиеся лаем собаки прервали ее мысли. Ойка выглянула в окно и обмерла:

Ванора и Игенау вдвоем тащили носилки, на которых лежал Вида, накрытый сразу двумя шубами.

Отбросив платки и даже не накинув на плечи шали, Ойка выбежала из комнаты и, перепрыгивая сразу через несколько ступенек, помчалась вниз.

— Вида задрали волки в лесу! — задыхаясь, сообщил Ванора выбежавшему раньше нее Трикке. — Насилу успели.

Осторожно, стараясь не потревожить раны юноши, обходчики передали носилки слугам и повалились на снег. Они шли с самого редколесья, не смея останавливаться даже на миг, чтобы не потерять драгоценное время.

— Кликни мать с отцом! — прохрипел Игенау. — Пущай спустятся.

Но Трикке даже не шелохнулся: он словно замороженный смотрел на бледного, точно снег брата, не желая верить, что это не сон, а гадкая страшная правда.

— Их нет, — одними губами ответил Трикке. — Уехали в Прилучную Топь.

Впервые в жизни увидев так близко смерть, Трикке почувствовал себя слабым и жалким. Вида умирал, а он, его родной брат, ничем не мог ему помочь.

А Вида уже вносили в гостевой покой. Ойка, оттолкнув медлительную Арму, подбежала к носилкам, стащила пропитанную кровью шубу и так и осела — зубы зверя пропоролы плоть сразу в двух местах.

— Пошлите за лекарем! — запричитала Арма, закрывая рот платком.

— Сразу и послали, — ответил вошедший вслед за Ойкой Ванора, все еще тяжело дыша. — Только нет его в Аильгорде. Иверди лошадь взял, поехал по увалу искать.

А слуги без всяких приказов уже кипятили воду, готовили травы и мази, рвали тряпки на перевязи. Все понимали, что без лекаря им не обойтись и теперь все зависело только от того, успеет ли Иверди найти старого знахаря Ардона и привезти его в Угомлик до того, как Вида умрет.

Трикке на негнущихся ногах вошел в покой и стал в дверях, не в силах ничего ни сказать, ни сделать, а Ойка, забившись в самый дальний угол, не мигая смотрела, как Ванора разрезает ножом на груди Виды рубаху, как Игенау ладонями зажимает рваную рану, как Арма подкладывает под перину горячие камни, чтобы согреть постель.

Время тянулось страшно долго — казалось, прошла целая вечность, когда угомликцы услышали стук копыт, а потом голоса Иверди и старого Ардона.

— Сюда! — чуть ли не волоком втащил лекаря один из слуг. — Скорее!

За ним красный от быстрой езды вбежал Иверди.

— Успел? — спросил он Трикке.

Тот только слабо кивнул.

Ардон склонился на Видой, словно желая уловить его слабое дыхание, поглядел на испорченные внутренности и, посмотрев на Ванору, покачал головой.

— Крови он потерял много, — шепотом сказал он. — Не выдюжит...

— Сколько? — так же тихо спросил Ванора.

— До заката кончится. А то и раньше. Пусть сыщут Мелесгарда да поскорее, хоть попрощаться успеет...

— Оставьте лекаря с Видой! — громко сказал Ванора, поворачиваясь к столпившимся на пороге слугам. — Нечего вам тут делать. Трикке! Ойка!

— Вида умрет? — дрожащим голосом спросил Трикке, боясь, что вот-вот заплачет, заголосит как девчонка.

— Ардон поможет, — успокоил его Иверди, обнимая за плечи. — Иди. Дай брату отдохнуть.

Игенау тем временем выпроваживал рыдающую как по покойнику Арму, а Ойка, не дожидаясь, пока и ее вытолкают из спальни, сама вышла вслед за всеми.

— Ойка, — не в силах больше сдерживаться всхлипнул Трикке. — Вида же не умрет?

— Молись, Трикке, — ответила девочка. — Моли богов о их милости.

И время опять застыло. Ойка слышала, как гулко бьется ее сердце, разбивая опустившуюся вокруг тишину. Трикке сидел ни жив ни мертв, прижав руки к груди. Даже слуги, обычно шумные и болтливые, стояли, скорбно опустив головы.

— Вида не может умереть! — сама себя убеждала Ойка, гоня прочь дурные предчувствия. — Только не Вида! Он же герой! А герои не умирают...

Но скрипучий голос старого Ардона, выходящего из гостевого покоя, разом обрубил все ее надежды.

— Кончился, — скорбно объявил он.

За ним вышли и трое обходчих. Игенау, не таясь, вытирал слезы, бежавшие по его лицу, Иверди, понурившись, нес ненужный уже лекарский короб, а Ванора, постарев за один день на тысячу лет, опустил на стоявшую рядом скамью и закрыл руками лицо.

И слуги набатом забили страшную весть:

— Преставился! Господин Вида преставился!

— Вида! — взвизгнул Трикке и бросился бежать вон из замка.

Арма, схватившись за сердце, рухнула на пол.

— Видочка! — прошептала она и лишилась чувств.

Не обращая внимания на царившую вокруг суматоху, Ойка, шатаясь, подошла к кровати, где лежал вчера еще такой живой, а сегодня такой мертвый Вида, и зарыдала.

— Это я виновата, — корила она себя, задыхаясь от слез. — Я не хотела свадьбы с Бьираллой... Я накликала беду...

Она вновь и вновь прикладывалась к груди юноши, будто надеясь услышать то, что не услышал Ардон, но все было зря: Вида и впрямь преставился.

— Я люблю тебя, Вида, — повторяла Ойка, глотая слезы и глядя его по холодному лицу. — Люблю больше неба, больше солнца, больше Угомлика! Без тебя мне нет жизни...

И, поддавшись слепой надежде, зашептала давно заученные слова:

— Красно да жарко, ковка да плавко, красная лошадь, копытом ударь-ка! Дунь со всей силы, вдарь посильнее, пусть поскакушки бегут веселее... Прыгни повыше, пламенем дышни, вылакай воды на длинные годы... Добрый огонь, красный слуга, весть передай до Кузнеца! Пусть он придет, молот возьмет, песнь запоет да смерть убьет!

Жар, разлившийся по всему телу, успокаивал, усыплял маленькую Ойку.

Она закрыла глаза и тотчас же провалилась в глубокий сон.

По длинной белой тропе, оступаясь на каждом шагу, тяжело брел Вида, держась одной рукой за рваную рану на груди.

— Вида! — закричала Ойка, но юноша даже не обернулся — он упорно шел вперед, отдаляясь от нее все больше и больше.

Ойка хотела было побежать за ним, но ноги ее не слушались — будто мельничный жернов приковал девочку в земле.

— Вида! — в отчаянии закричала Ойка. — Остановись!

И тут она поняла, что была не одна — вокруг нее на коленях стояли странные люди с

замотанными окровавленными платками пустыми глазницами.

— Спаси нас! — кричали они, пытаясь увидеть его незрячими глазами. — Мы в беде! Мы падаем в бездну.

А Вида все шел и шел вперед.

— Вида! — снова закричала Ойка, оглядывая несчастных, которые в жадном отчаянии протягивали свои руки, моля о спасении. — Вернись! Не бросай их!

Вида вдруг остановился. Она не видела его лица, но поняла, что он услышал ее.

— Без тебя они погибнут! Только ты можешь спасти их! — снова крикнула она. — Вернись!

Юноша обернулся. Глаза его смотрели на мир сухо и бесстрастно, но губы шевелились, шепча какие-то слова. Он раздумывал.

— Вернись! Не бросай их!

А слепцы уже сдирали с себя повязки и до крови расчесывали пустые глазницы, желая увидеть своего спасителя.

— Не оставляй нас! Заслони от беды! Защити нас, словно отец! — кричали они, не видя, но чувствуя Вида. — Заступись за нас!

И Вида, подумав еще немного, зашагал обратно.

— Они ждут тебя! — кричала Ойка, не смея отвести от него глаз. Ей казалось, что, если она перестанет убеждать Вида в том, что тот должен вернуться, он неминуемо повернет назад, в пустоту.

Но Вида шел все быстрее и быстрее. Он уже бежал, не обращая внимания на рану в плече и груди. Добежав до нее, он остановился и поглядел ей в глаза. А потом побежал снова.

Ойка словно вынырнула из сна и услышала, как из груди Виды донесся слабый свист. Тотчас же в гостевой покой вошли служанки, которых послали, чтобы обрядить Вида в последний путь.

— Господин Ванора! — закричала одна, пятясь к двери. — Господин Вида... Вида жив!

Эта весть пожаром разнеслась по замку и все обитатели Угомлика во главе с тремя обходчими поспешили своими глазами убедиться, что Вида и впрямь не умер. Ойка, пока слуги бестолково бегали туда-сюда и истошно голосили, заползла под широкую кровать и закрыла глаза. Больше всего на свете ей хотелось спать — никогда прежде, даже работая от зари до темна у Малы, она так не уставала.

“Я только чуть полежу...” — начала она про себя, но, не договорив, крепко уснула.

— Наверное, этот старый пень ошибся, — всхлипнул Игенау, сжимая в своей ладони потеплевшую руку друга. — А мы, дурни, и поверили...

Иверди пристально посмотрел на Ванору, будто призывая его разгадать эту загадку.

— На все воля богов, — коротко ответил обходчий.

А в Угомлик, тем временем, вернулись Зора и Мелесгард. Посыльный, которого отправил Иверди в Прилучную Топь, не решился рассказать хозяевам о том, что на самом деле случилось с их средним сыном, а только лишь попросил их скорее ехать обратно.

— Господин Вида занемог, — соврал он, стараясь не глядеть в глаза Зоре.

Мелесгард тотчас же распрощался с Кьелепдаром и, не дожидаясь, когда явится возница, отпущенный на все четыре стороны до самого вечера, сам правил лошадьми.

Чуть ли не на ходу Зора, предчувствуя сердцем самое худшее, прыгнула с саней и



побежала в замок, расталкивая высыпавших на крыльцо слуг.

— Мама! — бросился к ней обрадованный Трикке. Рядом с матерью, такой живой и решительной, ему больше не было страшно.

Но Зора будто бы не узнала его, не услышала обращенного к ней зова. Даже не взглянув на младшего сына, она вывернулась из его объятий и поспешила за Иверди, оставив Трикке сиротливо стоять во дворе и отчаянно завидовать брату, которому даже сейчас доставалось больше материнской любви.

\*\*\*

В ту ночь Иль не дождалась Уульме. Она не удивилась и не испугалась: накануне весны и большой ярмарки у мастера всегда было много работы. Каждый день он задерживался в мастерской допоздна, а иногда и вовсе оставался там ночевать. Вот и сейчас Иль, не заподозрив ничего дурного, отпустила Беркаим, отужинала и легла спать.

Едва занялся день, как ее разбудил громкий стук в дверь.

— Открывай! — голосила с улицы Беркаим. — Беда пришла!

Иль, едва запахнув полы халата, отперла нежданной гостье.

Беркаим была вместе со своим сыном — одним из подмастерьев Уульме. Утром Билим, как и всегда, отправился в мастерскую, но мастера он не застал. Он решил сбегать в лавку, но и там Уульме не нашел.

— Все в стекле! — причитала Беркаим. — Все изделия побиты! Что выставить на ярмарку?

Подмастерье, дождавшись, пока его мать закончит, тихо добавил самое главное:

— Торговцы сказали, что Уульме в темнице. Его забрали ночью люди с нашлепкой личной кетовой стражи на платье.

Иль не ничего не знала о законах Нордара, о том, как привык судить Иркуль, и о том, чем грозило Уульме заключение в темницу.

— Ничего не починишь! Не склеишь! — продолжала оплакивать стеклянные безделки Беркаим. — Все побилось, все!

— Иркуль обычно казнит на закате, — сказал Билим.

— Как казнит? — вскричала Иль. — За что?

— За убийство. Уульме убил нордарца сегодня ночью.

Иль осела. Смысл слов, сказанных подмастерьем, не сразу дошел до нее. Да и как поверить в то, что она сейчас слышала?

Во дворе раздались шаги. Один из тех торговцев, который давеча бросился на помощь Уульме, пришел к Иль с вестями.

— Уульме казнят на закате, — повторил он страшные слова.

Иль поняла, что ей нужно было делать. Бежать! Со всех ног мчатся во дворец к Иркулью и молить того о милости для Уульме.

Она накинула на плечи шаль, кликнула дремавшего в клетки телохранителя и побежала ко дворцу Иркуля.

Иль не помнила, как ноги принесли ее к дворцовой площади. Добежав, она оперлась о кирпичный выступ и согнулась почти пополам. Никогда прежде не приходилось ей так быстро бегать. Телохранитель бежал следом, но даже он не поспевал за своей быстроногой госпожой.

Отдышавшись, Иль подошла к воротам и замолотила по ним кулаками. Через миг они распахнулись, и один из охранивших их стражников выглянул наружу.

— Чего нужно? — спросил он, доставая меч.

— Разве ты не узнал меня? — в ответ спросила Иль.

Тот ахнул и отступил на шаг.

— Госпожа, — промолвил он, неверяще глядя на девушку.

— Вели доложить Иркулю обо мне. Скорее!

Но стражник не спешил выполнять ее приказ. Он стоял и смотрел на принцессу, беззвучно шевеля губами.

— Госпожа, — наконец, собрался он с духом. — Государь приказал никого к нему не пускать.

— Я — его сестра! — закричала Иль. — Я пришла просить за мастера Уульме, которого заточили в темнице!

— Слишком поздно, госпожа, — ответил ей стражник. — Мастера Уульме казнили на рассвете.

— Я не верю тебе! — вырвалось у Иль. — Ты лжешь!

Стражник пропустил ее и телохранителя внутрь и прикрыл ворота. Палач, который уже успел переодеться в черное платье и снять повязку с лица, подозвав керу поближе, достал из большой бочки высоланные головы верного Цея и иноземца Уульме.

Иль покачнулась и рухнула наземь.

— Пойдем отсюда, госпожа, — сказал телохранитель, помогая ей встать. — Пойдем!

Давно, казалось, забытая покорность вернулась к Иль, так что она послушно кивнула гридню и, опустив голову, побрела обратно.

— Стойте! — закричал стражник, когда они уже отошли от каменных ворот. — Стойте! Начальник стражи зовет вас.

Тот самый воин, который запомнился Уульме, вышел им навстречу. Он поклонился Иль, пусть и не так низко, как делал это раньше.

— Госпожа! — поприветствовал он керу. — Мастер просил передать тебе кое-что.

И он кивком приказал первому стражнику поднести ему поднос, на котором лежал, поблескивая на солнце, кинжал Уульме.

\*\*\*

Выгнав из покоев сына и Арму, и старого лекаря, и обходчих, и даже самого Мелесгарда, Зора недвижно сидела рядом, беззвучно молясь всем богам — земным и небесным, прося их о милости для ее мальчика.

— Заберите лучше меня, — зывала она к милосердию оннарских заступников, вытирая слезы, которые ручьем текли по ее лицу. — Я уж нажилась... Я свое дело сделала... Только не Вида, только не мой сынок...

Старый знахарь суровой ниткой сшил края раны, и теперь Зора прикладывала к ней тряпки, вымоченные в отваре дубовой коры.

Грудь юноши тяжело поднималась, будто каждой вздох был ему в тягость, его то колотило в ознобе, то жгло в горячке. Зора с ужасом смотрела на то, как Вида корчится от боли, не в силах даже стонать.

— Крепись, сынок, — просила Зора, стараясь не причинять ему лишних страданий. — Держись!

Только глубокой ночью Зора осмелилась хоть ненадолго отлучиться от постели Виды. Дождавшись, когда юноша забудется беспокойным больным сном, она, едва держась на

ногах, тихонько вышла в залу.

— Где Ойка? — устало спросила она Арму, сидящую под дверью.

Только сейчас Зора вспомнила, что после возвращения из Прилучной Топи не видела свою приемную дочь и про себя не могла не удивиться тому, что обычно отзывчивая и исполнительная, да к тому же и любившая Виду Ойка даже не спустилась вниз узнать в чем дело иль предложить помощь.

— Ойка? — зевнула Арма. — Так была здесь, а потом и пропала. Наверху нет, внизу нет, искали ж, звали...

Повинуясь дурному предчувствию, Зора вернулась в покои Виды и, подсвечивая себе чадающим огарком, начала заглядывать за тяжелые дубовые лавки с высокими спинками, обитые железом сундуки и бархатные занавеси, но маленькой Ойки нигде не было. Боясь разбудить Виду, Зора шепотом позвала девочку, но только тяжелое дыхание сына было ей ответом.

Взгляд Зоры упал на низкую кровать, под которой ни за что было не спрятаться даже тонкому Трикке, но Зора в слепой надежде опустилась на колени и, вытянув руку, пошарила в темноте.

— Ойка, — дрожащей рукой указала она на девочку прибежавшей на ее крик Арме.

Бездыханная Ойка лежала на толстом ковре холодная, как лед и с волосами белыми, как снег.

## Глава 2. Вережвица

Уульме подобрался к Угомлику настолько близко, насколько позволяли ему бесноватые псы, заходившиеся хриплым лаем всякий раз, стоило ему хоть на шаг подойти ближе к замку.

Он рыскал в окрестностях, изредка выглядывая из чащи, надеясь увидеть родных. Что было с Видой, он тоже не знал. В то утро он сразу же кинулся к людскому жилью за подмогой. Ванорин домик, мимо которого он раньше часто проезжал, ничуть не изменился за долгие годы. Как не изменился и сам Ванора, выскочивший наружу на лай собак, разве что кожа у него стала красной и жесткой, а густые черные волосы побилло сединой. Уульме никогда не думал, что им придется встретиться еще раз, и очень обрадовался, увидев старого друга.

— Каштан! — Ванора попытался перекричать захлебывающегося лаем пса. — Каштан!

Он был безоружным, в одной ночной рубахе, но, увидев на пороге большого волка, не струхнул, не испугался.

Уульме зарычал и попятился.

— Вида! — хотел он крикнуть Ваноре, но не смог.

Чуткие уши его уловили, что в домике Ваноры еще кто-то был. Сейчас они, схватив ножи или лук со стрелами, бросятся на помощь другу. Медлить было нельзя.

Уульме лег на спину, подставив брюхо под удар. А потом, перевернувшись на бок, тихонько, но горестно завыл.

Ванора не зря считался самым опытным обходчим во всем Низинном Крае, а, может быть, и всем Северном Оннаре. Не зря говорили, что ему одному под силу понимать дикий язык птиц и зверей. Он понял, что эта серая громадина не с войной пришла к нему в дом, а с миром. Он сделал шаг навстречу волку, а тот, вскочив на ноги, побежал в лес, оборачиваясь на каждом шагу и тряся большой головой.

— Игенау! — закричал Ванора, все еще надеясь заглушить Каштана. — Иверди! Скорее!

И он, заскочив на миг в сени, побежал за волком, на ходу натягивая шубу. А за ним уже поспевали двое других обходчих, которых Уульме не помнил.

— Что за пропасть? — ахнул Ванора, добежав до того места, где еще совсем недавно схлестнулись не на жизнь, а на смерть человек и волк. — Вида!

Вида лежал на теле большого белого волка, изо всех сил зажимая рану на плече. Рядом с ним был преданный, но уже окоченевший Чепрак, а чуть поодаль — совсем молодой волк, в посмертном оскале обнаживший клыки.

— Вида! — заорал Игенау и бросился к другу.

— Иверди! Дуй в Аильгорд, кланяйся Персту от моего имени да требуй лекаря для Видь Мелесгардова. Игенау, а ты беги обратно в дом да неси оттуда еще одну шубу.

Отдавая приказы, Ванора уже рвал свою рубаху на перевязи для Видь. А Иверди с Игенау, не требуя никаких объяснений, бегом побежали обратно.

— Держись, Мелесгардов, — приговаривал Ванора, затягивая раны потуже. — Крепись. Эх, и попал ты в силок, кабы выбраться теперь...

У Уульме внутри похолодело, когда он увидел лицо Ваноры. С такими лицами обычно хоронят. Уульме хотелось помочь брату, но он не решился. Да и чем он поможет? Ванора и сам все знает, и сам все сделает, что сможет.

Совсем скоро вернулся Игенау, неся с собой, помимо плаща, бутылку с питьем.

— На! — задыхаясь, сказал он Ваноре.

Ванора влил несколько капель Вида в рот и отпил сам.

— Расстилай и ложи, — распорядился он.

Осторожно, как ребенка, Вида переложили на плащ и понесли. Уульме, спрятавшись в лесной чаще, неслышно последовал за ними.

Он видел, как обходчик, спотыкаясь и давно сбив дыхание, тащили его брата через лес, как их нагнал уже верхом Иверди, сказав, что знахаря нет в Аильгорде и что он объедет весь увал, но найдет его и привезет в Угомлик, как с каждым шагом все больше и больше бледнел Вида. Только у самого подъезда к замку он отстал. Внутри ему нельзя. Он будет сидеть здесь, поблизости, пока не узнает новости о брате.

А потом он услышал, как кто-то закричал так отчаянно и так горько, что чуть было не ринулся в замок сам, но вовремя остановился. Ибо совсем скоро своим чутким звериным ухом услышал голоса Ваноры и Игенау, которые на чем свет кляли дурака-лекаря, не сумевшего отличить обычный обморок от смерти.

— Вида жив! — возликовал Уульме. А больше ему ничего и не было нужно.

\*\*\*

Только на третий день Вида открыл глаза. Поначалу он даже и не понял, почему среди бела дня валяется в постели, укрытый, точно младенец, пуховыми одеялами, но стоило ему пошевелиться, как острая боль разом вернула ему память о том, что случилось в лесу.

— Мама, — просипел он, корчась от боли.

Но и этого тихого зова было довольно, чтобы Зора, прикорнувшая подле сына, тотчас проснулась.

— Вида! — заплакала она не то от горя, не то от радости.

— Чего ты плачешь? — спросил Вида, стараясь беспечно улыбнуться. — Я ж живой.

— Сыночек, — уже не сдерживала себя Зора, глядя его по впавшим бескровным щекам. — Видочка...

Служанка, сидевшая у окна, встала и вышла из комнаты, плотно затворив за собой тяжелые двери, но даже так был слышен ее крик:

— Господин Мелесгард! Хозяин! Вниз пожалуйста! Сын ваш очнулся!

— А где Ойка? — едва выдавил Вида, теряя сознание от острой терзающей его боли в груди и плече. — Где Трикке?

И не успела Зора ответить, как он снова закрыл глаза.

А Ойка, как и Вида, лежала в забытьи в своей спальне. Знахарь Ардон, которому Зора запретила даже подходить к Вида, памятуя о его ошибке, теперь дни и ночи просиживал возле недужной Ойки, но и там толку от него было мало: чем только он не растирал ледяные руки девочки, какие настойки в нее не вливал, какие порошки не прикладывал, все было зря.

Зора не находила себе места от горя и дурных мыслей, разрываясь между сыном и приемной дочерью и почти не смыкала глаз, сидя то у одной, то у другой постели. Краткий отдых, когда Арма и Мелесгард приходили сменить ее, она проводила в молитвах, прося богов помиловать ее детей.

Трикке сначала было тоже хотел поухаживать за братом, но, стоило ему увидеть шитую грубыми нитками рану на груди Вида, как он чуть не лишился чувств. Увидев это, Арма тотчас же изгнала его из покоев больного, сказав, что помочь он все равно не поможет, а вот

под ногами мешаться будет.

— Иди, господин, поиграй лучше! — спровадила она мальчика и Трикке, оскорбленный таким советом, отправился наверх к Ойке, но и там ему были не рады — старый знахарь его даже и слушать не стал, а молча закрыл перед его носом дверь.

Только на десятый день к Ойке начала возвращаться мало-помалу жизнь, но Трикке и этого было довольно: узнав, что девочка очнулась, он тотчас побежал к ней.

Ойку посадили на кровати, обложили подушками и укрыли сразу тремя одеялами. Волосы ее хотя еще и не вернули себе свой цвет, но в них уже виднелись золотистые пряди.

— Ты чего удумала болеть? — выпалил он, вбегая в ее покои. — Мой брат зовет тебя днем и ночью, а ты тут занедужила, словно нам всем назло!

Ойка пожалала плечами.

— Я не нарочно, Трикке, — ответила она без обычной для себя робости.

— И долго ты собираешься перину мять? — не унимался Трикке. — Долго Вида ждать тебя будет?

— Если ты так заботишься о брате, — вспыхнула Ойка, — то и иди к нему, а не сиди здесь, точно приклеенный!

Трикке аж рот разинул — никогда прежде не видел, чтобы Ойка себя так воинственно вела.

— Сдурела ты, что ль? — выпалил мальчик, во все глаза глядя на то, как Ойка сжимает и разжимает свои маленькие кулачки.

— Иди! — повторила Ойка. — А не то я тебя заколдую!

Трикке не знал, в шутку она так сказала или и впрямь хотела его заколдовать, но проверять не стал. Ему сразу вспомнился горящий Олейман, и давно похороненный страх перед ведьмами мигом ожил в его сердце.

И он вышел из ее покоев, с силой захлопнув за собой дверь. Надо же, думал он про себя, все словно с ума сошли в этом доме. Вида чуть не умер, а Ойка же ведет себя так, будто она здесь главная госпожа.

Но с того самого дня Ойка начала крепнуть на глазах — не прошло и нескольких дней, как она, еще более тощая, чем обычно, но с горящими решительным блеском глазами, спустилась вниз и заявила Арме, а потом и Зоре, что теперь тоже будет помогать выхаживать Вида.

— Ты же сама еще не оправилась, дитя, куда тебе такая забота? — попыталась отказать ей Зора, но девочка, как и тогда с Трикке, не смешалась, не опустила глаз, не подчинилась приказу.

— Вида же звал меня, — сказала она. — А как я могу не исполнить его волю?

И, будто лекарская премудрость была давно ею постигнута, начала споро смешивать сушеные травы в большой ступке.

А Бьиралла, о которой все в эти дни позабыли, поначалу страшно разозлилась и на своего непутевого жениха из-за отложенной свадьбы, и на других обходчих, что не пошли вместо него, и на сам проклятый черный лес. Ей было до слез обидно, что торжество, к которому она так усердно готовилась, не состоялось в срок, а свадебный наряд, пошитый для холодной зимы, не годился для празднования жарким летом. Но потом, вняв увещаниям своего отца и заверениям, что праздник будет еще пышнее и богаче, а платье ей пошьют еще красивее, немного оттаяла, а когда до нее дошли слухи о том, что Вида теперь настоящий герой, гнев ее и вовсе утих и она согласилась ждать.

Когда снег местами сошел, а солнце подсушило мягкую влажную землю, Бьиралла решила проведать своего жениха. Она прибыла в Угомлик рано утром, ожидая увидеть юношу в добром здравии, и очень рассердилась, когда Зора сказала ей, что Вида еще слишком слаб, чтобы принимать гостей.

— Он и имя свое не всегда помнит, больше в забвенье лежит.

— Но я его невеста! — топнула ножкой Бьиралла, не привыкшая слышать отказ. — Я желаю взглянуть на него!

Зора тяжело вздохнула. Она чувствовала, что Бьираллу не заботил Вида, что та лишь хотела удостовериться, что раны, о которых все говорили, не изуродовали его лица, а рука не повисла высохшей плетью.

— Вида! — требовательно позвала она, когда Зора все же проводила ее к жениху. — Вида!

Бьиралла была уверена, что стоит ей оказаться рядом с юношей, как он тотчас же придет в себя, но этого не произошло — сколь ни повторяла она его имя, Вида не шелохнулся.

Постояв еще немного возле постели больного, Бьиралла без особого сожаления позволила Зоре себя увести.

— Я устала, — поджала она алый рот. — Я хочу чаю!

И Зоре ничего не оставалось, как приказать напоить дорогую гостью чаем, накормить пирогом и отправить домой.

— Не будем им счастья, — сказала Зора, глядя, как резвая четверка лошадей увозит Бьираллу из Угомлика. — Не любит она сына.

Только через месяц Вида уже окреп настолько, чтобы самому, без поддержки, сидеть на перинах. Раны его хоть и затянулись, но заживать не спешили — даже дышать ему было больно, а когда он попробовал взять правой рукой пустую чашку, забытую кем-то из слуг, то чуть не расплакался от бессилия.

Ойка, зайдя к нему с новым отваром и увидев его расстроенное лицо, бросилась утешать юношу:

— Ты не торопись, Вида, времени-то мало прошло. Скоро ты и вставать сможешь, и ходить...

— А нож я тоже смогу держать? Топор? Тесак? — едва сдерживая слезы, спросил Вида. — Меня ж обходчик к себе близко не подпустят, такого калеку!

Девочка нерешительно подошла к Виде, присела рядом и погладила по голове.

— Ты станешь сильнее, чем был! — пообещала она со всей пылкостью, на которую была способна.

Вида вытер глаза и благодарно улыбнулся:

— Стало быть, стану, раз ты говоришь.

— Скоро свадьба, — напомнила Ойка, пододвигаясь ближе. — Твоя невеста ждет не дождется, когда сможет назвать тебя мужем.

— Свадьба? — удивился Вида. — Ах да!

Он совсем позабыл о красавице Бьиралле и даже испугался того, что некогда прекрасный звук ее имени вовсе не пробудил в нем былых чувств.

— Ты разве не рад? — озабоченно спросила Ойка.

— Рад, не то слово, — ответил Вида, кисло улыбувшись.

Он вспомнил слова матери о том, что ему еще рано жениться, и про себя обругал за

столько неосмотрительную клятву Бьиралле.

— Дурак я, — прошептал Вида, когда Ойка оставила его одного. — Дурак.

Узнав от матери, что свадьба состоится летом, Вида было решил проваляться в кровати до самой осени, но потом сам себя обругал за такое малодушие. Он, Вида Мелесгардов, никогда не поступит, как трус! Но и жениться ему расхотелось.

Благодаря добрым рукам всех сиделок да целебным настоям и отварам, которыми потчевали его и день и ночь, Вида быстро поправлялся. Еще не закончилась весна, как юноша уже начал вставать, пусть и дойти ему пока получалось только до окна, а рука, хоть и все еще слабая, уже могла удержать нетяжелую чашку.

— Значит, и нож удержу, — сам себя подбадривал Вида.

Он постоянно вспоминал лес, верного Чепрака и того волка, спасшего ему жизнь. Вида не сомневался, что зверь тогда понял его просьбу и привел Ванору, но вот почему тот это сделал, почему помог человеку, а не своему собрату, он уразуметь не мог.

Решив, что самому ему эту загадку все равно не разгадать, Вида послал за Игенау. Молодой обходчий явился в тот же вечер, чем страшно обрадовал своего друга.

— Игенау! — поприветствовал его Вида, приподнимаясь на подушках. — Ох, и соскучился я!

— А я-то как! — гаркнул Игенау, едва узнав в отошавшем бледном Вида своего веселого крепкого друга. — Будто тыщу лет не видались!

Он угостился пирогом, который принесла ему служанка, и продолжил, стараясь говорить так, будто ничего и не случилось:

— Как же мы перепугались, когда нашли тебя в лесу. Наше счастье, что и я, и Иверди тогда остались у Ваноры. Ведь коли б разошлись мы кто куда, то один бы он тебя сюда не дотащил.

— Это уж точно, — согласился Вида, снова вспоминая то страшное утро.

— Мы даже толком глаза-то не разлепили, как услышали лай во дворе. Ванорины псы точно взбесились. Мы с Иверди выскочили на улицу чуть не в исподнем, как были, и увидели, что Ванора в лес побежал, а впереди него — ты не поверишь! — большой волк, да весь в крови! Мы токмо похватили шубы да натянули сапоги и бросились за ним. По следу тебя нашли, ну и Чепрака тоже, мертвого уже. А рядом два волка лежали — один подальше, а другой близко совсем, а того, сизого, и след простыл. Хотя, признаюсь, мы его не шибко-то и искали — как тебя увидели, так сразу на носилки и бегом в Угомлик, да по пути молились, чтоб ты раньше времени-то не отошел...

— За жизнь с вами не расплачусь! — поблагодарил друга Вида. — Если б не вы, то и мне б в лесу вечным сном спать.

— Это ты брось, Мелесгардов! — отмахнулся, смущенный такими речами, Игенау. — Какие меж нами счеты-то?

— А что Ванора думает? — напомнил Вида. — Что говорит?

— Ванора? Ты ж его знаешь — лес, говорит, когда надобно, из самой бездны живым вытянет, а ты поди пойми, что он в виду имел.

— А я думаю, то непростой волк был, — доверительно сказал Вида. — Я ведь даже понять не успел, что случилось, как меня уже на части рвали. Хоть и знал, что не докричусь я до вас, все равно позвал. Слышу — бежит кто на помощь, думал, ты или Иверди поблизости были, а из чащи зверь глядит. И мигом ко мне. Я думал, что он-то меня и добьет, а оказалось, что спасти меня пришел. Бросился сначала на одного, потом на второго.



Последнему я кинжалом удружил, но и он меня, как видишь, знатно успел потрепать.

Игенау задумался. Такое он не то, что не видел, а даже и не слышал никогда.

— Милостью леса, — ответил Игенау присказкой, которой всегда начинали и заканчивали свои речи жители Подлесья — самых отдаленных и диких деревень увала.

Вида кивнул. Лес, так лес.

— Знаешь, Мелесгардов, — снова начал Игенау после недолгого молчания. — Этот старый пень Ардон клянется да божится, что хоть он и старик, но из ума еще не выжил, а значит, не мог ошибиться. Вида, говорит, точно помер. Дескать, кровь в жилах застыла, а сердце в камень оборотилось. Мертвых, говорит, от живых легко отличить, а ты тогда был мертвее мертвого, как есть...

Об этом Вида не знал — Зора строго-настрого запретила кому бы то ни было поминать при сыне о том, что случилось в тот день, но ему вспомнилась приснившаяся пустая дорога и та легкость, с которой он уходил в пустоту. Может, и не во сне он ее видел?

— Ладно, — встал со своего места Игенау, увидев, как глаза его друга закрываются, а голова клонится на грудь. — Отдыхай да сил набирайся. А как захочешь меня увидеть, так только свистни. Ах! Совсем позабыл. Мать моя желает тебе скорейшего исцеления да передает яблочного варенья. Говорит, ты его любишь.

— Люблю! — подтвердил Вида. — И мать твою люблю. Поклонись ей от меня.

— Обо мне она куда как меньше бы тревожилась, — усмехнулся Игенау, вытаскивая из сумки берестяной туес. — Бывай, друг!

В дверях он наткнулся на Трикке, который уныло бродил по переходу.

— Как поживаешь, малец? — спросил Игенау, подходя к юноше.

Трикке развел руками — что тут сказать, когда и так видно.

— Брат твой больной совсем, — шепотом сказал Игенау, озираясь по сторонам. — Еще долго с кровати не встанет. А у нас обход совсем близко. Не хочешь ли подсобить?

Трикке расцвел.

— Да я мечтал об этом с того самого дня, как Вида... — радостно начал он, но Игенау его остановил:

— Ты уж не думай, что мы далеко пойдем. Лишь посмотрим, что да как. Триста шагов вглубь в редколесье.

Конечно, Трикке мечтал не о таком первом серьезном обходе, но делать было нечего — или так, или его совсем никуда не возьмут еще очень долго.

— Хорошо, — кивнул он.

— Я с отцом твоим поговорю, — добавил Игенау. — Он понять всяко должен. С обходчими у нас нынче туго.

И, сдвинув брови, он пошел искать Мелесгарда.

Зора, услышав от младшего сына о грядущем обходе, страшно испугалась.

— Нечего тебе там делать, — строго сказала она Трикке. — Твой брат уже все обошел, а злить богов не след.

Трикке насупился. Будь его мать понимающей и не слезливой, то он бы уже давно показал себя в деле. Но разве можно прославиться, коли вокруг тебя, точно наседки, квохчут беспокойные бабы?

Он было решил поделиться своими мыслями с Ойкой, которая всегда слушала его и давала добрые советы, но быстро понял, что и Ойка такая же глупая перепуганная баба, как и его собственная мать.

— Неужто ты не имеешь сердца, Трикке? — гневно всплеснула она руками. — Неужто ты видел мало материнских слез по обоим твоим братьям? Коли ты не жалеешь себя, так пожалей ее и не докучай мне более своими глупостями!

Трикке, который ожидал совета, а не такой вот отповеди, ушел от нее полностью обескураженный.

— Ишь какая! — в сердцах воскликнул он. — Совсем сдурела, так со мной разговаривать!

Однако последнее слово было за Мелесгардом. Выслушав Игенау, а потом и Ванору, он согласился с тем, чтобы отправить Трикке вместе с обходчими в лес.

— Чему быть, того не миновать, — прервал он возражения жены. — Трикке уже не ребенок, чтобы отсиживаться в Угомлике. Пусть ходит. Беды не будет.

А за окнами замка росла и полнела весна. Снег почти сошел, блестя редкими островками посреди бескрайней черной земли, деревья стояли еще голые, но в их потемневших влажных стволах уже можно было уловить новую жизнь. Даже птицы кричали по-весеннему громко и радостно. В эти дни Бьиралла почти не навещала Виду — дороги размыло, и повозка застряла бы еще у подъема на холм, а ехать верхом и забрызгать грязью красивое платье ей совсем не хотелось.

Но ни Зору, ни тем более Виду ее редкие приезды не печалили.

— Я чуюла! Чуюла! — повторяла Зора все время. — С самого первого дня, когда он объявил о своем намерении жениться на Бьиралле, я знала, что будет великая беда.

Теперь, когда опасность миновала и Вида медленно, но верно возвращал свои силы, Зора просила богов о еще одной милости — спасти ее сына от нежеланного брака. И даже Трикке радовался отложенной свадьбе, ведь это означало, что ему еще долго не придется делить своего брата с чужими людьми.

\*\*\*

Заперев ставни и оставив только две свечи, Иль села на лавку и попыталась заплакать, но слезы не лились — она только зря растерла глаза. Со дня казни Уульме прошло уже много дней, а Иль все никак не могла привыкнуть к тому, что больше никогда его не увидит. Было и другое, от чего юной Иль жизнь стала не мила: Беркаим напомнила ей, что по все тому же нордарскому закону, сделавшему ее женой Уульме, оставшись его вдовой она переходит в собственность любому, кто осмелится заявить на нее свои права.

— Из уважения к мастеру все пока молчат, — шепнула она Иль. — Да приглядываются. А как выйдешь ты из дома, так и хватать-похватать, да к себе уволокут. Будешь ты другому женой...

Иль вспоминала свою клятву прыгнуть из окна на голые камни, только бы не делить ложе с казначеем Даиркарда, и с тоской думала, что пришло время ее исполнить: ни за что не станет она женой против своей воли! Уж лучше смерть! Кинжал Уульме теперь всегда висел у нее на поясе. Вынуть его из ножен да полоснуть по белой тонкой шее — и шакалье, не брезговавшее капать слюной на вдову, найдет лишь ее холодный труп.

Но умирать Иль совсем не хотелось. Слишком недолго жила она на свете, чтобы жизнь успела ей приесться и наскучить.

Решение пришло сразу и такое, что Иль даже охнула от нахлынувших на нее чувств. Она ведь может уехать из Даиркарда, покинуть Нордар и отправиться по миру, своими глазами поглядеть на все те чудеса, о которых рассказывал ей Уульме...

Иль достала шкатулку с украшениями — из драгоценностей там было только одно

золотое ожерелье с сотней вделанных в него алмазов, в котором она сбежала из дворца, а остальное — переливающиеся на свету стекляшки, подаренные ей Уульме. Защелкнув мудреный замочек, Иль спрятала дорогое ожерелье под платьем, увязала стекло в платок, достала из тайничка кошель с деньгами, прицепила на пояс мужнин кинжал, завернула вчерашнюю лепешку и, помолясь нордарским богам напоследок, тихонько вышла из дома.

Ночью на улицах Даиркарда почти никого не было, только городские стражники делали свой поздний обход. Выбирая самые темные закоулки, так, чтобы не попасться им на глаза, Иль только к рассвету добралась до городских врат и, замотавшись по глаза платком, змейкой проскочила мимо хранителя ключей.

И, едва оказалась Иль за границей Даиркарда, как почувствовала себя зверем, вырвавшимся из капкана лишь за миг до того, как охотники увидят беспомощную и поверженную добычу.

Прикрыв лицо платком, она побежала по рассветной дороге. Любила ли она Уульме или просто благодарила? Не впервой ее мучил этот вопрос. Ведь он спас ее от бесстыжей похотливой толпы, что с радостью разорвала бы ее на куски. Он — чужестранец, имевший в Нордаре прав меньше любого нордарца, не убоился защитить ее. Но не только благодарность жила в ее сердце. Суровый оннарец, такой далекий и такой близкий разом, разбудил в ней то, что было не под силу ни одному нордарскому мужу. Уульме разбил оковы страха, в которых Иль, казалось, была рождена. Больше она не боялась ни жизни, ни смерти, ни Иркулевых палачей, ни его гнева. Уульме освободил ее раз и навсегда.

Она услышала скрип колес за спиной и обернулась. По дороге ехал обоз, которым правил сонный купец.

Иль и сообразить еще ничего не успела, а рука ее сама дернулась вверх.

— Остановитесь!

Возница натянула поводья и потер глаза.

— Не провезете ли меня за плату? — спросила она.

— А куда? — спросил он на нордарском, но с сильным северным говором. Да и выглядел он не как нордарец — рослый, светловолосый, одетый в кожаную рубаху и штаны.

— В Северный Оннар, — с вызовом, но не вознице, а Иркулю, ответила она.

— Северный Оннар далече, — зевнул тот. — Сильно не по пути...

Иль выудила из кармана монету.

— Я заплачу золотом, — сказала она.

Купец почесал затылок.

— Я-то не в Северный Оннар еду, в Радаринки. Но куда смогу, туда и доведу. А уж дальше ты сама. Другого лошадного найдешь. Только золотишко-то свое спрячь да простому люду не показывай.

Иль проворно забралась в повозку.

— Чай, впервые на большой дороге?

Она лишь кивнула.

— Оно и видно, — добродушно сказал купец, — кто же так золотом да камнями хвастается? Коли есть у тебя что, так спрячь и понадежнее. На дороге всякого люда много — и дурного, и бесчестного. Я один не езжу, только с охраной. Сейчас до Малых врат доедем, а там еще три повозки ждать будут. Вот все вместе и двинемся в путь.

Иль молча кивнула.

— Нордарка? — снова спросил купец.

Иль не знала, как ответить на этот вопрос. Вроде, и да, а вроде уже и нет.

— Оннарка, — наконец сказала она.

— Далече забралась, — засмеялся купец. — А я, коль спросишь, из Радаринок. Хлеем звать.

— Иль, — представилась Иль. Чужак-купец не признал в ней ни нордарку, ни уж тем более сестру кета. — Я еду домой.

— И я. К жене. Стосковался по ней страсть как, — сказал Хлей и нахлестнул лошадь.

А Иль дивилась сама себе — столько времени жила она на свете, а ни разу не покидала Даиркарда. Да и не знала ничего о той жизни, что кипела в большом мире. Где были купцы с доверху груженными обозами с редкими и добротными товарами, где были иные народы и страны, где молились другим богам, а почитали других правителей. Огромный мир словно ковер расстелился перед ней — прекрасный и незнакомый.

\*\*\*

Второй день пути подошел к концу, а Нордар и не думал кончаться. Иль, для которой это было первое путешествие, поначалу глядела во все глаза, но потом даже ей примелькалась бескрайняя степь.

— Далечно ли до границы? — то и дело спрашивала она Хлея.

— Далечно еще, — всякий раз отвечал ей добродушный купец. — Еще столько же.

Останавливались они редко и то лишь для того, чтобы дать отдых лошадям.

— Времена беспокойные настали. На дорогах опасно. И разбойники, и убивцы встречаются.

С другими купцами, ехавшими с ним в одном обозе, они почти не разговаривали. Хлей сказал Иль, что в дороге нужно молчать больше, а вот болтать — меньше.

— Дорога дальняя, а силы копить нужно. Бывает, отвлечешься на беседу и не заметишь, как из темноты головорез с тесаком выпрыгнет!

Иль вздрогнула.

— Неужто такое бывает? — спросила она. Ей казалось, что все ужасы были сосредоточены в Даиркарде, а за его границами мир дружелюбно улыбается и протягивает к ней руки.

— И часто, — вздохнул Хлей. — Жена моя каждый раз меня как в последний путь провожает. Бойтся, родимая, что не вернусь.

Молодой купец всякий раз сводил разговор к своей жене, по которой очень скучал.

Еще через три дня пути обоз достиг границ Нордара. Иль думала, что граница будет огорожена высокой стеной, за которой скрывается цветущий сад с дивными цветами и животными, но ничего такого не было. Одиноким межевым столб указывал на то, что нордарские земли окончились.

— Радаринки, — объявил Хлей. — Бескрайняя пустошь.

Уже к самой ночи купцы решили сделать привал. Спешились, распрягли лошадей, разложили костер каждый у своей повозки и сели ужинать. Иль, у которой затекли ноги от долгого сидения, хотелось побежать по степи, но Хлей ее остановил.

— Дорога, — напомнил он ей. — Мачеха, а не мать.

Они направлялись в Заттарики — столицу Радаринок, Каменный Град, как любовно называли его сами жители. Оттуда, как показал Хлей Иль по карте, было рукой подать до Гарды, столицы Рийнадрёка, в котором, проявив сметку и настойчивость, можно найти провожатого в Северный Оннар, это если по короткой дороге, а если по длинной — то

доехать до Опелейха, что в Южном Оннаре, а оттуда уже в Стрелавицу. А там уж до любого окреста — рукой подать.

— В Заттариках мы расстанемся, — сказал ей Хлей. — Уж не серчай на меня.

Но Иль и не думала обижаться. Ей только было страшно, что она не запомнит всех этих замысловатых названий и уедет не туда.

— Я тебе оставлю карту, — успокоил ее добрый Хлей. — А ты, как доберешься, пошли весточку с оказией. Из Северного Оннара к нам почти никто не ездит — не дружны они с рийнадрекцами, но вдруг кто соберется в Заттарики. Черкни строчку-другую, что, мол, в Северном Оннаре я.

Иль пообещала выполнить его просьбу.

— А я вот жду не дождусь домой попасть, с женой свидеться.

И Хлей мечтательно закрыл глаза.

В эти дни Иль почти не думала об Уульме — слишком уж уставала она в дороге, но сейчас, глядя на молодого купца, она представила на его месте своего мужа, которому больше не доведется вновь встретиться со своей женой, и сердце ее сжалось.

— Я должна жизнь жить, — прошептала она на нордарском. — Не буду думать о смерти.

И, забравшись обратно в повозку, она проплакала всю ночь.

## Глава 3. Одичея

За то время, что Вида пролежал совершенно больной, мир словно перевернулся с ног на голову. Сначала Трикке, а потом и Ойка подтвердили слова Игенау о том, что он и впрямь ненадолго умер. Хотя Зора и считала, что Ардон ошибся, Вида старому лекарю почему-то верил. Значит, и пустынная дорога, по которой он тогда шел, ему не приснилась, а была настоящей, пусть и невидимой тем, кто еще жил на этом свете. Вида и пугала, и одновременно приятно будоражила мысль о том, что он сумел вернуться оттуда, откуда еще ни один смертный не возвращался, но зачем он понадобился богам в этом, а не в ином мире, объяснить он не мог.

О Бьиралле он теперь если и думал, но вовсе не так, как прежде — сама мысль о женитьбе за прекрасной дочке Перста доводила его чуть ли не до слез. Вида сам не знал почему он враз разлюбил свою невесту, без которой еще совсем недавно не мыслил своей жизни, но и на этот вопрос ответа у него не было.

И третьим, что смущало Вида, был холодок, исходивший от его младшего брата. Юноша не помнил, чтобы он ссорился с ним или как-то того обижал, а потому и не понимал, почему теперь Трикке на него глядит волком.

А вот Трикке о причинах своей обиды прекрасно знал, но даже спроси его Вида напрямую, никогда бы в том не сознался — мальчик отчаянно ревновал брата к Ойке. И хотя он понимал, что Вида смотрит на нее как на сестру, не мог побороть душившую его злобу к брату, вокруг которого и день и ночь бабочкой порхала за одну лишь весну расцветшая Ойка.

— Огонь-девка, — сказал Вида Трикке после того, как Ойка, прознав про его намерение тайком пойти в лес, подняла страшный крик и пообещала, что порог Угомлика он переступит только в том случае, если ее убьет. — Не зря даже на голове у нее пожар. Такую только тронь... Да странно, что раньше она такой не была.

Он довольно засмеялся — ему, как и младшему брату, веселая и боевитая Ойка нравилась куда больше заплаканной молчуньи. А Трикке отворотился.

— Что? — удивился Вида. — Разве я не прав?

— У тебя же вроде как есть уже нареченная, — ответил Трикке. — Чего ты на нее заглядываешься?

Вида оторопел.

— Да где ж я заглядываюсь-то? — спросил он. — Я ж от сердца говорю...

— А ты не говори! — выпалил Трикке.

Вида, хоть он и успел уговориться с Бьираллой и даже пару раз ее поцеловать, был в любовных делах еще очень неопытен, а потому и не понял, что чувствовал тогда его брат.

— Ты скоро женишься, Вида, — угрюмо продолжал Трикке. — Мужем станешь. Не дело это, других девок хвалить. Перст, да и невеста твоя вовсе не обрадуются, если узнают, что ты с Ойкой день-деньской тут милуешься...

— Кажись, понимаю, — догадался Вида. — Ты так меня об беды бережешь!

И он пообещал Трикке, что впредь будет более осмотрительным, но холода это между ними не поубавило — Трикке злился теперь уже на Ойку за ее пустую глупую любовь к его брату.

— Пойдем, Вида! Присядь, Вида! Попей, Вида! Дай я тебе оботру рот, Вида! — передразнивал он хлопчущую подле больного девочку. — Тьфу!

“И почему Виде вечно везет?” — грустно думал он, вспоминая, как горят у Ойки глаза, стоит ей даже имя Виды услышать.

\*\*\*

Иль потеряла счет дням. Сколько они вот так катили по бескрайней каменной степи — день али месяц? Утром купцы вставали, наскоро завтракали, не разводя костра, запрягали лошадей и выдвигались в путь, а вечером останавливались на ночлег, всегда оставляя парутройку человек беречь покой спящих и все их добро.

Хлей, бывало, рассказывал Иль занимательные истории из своих странствий, но больше молчал. Было видно, как он хочет поскорее добраться домой, к любимой молодой жене. Остальные обозчики тоже не отличались болтливостью, а если и приходила им нужда перекинуться словом-другим, то говорили они мало и по делу.

В очередной такой день, ничем не отличимый от предыдущего, на одной из телег, идущих в обозе, треснуло колесо.

— Ай-ай! — покачал головой Хлей, осматривая поломку. — Вот ведь некстати.

Иль тоже вылезла из телеги и стала крутиться рядом, изо всех сил желая помочь расстроенному купцу.

— Вечер уже близко! — крикнул Хлею его друг. — Останемся на ночь. К утру и починим.

Пока солнце не зашло за окоём, купцы, все вместе, помогали Хлею. Иль, поняв, что им она не помощница, села поодаль и сама не заметила, как задремала. Снился ей Иркуль, непривычно добрый и ласковый.

— Вот уж заждался я тебя, Иль! — говорил он ей, протягивая руки. — Вот стосковался.

Даже во сне Иль не смогла поверить таким переменам и проснулась.

— Эй! Ты кто? Не подходи! — раздался рядом с ней крик одного из купцов. — У нас оружие!

Из сумерек выступила босячка, каких много на любой большой дороге, а с ней и совсем маленькая девочка.

— Мне бы поесть, — прохрипела оборванка, подходя ближе. — Аль медяк... Совсем ноги не несут.

— Пошла прочь!

И женщина, опустив голову, пошла дальше.

— Это обманка, — объяснил Иль Хлей, когда она спросила его, почему купцы прогнали нищенку. — А во тьме прячутся дружки ее, разбойники. Мы тут начнем ее хлебом-солью почивать, отвлечемся да бдительность растеряем, а они тотчас и нападут на нас. Хорошо, если только товар отберут, а бывало, что и по горлу раз-другой ножом проведут. И нет обоза.

Хотя Иль и доверяла опытному в дорожных делах Хлею, но не могла не пожалеть несчастную попрошайку, медленно удалявшуюся от обоза. Она совсем не походила на тех, кто мог быть в сговоре с шайкой разбойников.

— Починили! — изрек мастеровой Горда, прилаживая колесо к телеге. — С рассветом выезжаем.

Обрадованные, путники поели и завалились спать. Не спалось только Иль, которая все никак не могла выбросить нищенку из головы.

Осторожно, стараясь никого не разбудить, она спустилась на землю. Выставленные в дозор купцы мирно сопели, прислонившись к задку самого дальней повозки. Иль, едва наступая на землю, припустила вперед по дороге, надеясь нагнать несчастную мать и ее

маленькую дочку.

Через тысячу шагов она услышала слабый голос, такой, каким обычно говорят те, кому недолго осталось на этом свете:

— Мне не дойти. Ноги не донесут. Иди сама, Фалькиль. Иди да не бойся. А я ту полежу. Отосплюсь, встану да найду тебя...

Иль с изумлением поняла, что знает слова, произносимые нищей побирушкой. Говорила та на оннарском, хотя купцов просила о хлебе на радаринкском.

— Эй! — позвала Иль из темноты. — Вы где?

— Мама! — пискнула девочка.

— Я из обоза, — тихо, стараясь не разбудить криком своих друзей, представилась Иль. — У меня нет еды, но есть деньги.

Иль почуяла, как маленькая теплая ручка обхватила ее запястье.

— Возьми, — сунула она в ладошку пару монет, которых наменяла у Хлея за свои стеклянные украшения.

— Благодарствую, добрая госпожа, — заученно ответили ей.

Иль повернулась, чтобы бежать обратно, пока ее не хватились, но тут другой, первый голос, сильный и едва различимый, остановил ее:

— Передай ему, как увидишь, Сталливанову волю. Пусть обойдет он весь свет, помогая тому, кому уже никто не в силах помочь, пусть заслоняет собой от беды.

Иль ничего не поняла. Только имя Сталливана и было ей знакомо.

— Кому? — спросила она, решив, что нищенка ее с кем-то спутала. — Кому передать?

— Уульме Мелесгардову.

Иль едва устояла на ногах. Как первая же встречная ими бродяжка в Радаринках могла знать Уульме? Как могла она знать ее, Иль, раз передавала через нее чужие наказания?

— Иди, — снова просипела женщина. — Найди его.

Очнулась Иль уже тогда, когда солнце встало. По тряске она поняла, что они снова едут.

— Вот уж и напугала ты нас! — гаркнул Хлей, когда она открыла глаза. — Утром мы тебя обыскали. Всю округу облазили, пока не нашли. И где? Лежишь у дороги, словно спишь. И, спросить боюсь, как ты там оказалась?

— Не помню, — соврала Иль. — Вышла на звезды посмотреть и не заметила, как ушла. Идти назад в ночи побоялась, присела у обочины да уснула.

— Опасно, — предостерег ее Хлей. — Могла бы и на плохих людей нарваться.

А Иль, вспомнив давешний разговор, решила, что ей это все и вправду привиделось.

Пустая мертвая земля сменялась каменистыми грядами гор, а те, в свою очередь, чахлой колючей порослью. То жарило солнце, то начинал лить мелкий дождь, то задувал ветер. Купцы уже позабыли, в какой день выехали они из Даиркарда, а до Заттариков было еще далеко. Даже лошади, привычные к долгим перегонам, выдохлись и отощали.

Хлей давно уже не шутил, не расспрашивал Иль и не рассказывал о себе и об оставленной им молодой жене. Иль тоже не лезла к нему с разговорами, лишь старалась помочь, когда это было нужно.

Вот и теперь они ехали молча, завернувшись в плащи и оступело глядя вдаль. Ветер, уже не такой слабый, как раньше, клубами поднимал дорожную пыль. В горле у Иль першило, а из глаз градом катились слезы, даже нос был забит песком.

— Залезай внутрь! — прохрипел Хлей, пытаясь откашляться. — Сейчас наметет!

И ветер, словно услышав такое точное предсказание, задул с новой силой. Воздух разом



сделался желтым от пыли. Лошади, перестав различать дорогу перед собой, испуганно заржали и встали на месте.

— Вперед, окаянные! — чуть не плакал от усталости и досады Хлей, стараясь расшевелить заартачившуюся четверку. Ехавшие позади него повозки тоже остановились.

— Дороги нет! — стараясь перекрыть свист ветра и ржание коней, закричал Хлей, размахивая руками. — Остановка!

Иль спрыгнула на землю и едва успела ухватить за дрогу — даже доверху груженная повозка ходила ходуном, а уж легкую керу ветер бы тотчас же подхватил и унес. Лошади одурело рвали ремни, которые были прикручены к оглоблям, а купцы о чем-то спорили.

— Тут недалеко есть трактир! — сипел Бяла, обычно ехавший позади всех. — Пятьсот шагов. Поведем лошадей. Здесь нам никак нельзя!

Другой, его имени Иль никак не могла запомнить, был против:

— Это не трактир, а разбойничье гнездо! Сколько раз там наших грабили? Останемся тут!

— Лошади взбесились! Вот-вот порвут сбрую! Долго нам не продержаться!

Иль, даже понимая она их наречие, из-за шума не смогла бы разобрать и слова. Решив, что помочь все равно не поможет, она забралась обратно в повозку, едва не сорвавшись вниз. От ледяного ветра, который без труда проходил сквозь толстые матерчатые стенки, натянутые на деревянные обручи, у Иль зуб на зуб не попадал. Да и страшно ей было — никогда прежде не видела она бушующей стихии.

Колеса закрипели, и повозка тронулась. Прильнув к прорехе в материи, Иль увидела, как Хлей, завязав глаза лошадей тряпками, потянул их вперед.

Ветер серчал все больше и больше. Уже не мелкая дорожная пыль, а камни взлетали с земли словно пуховые перья, и с силой бились о колеса и стенки повозки. Мимо, ошалело крича, проносились птицы со сломанными крыльями. А Хлей продолжал из последних сил тянуть за собой лошадей.

— Еще чуть, — шептал он сам себе. — Еще шаг...

Сзади ему кричали, но он не оборачивался. Знал, что если остановится, то потом уже не двинется с места.

— Еще шаг. Скоро будем.

Иль не сразу поняла, что повозка встала — так медленно они двигались. Кто-то, громко ругаясь, начал распрягать коней.

— Выходи, — услышала она голос Хлея. — Прибыли.

Спустившись на землю, Иль едва смогла различить очертания большого дома, а вот вывеску над входом уже не увидела.

— Скорее туда! — приказал Хлей.

Иль протиснулась в узкую щель, оставленную для несчастных путников, и закашлялась.

— Проходи! Не стой на пороге! — сказал ей слуга, оттесняя ее к стоящим рядами широким столам. — Твой сейчас будут.

Иль присела на лавку и огляделась: внутри трактир был грязным, с низкими закопченными потолками, с которых клочьями свисала черная от времени паутина, с маленькими мутными оконцами, закрытыми глухими ставнями, с земляным утопанным полом, на котором, помимо столов, стояли коробки и лежали мешки. Хотя Иль и не приходилось раньше бывать в подобных местах, она поняла, что даже самый жалкий трактир был в тысячу раз лучше бушевавшей за окнами бури.

— Есть? Пить? — спросил ее слуга.

Хотя радаринкского языка Иль не знала, это слова были ей знакомы — купцы всегда повторяли их, когда приходило время привала. Она кивнула.

— Есть каша, — добавил слуга. — И пиво.

Иль замотала головой и развела руками.

— А, иноземка... — протянул он. — Что ж с вас взять, пришлаков?

И он, шаркая ногами, удалился. А трактир начал заполняться людьми — сначала вошел Хлей, весь серый от слоя пыли, за ним Бяла, громко ругаясь, а потом и остальные.

— Переждем здесь, — объявил Хлей. — Подать вина да пожрать поскорее!

Он поискал глазами Иль.

— Вот ведь и денек! — уже по-нордарски заметил он. — Давно такого не было...

Последний купец, которого Иль запомнила как Рымду, распахнул двери и закричал:

— Геда! Геда ушел вперед! Пошел к Стишинскому перевалу. Говорит, там ночь скоротает!

Гедой был тот радаринкец, который нарек трактир разбойничьим гнездом и нипочем не хотел оставаться здесь на ночлег.

Хлей только развел руками. Он чуть не надорвался, тяня упирающихся, до смерти напуганных лошадей, так что теперь у него не было сил еще и уговаривать кого-то остаться. Если Геда решил, что в одиночку одолеет путь до перевала, где было ближе к городу и не так опасно, как на большой дороге, то и пусть.

— Он знает, что делает! — ответил Бяла. — И мы знаем.

Слуга тем временем уже расставлял глубокие миски, чашки и ложки, разливал вино, накладывал кашу и печеные овощи.

— К столу! — гаркнул он.

Купцы расселись, выпили принесенного вина, наломали черствого хлеба и застучали ложками.

Ела и Иль, все еще ежась от холода. Заметив, как она пытается согреть пальцы о пламя свечи, Хлей приказал принести ей горячего чаю и кусок сахара.

— Ты, как поешь, поднимайся наверх, — сказал он, вставая из-за стола. — Там тебе комната будет. Завтра, ежели ветер уймется, с утра двинем. А пока и поспать можно.

И он ушел, едва не падая от усталости. Иль тоже не стала засиживаться — прихватив с собой чашку, она поднялась за слугой по шаткой лесенке, вошла в комнату, больше похожую на клетку, и упала на постель. Хотя был еще день, а за окном бушевал ветер, ударяя в хлипкие ставни, усталость взяла свое, так что она уснула, едва закрыв глаза.

\*\*\*

Дверь заскрипела, и в комнатку, где спала Иль, протиснулись двое. Зажегся огарок, и налетчики увидели девушку, свернувшуюся в калач под тонким драным одеялом.

— Поднимай и тащи вниз! — приказал один другому.

И не успела Иль толком проснуться, как здоровенный детина грубо сдернул с нее одеяло.

— А ну вставай! — рывкнул он, наклоняясь над ней.

Иль вскочила на ноги и закричала.

— Твои все внизу! Пошла!

Клещами впились его сильные пальцы в тонкую руку Иль. Не обращая внимания на ее попытки вырваться, детина тащил ее, словно собаку. Внизу, в общей комнате, уже стояли

купцы, все, как один, с завязанными за спиной руками.

Высокая баба, с длинными, затянутыми в неряшливый узел, волосами, мужских штанах и рубахе, в высоких сапогах, сидела на столе, поставив ноги на лавку.

— Эй, верховодка! — позвал ее детина, держащий Иль. — Смотри, кого я нашел!

Баба обернулась и знаками приказала поставить Иль вместе с купцами.

— Эх, прав был Гада! — вздохнул Хлей. — Разбойничье гнездо.

— А ну заткнись! — рявкнул один из подручных верховодки и замахнулся на Хлея.

— А ты руки при себе держи! — оборвала его та. — Мы ж не убивцы какие!

Говорила верховодка, как и все остальные, на радаринкском, но Иль от страха показалось, что она ее поняла.

Баба тяжело прошла мимо своих пленников, достала из кармана самокрутку и закурила. Против воли Иль восхитилась ею — женщина, а как ее слушаются! Да уж, это не Нордар, где даже кера не смела перечить мужчине!

— Мои молодцы сейчас наверху пошуршат, — объявила верховодка. — Золотишко срежут. Ну, и коньков ваших заберут. Мы люди мирные, вас не тронем.

И она расхохоталась.

— Только не коней, дрянная ты баба! — выкрикнул Бяла и тут же получил кулаком по лицу.

— А почему ж? — верховодка нахмурилась. — До перевала недалече. Там коньков и возьмете. Токмо, вестимо, втридорога. Но вы ж богатенькие, не обеднеете.

— Товаром возьми, гадина! — крикнул уже Хлей. — Ковры везу шелковые, подушки!

— А мне ни к чему, — отрезала баба и снова достала самокрутку. — Я лошадок люблю!

Наверху слышался шум и ругань ночных налетчиков — видать, наши кошели купцов, набитые деньгами.

А Иль, во все глаза смотрела на нее, и все никак не могла понять, почему верховодка кажется ей знакомой. Что-то было в ней такое, что она уже раньше видела, только не помнила, где. Эта мужебаба вела себя так, будто сама себя хотела убедить в том, что больше не является ничьей собственностью. Так же вела себя и Иль, когда бросилась прочь из Даиркарда!

И тут ее осенило.

— Пойдите! — выкрикнула Иль на нордарском. — Не надо!

Верховодка уставилась на нее, забыв про дымящуюся в зубах самокрутку.

— Нордарка?

Иль кивнула.

— Далече от родных земель.

— И вы.

— Как ты поняла, что я не из этих? — спросила верховодка, кивнув не то на стоящих купцов, не то на своих подручных.

— Не знаю, — призналась Иль.

Баба снова села.

— Поди сюда, — обратилась она к Иль. — Пусти ее, дурень!

Детина разжал тиски.

— Ты откуда?

— Из Даиркарда.

— И я когда-то там жила... Не поверишь, в самом дворце кета нашего Азапа, будь он

проклят тысячу раз!

У Иль перехватило дыхание! Вот почему облик верховодки показался ее знакомым! Азапом был их с Иркулем отец, так что она не раз и не два должна была видеть ее во дворце!

— И что же случилось? — решила спросить Иль. — Как вы здесь оказались?

Верховодка выпустила клубок дыма и снова засмеялась хриплым, грубым смехом.

— Молодая я была, глупая. Да на рожу не шибко-то красивая. А что делать бабе, коль богами красы не положено? Я во дворце прачкой служила, руки себе в мясо стирала, — она подняла широкую красную ладонь и повертела перед Иль. — Да спину надрывала. Отец меня то и дело палкой охаживал — дескать, женихи ко мне не частят, а кормить ему меня накладно будет. А что накладно — я свою монету исправно домой носила. Да и жрала не за троих.

Верховодка обиженно поджала губы, вспомнив, как несправедливо обходился с ней родной отец.

— Все попрекал меня тем, что кожа не гладкая да нос набок отрос. А я, дура, плакала да думала, что это, вроде как, временно. Дескать, вырасту, вытянусь, вылюднею да и краше стану, — тут она выругалась так, что даже ее подручные присвистнули. — А потом меня наверх послали, туды, в кетовы опочивальни. Мне, вроде как, не положено было туда соваться, да только девка одна — ох, и красавица ж была — занемогла, вот пришлось и мне идти. Я как по лестнице поднялась, как в покои керы зашла, так и ахнула — все в золоте да мраморе! А платья какие там были! А туфли! Если б я хоть раз так оделась, то вмиг бы стала всем девкам девка! Ну и не сдержалась я — у кровати ожерелье лежало, блестящее такое, с камушками белыми. Я и примерила, так, на мгновение к шее приложила. Стою, любуюсь на себя. Потом сняла, вестимо, да обратно положила, на место. И пошла вниз, будто меня тут и не было. Только не сдержала языка, проболталась одной девке, что бусики я государевой жены трогала. А на другой день за мной пришла кетова личная стража, схватила меня да и поволокла к кету. Дескать, я, своими руками даже трогать его не могла! Кет, чтоб ему пусто было и на том свете, и на этом, приказал меня высечь, дескать, в науку. Отец мой тоже не подмог — перед носом двери запер. Иди, говорит, на все четыре стороны, не дочь ты мне боле.

Верховодка замолчала, а Иль приложила руку к груди — может, и не то самое ожерелье, но другое, и тоже с блестящими камнями, было спрятано у нее под платьем.

— Я и пошла, — вновь продолжила нордарка, вытирая нос рукавом. — По пути разные люди встречались. И добрые, и злые. Больше злые. Всякое мне пришлось вытерпеть, да только теперь я плакать бы не стала — плюнула б в лицо кету, и пусть он меня казнит!

Баба вытерла глаза и отвернулась.

— Той красавице-то он бы, поди, и не такое простил! — добавила она.

Иль расстегнула ворот платья и сняла ожерелье.

Верховодка вытаращила глаза:

— Почти оно самое! Откуда оно у тебя?

— Я — кера Иль, — сказала Иль. — И я дарю его тебе.

Мясистые губы верховодки растянулись в улыбке, глаза заблестели. Осторожно взяв ожерелье, она поднесла его к свече и долго вертела в руках, любуясь, как переливаются драгоценные камни.

— Эй, Головач! — приказала она тому самому детине, который до этого держал Иль. — Сыщи мне зеркало!

Детина ринулся наверх, исполнять волю своей управительницы, и скоро вернулся, неся с собой большой осколок.

Верховодка застегнула мудреную застежку и стала крутиться перед зеркалом, ахая от восторга.

— Всем девкам девка! — приговаривала она, широко улыбаясь.

Налюбовавшись на свое отражение, верховодка повернулась к Иль и сказала, но совсем не так, как привыкла говорить — голос ее звучал мягче, да и злого блеска во взгляде поубавилось:

— Я вас не трону. И лошадей не возьму. Езжайте с миром.

И, обратившись уже к своим, добавила:

— А ну вытрясти монеты!

\*\*\*

Купцы собирали с пола свои деньги. Им не верилось, что ночной налет, который грозил их оставить голяком, так удачно для всех закончился. По очереди они подходили к Иль и благодарили за свое спасение. Наутро, едва шумевший ветер немного стих, они запрягли лошадей и двинулись в путь.

К вечеру купцы добрались до Стишинского перевала, где был не один, а сразу несколько трактиров и постоянных дворов. На подъезде к перевалу Хлей первым заметил груженую повозку, принадлежавшую Геде. Лошади, все еще в упряжке, откатали ее подальше от дороги, туда, где блестело водой неглубокое озерко. Самого купца нигде не было видно.

— Геда! — закричал Хлей. — Геда!

Но никто не отозвался.

По старинному закону оставшееся от купца имущество нужно было везти домой и передать семье, лишившейся кормильца. Так и поступили: повозкой сел править Бяла, тот, который так и не смог уговорить Геду переждать бурю в придорожном трактире.

\*\*\*

Первый день обхода прошел совсем уж по-будничному. В мечтах Трикке рисовал тяготы и страшные опасности, которые он мужественно одолеет, но правда оказалась куда как проще и спокойнее. Выйдя утром, обходчие еще до обеда управились со всеми делами. Да и дел было немного — весна, суровая в этих краях, стала расцветать, и в редколесье почти полностью сошел снег, оставляя после себя черные прогалины. Грачи гулко кричали, и там и сям тяжело вздыхали деревья, сбрасывая с ветвей прошлогодние листья. Ничего страшного или необычного обходчие не увидели, да, если говорить правду, и не желали видеть. Каждый нутром чуял, что то нападение волков было не иначе, как знаком, да только разгадать его никто не брался.

Уже к вечеру Трикке вернулся домой. Остальные решили остаться у Ваноры, но юношу присоединиться к ним не попросили, а тот и сам не стал напрашиваться. Едва не плача от жалости к себе, Трикке понял, что он никогда не станет своим среди этих суровых мужчин. Это Вида сразу обретал друзей везде, куда ступал, а он так и останется лишь его младшим братом, тенью своих предков.

Зора встретила его на крыльце, бледная от волнений и тревог.

— Сынок! — закричала она и крепко его обняла.

— Все хорошо, мама, — ответил ей Трикке, выворачиваясь из ее объятий.

Теперь даже в материнской любви ему чудилась насмешка. Мать, поди, его просто жалеет, ибо пошел он не в старших братьев... От этих мыслей он и вовсе расстроился, и

поскорее поднялся к себе, бросив слугам, чтобы не звали его к ужину.

Он стащил сапоги и швырнул большой охотничий нож, который ему не пригодился в этом обходе, в угол. Какой ему толк от оружия, если никто не видит в нем воина и мужчину? Ему почти пятнадцать, а все — от матери и отца до самого распоследнего слуги считают его ребенком. Он вспомнил об Уульме — того уже в четырнадцать лет взяли нести дозор, а он, Трикке, даже если заикнется о таком, то его лишь осадят и отправят играть во двор с деревянным мечом.

— Почему боги одарили Вида всем, а мне уготовили лишь подбирать за ним крохи? — в сердцах спросил он сам себя, и тут же ему стало еще горше — он вспомнил об Ойке.

Вида был красивый, высокий, плечистый. А он, Трикке, вестимо, был не так хорош — и ростом поменьше, и плечи не столь широки и шутить он так, как Вида, не наловчился. Все говорили, что лицом на Уульме похож Вида, а вот нутром — Трикке. Он не помнил старшего брата, но знал, что с таким красивым лицом можно быть и бирюком, и угрюмцем, а все равно — от девок отбоя не будет. Не удивительно, что гадкая Ойка надыхаться на Вида не могла!

Так, жалея себя, Трикке провалялся в постели всю ночь и лишь под утро заснул крепким молодым сном.

\*\*\*

Зора, поддерживая Вида под руку, вывела его в налитый цветом сад. Земля пахла так пряно и сладко разом, что хотелось набрать ее в ладони и обтереть ею лицо.

— Как давно я не видел неба, — прошептал Вида, задирая голову наверх. Он был страшно худ, а одежда, которую одолжил ему Трикке, болталась на нем, как на пугале.

— Ты выздоровел ровно к свадьбе, — приободрила его Зора, не зная еще, что этим больше огорчает сына, чем радует.

— Две луны и одиннадцать дней, — подсчитал Вида. — Как я был в лесу в последний раз. Но скоро я снова туда отправлюсь! Мне ж еще до зимы главным обходчим быть!

— Обязательно, — согласилась с ним мать, поглаживая его по лицу.

Они прошли в беседку.

— Может, позвать Ойку? — спросила Зора. — Или Трикке?

— Позови, — согласился Вида.

Мать его кликнула слуг и повелела им найти и привести к ее сыну и сестру, и брата.

— Я отлучусь, — сказала Зора. — Надобно написать письмо Кьелепдару. Он все хочет приехать да повидать тебя, спрашивает о твоём здоровье.

И она, поцеловав сына в лоб, оставила его одного.

Вскоре к нему пришла Ойка.

— Вида! — закричала она, еще издали увидев светлые кудри юноши. — Ты почти что здоров!

— Как хорошо снова ступать по земле, — согласился с ней Вида, откидываясь на спинку скамьи. — Как дышать хорошо! Раньше я о таком и не думал, а сейчас каждый вздох ценю...

Он совсем не ждал, что маленькая Ойка заплачет от его слов.

— Что ты, Ойка? — обескураженно спросил он.

— Если бы ты умер, Вида, умерла бы и я! Не хочу я жить на свете, коли и ты на нем не живешь!

Ойка тряслась от рыданий, запоздало пугаясь того, чего, по великому счастью, с ней не

случилось.

— Не плачь, Ойка, — попытался утешить ее Вида. — Живой я, живой! А умру еще очень нескоро.

Он обнял девочку и прижал к своей впалой груди, стараясь унять ее горе.

— Предатель! — услышал он за спиной голос младшего брата и обернулся — Трикке глядел на него с такой горечью и ненавистью разом, что ему стало не по себе.

— Ты — лжец, Вида! — выплюнул Трикке, подходя ближе и обвиняюще указывая на брата пальцем. — Ты обманул Бьираллу, а теперь хочешь обмануть и Ойку. Говорил, что и не смотришь на нее, а сам среди бела дня на глазах всех слуг милуешься!

— Что ты говоришь? — спросила Ойка, не меньше Виды изумленная таким обвинением.

— Правду, — сказал Трикке. — Он дал обещание Бьиралле и передумал, а теперь желает соблазнить тебя!

Лицо Виды порозовело от гнева:

— Сдурел ты, что ль? — заорал он на младшего брата.

Но Трикке было уже не остановить:

— Ойка! — обратился он к девочке. — Неужели ты не видишь этого? Неужели не понимаешь? Он ведь не любит тебя да никогда не полюбит! Хоть вырви свое сердце из груди, Вида не примет его!

— Молчи! — закричала Ойка и закрыла руками уши.

— Ответь за свою клятву! — снова обернулся к брату Трикке. — Ты дал слово Бьиралле, вот и держи его!

— Отвечу, — процедил в ответ Вида. — Клянусь. Но как бы тебе не пришлось пожалеть о своих словах.

Ойка, прижав платок к глазам, выбежала из беседки. А Вида поплелся следом, сгибаясь пополам и глуша в груди стоны. Трикке остался стоять, где стоял, пытаясь понять, о чем же он может пожалеть. В тот миг он ненавидел брата больше всех на свете и был бы рад, если бы никогда в жизни ему не пришлось видеть это лицо да слышать этот голос.

Вида с трудом доковылял до дверей замка и повалился на ступеньки, где его нашли слуги и проводили в опочивальню. Хотя слова Трикке и больно ранили его, не признать, что младший брат был прав, Вида не мог: он действительно обманывал Бьираллу, не решаясь сказать ей о том, что его любовь к ней прошла.

— Я не трус, — прошептал он, укрываясь одеялом. — Я не трус...

Вида знал, что никогда и ни за что на свете не женится на Бьиралле, никогда не сможет повторить ей тех слов, которые сказал, прося стать его женой, никогда не сможет полюбить ее снова.

Выход был только один, но от мысли, что ему придется совершить, Вида стало так горько, так тоскливо и так страшно, что он чуть сам не зарыдал.

— Если я смог отказаться от своего слова, — сказал он сам себе, стискивая зубы, — то найду силы отказаться и от всего остального, пусть оно мне в тысячу раз более любо, чем Бьиралла. Я — Вида Мелесгардов и я не боюсь!

А Трикке, побродив по окрестностям Угомлика, поплелся обратно в замок, словно побитый пес. Не успел он скинуть с себя сапоги, как прибежал слуга и сообщил ему, что Зора гневается и тотчас же призывает его к себе.

— Что я наделал? — в страхе спросил сам себя Трикке, догадавшись, что мать, которой

уже обо всем доложили, сейчас устроит ему знатную головомойку.

Но делать было нечего и он, ругая себя за дурной нрав, понуро стал спускаться вниз.

— Звали? — испуганно спросил он, входя в Круглую залу.

— Трикке, — ледяным голосом начала его мать, вставая ему навстречу.

Тот лишь опустил глаза.

— Твой брат едва не умер, а ты же решил отнять у него последние силы? У тебя нет сердца!

Ее слова звучали страшнее, чем приговор на суде.

— Я не хотел, — ответил он дрожащим голосом.

— Я думала, что промеж вас братская любовь, но вижу, что я ошибалась в тебе. Вида никогда тебя ни в чем не упрекал!

— У Вида достаточно сердца, чтобы этого не делать, — вставила Ойка.

Трикке поднял глаза и искоса глянул на девочку — та сидела с каменным лицом, глядя на него с такой холодностью и презрением, что он снова вперился в пол.

— Я запрещаю тебе подходить к брату только затем, чтобы обвинить его, — сказала Зора. — Запомни это.

Трикке кивнул и выскользнул из залы, желая умереть.

Однако же, ровно с того дня к Виде начали возвращаться силы. Совсем скоро он вновь смог сидеть в седле да орудовать ножом и кинжалом. Он и сам не понимал, как получилось ему так скоро исцелиться, но не хотел думать еще и об этом. Все его мысли занимал только разговор, который придется ему вести с Бьираллой.

С каждым днем он с великой радостью наблюдал, как рука его, до того слабая и тонкая, стала крепнуть.

Он сделал вид, что позабыл слова Трикке о лжи и предательстве, а тот же, в свою очередь, больше никогда о том не заговаривал. И не страх перед матерью и отцом был тому причиной — Трикке не мог забыть слов Ойки о сердце Вида. И он хотел иметь такое же — всегда, с самого детства мечтал во всем походить на старшего брата. И слова, брошенные Ойкой, показали ему, какая огромная между ними пропасть.



## Глава 4. Дикала

В первый день лета Вида проснулся с чувством, что больше медлить нельзя. Он кликнул слуг и приказал принести лохань с горячей водой, сухие полотенца и костяной гребень. Вымывшись и одевшись, юноша начал перебирать свои личные вещи, откладывая в сторону те, что могли пригодиться ему в дальней дороге. Нужно было не забыть теплый плащ, сменные рубахи и штаны, пару крепких сапог, хорошую попону для коня, еду, деньги и свой драгоценный кинжал, который подарил ему Мелесгард.

Собравшись, Вида вышел во двор. Ему хотелось в самый последний раз осмотреть все: каждый угол, каждую закоулку.

Где-то вдалеке полыхнули красные волосы, и Вида направился туда. Ойка сидела в беседке и деловито разбирала мотки с пряжей.

— Ойка, — тихо позвал ее Вида.

Ойка обернулась. Но улыбка, озарившая ее лицо, быстро померкла, когда Вида, присев рядом, сказал:

— Я уезжаю.

— Куда? — только и сумела она спросить.

— Не решил еще. Далеко.

— Но зачем?

— Я не женюсь на Бьиралле, никогда. Но и обманщиком меня никто не назовет. Если я не могу сдержать свое слово, то в Угомлике мне больше нет места.

Ойка, опустив глаза, разглаживала складки на своей синей бархатной юбке.

— Не плачь, — погладил ее по огненным волосам Вида, заметив, как из глаз девочки закапали слезы. — Я ведь живой.

— А ты сказал отцу? Матери? — выдавила из себя Ойка, стараясь не расстраивать Виду еще больше.

— Нет. И не скажу. Не смогу я.

И, поцеловав ее в красную макушку, вышел из беседки. Оставалось самое трудное — поговорить с Бьираллой. За прошедшие дни его невеста трижды навевалась в Угомлик и, убедившись, что Вида достаточно окреп, чтобы выдержать грядущее пиршество, с утроенной силой стала готовиться к свадьбе.

Юноша представил ее лицо, когда он сообщит ей новость о том, что никакой свадьбы не будет, и поморщился сам от себя. Надо было повиниться перед ней с самого начала, а не ждать, пока в Угомлик вот-вот приедет первый гость. Он в который раз обругал себя за малодушие, подседлал Ветерка и помчался в Аильгорд.

— Госпожа сейчас спустится! — сообщила ему служанка, когда он приехал. — Велела принести вам вина.

— Не нужно, — остановил ее Вида. — Я ненадолго.

Он оглядел нарядную залу, в которой и упросил Бьираллу стать его женой. Как давно ж это было! Будто тысячу веков назад! Вида разозлился на себя. Дурак! Нет бы посоветоваться с отцом да с матерью, прежде чем жениться. А он решил, что взрослый и мудрый, и сам сдюжит принять такое важное решение.

Но тут он услышал, как по лестнице спускается Бьиралла, и, выдохнув, словно в последний раз, приготовился сказать свою правду.

— Вида! — воскликнула она, игриво хмурясь. — Вот и не ждала я тебя!

Она отвернулась от него и постучала сафьяновым сапожком по полу. В ее жестах и движениях было столько лживости, что Виду передёрнуло.

“Неужто она всегда такой была? — в ужасе подумал он. — А я, словно глупый телок, ходил за ней, разинув рот от восхищения”.

— Проси же прощения! — надула губы Бьиралла. — Иначе я уйду к себе!

— Прости меня, — сказал Вида и опустил голову. — Прости, коли можешь.

Бьиралла вздернула нос и поджала губы:

— А еще? Ты сильно провинился, Вида Мелесгардов. Из-за тебя пришлось отложить свадьбу! Ты заслужил наказания!

И Вида шагнул в пропасть:

— В сердце моем жила любовь к тебе столь сильная, сколь и быстротечная. Я верил, что люблю тебя больше жизни, что только ты одна можешь заменить и солнце, и землю, но я ошибся. Клянусь, что не лгал тебе никогда, а говорил одну лишь правду. Когда любил я тебя, то и не скрывал того, а сейчас же разлюбил и тоже не могу молчать.

Глаза Бьираллы стали круглыми от изумления.

— Прости меня, коли можешь, — повторил Вида. — Но я не женюсь на тебе. Я уезжаю отсюда, чтобы заплатить за свое предательство. Более ты не увидишь меня и никогда обо мне не услышишь. Я покидаю свой дом, и семью, и друзей, ибо, отдав тебе свое слово, я лишаюсь и всего остального, что у меня есть.

Улыбка сошла с губ Бьираллы, когда она поняла, что сказал ей ее вероломный жених.

— Пошел прочь! — прошептала она и отвернулась от Виды.

— Я поговорю с твоим отцом, — добавил Вида и вышел за дверь.

Бьиралла слышала стук сапог по мраморному полу и слезы все сильнее жгли ее глаза. Она упала на подушки и зарыдала.

— Свадьбы не будет! Свадьбы не будет! — повторяла она, содрогаясь от слез.

Она была самой красивой, самой богатой, самой знатной и самой желанной невестой окреста, самым драгоценным подарком, какой только можно себе придумать, и Вида отказался от нее! Бросил ее перед свадьбой! Опозорил перед всем светом!

Но не только обида, но и злость жгли ее сердце — это она должна была бросить Виду еще тогда, когда его задрали в лесу волки! Должна была выйти замуж за другого! Уехать в Неммит-Сор под руку с хардмаром из столицы!

И, понимая, что никак она прошлое не воротит, а в глазах простого люда навсегда останется брошенной невестой, Бьиралла лишилась чувств.

А Вида, испросив у Перста прощения и заверив его, что он сам себя за свое предательство осудил, сам себе вынес приговор и сам же претворит в его жизнь, покинул Аильгорд и, прищпорив коня, поскакал в лес.

\*\*\*

За долгую весну Уульме привык к шкуре зверя и даже находил в ней некоторую пользу: волком он и видел, и слышал гораздо лучше любого охотника из тех, с кем в юности ему пришлось выслеживать дичь. Острый слух и тонкий нюх позволили ему оставаться в своем укрытии, лишь изредка подходя к Угомлику, чтобы подьесть остатки, сбрасываемые с щедрого хозяйского стола для окрестных собак, но при этом знать обо всем, что делается в замке. Он может жить здесь сколько угодно долго и видеть всех тех, кого увидеть уже не чаял, а они и догадываться не будут, что их сын и брат совсем рядом.

Когда в первый же день он увидел Мелесгарда и Зору, сердце его чуть не вырвалось из груди. Отец почти не изменился — такой же высокий, статный, только глубокие морщины прорезали его лоб, а густые волосы заметно поредели, а вот мать его будто ссохлась от тоски и тяжелых мыслей. Уульме хотел было подбежать к ним, но вовремя вспомнил, что вряд ли они, как Ванора, поймут его намерения, а потому остался там, где и был, и долго лежал, снова и снова воскрешая их образы в своей голове.

Позже он увидел Трикке и сразу понял, что высокий тонкий юноша и есть его младший брат. Видел и девочку с красными, точно огонь, волосами. Из разговоров слуг, доносившихся до его чуткого уха, он узнал, что звали ее Ойкой, что была она вроде приемной дочери его матери, а, стало быть, его названной сестрой.

Когда же Вида, согнувшись почти пополам, вышел в сад и, жмурясь от яркого света, глядел в небеса, Уульме испытал такое облегчение, какого не испытывал никогда в жизни.

Но чем дальше Уульме жил близ Угомлика, тем сильнее его тянуло прочь из Низинного Края. Ему страшно захотелось повидать Забена и Оглоблю с Коромыслом, еще раз попробовать разыскать Сталливана.

— Отправлюсь в Опелейх, — решил Уульме, когда понял, что Виде больше не грозит беда.

Путь был ему знаком — много лет назад он шел напрямик через лес в Стрелавицу, а уже оттуда перебрался в Южный Оннар. Нюх поможет ему отыскать все тропы, ведущие к городу. Он вспомнил трактир, в который зашел в Опелейхе.

— Гудиймаров трактир, — про себя проговорил он название. — Хоть издалека погляжу. И он, стараясь не глядеть на Угомлик, побежал на юг.

Уульме кружил возле городских врат, стараясь себя не выдать. Только ночью ему удалось проскользнуть в город, прикинувшись большой бездомной собакой. Он сразу же отыскал трактир, в котором был много лет назад, но вывеска на нем была уже другой.

Уульме встал на задние лапы и заглянул в окно. За стойкой стоял совсем другой человек — куда как моложе и выше пузана Гудиймара. Он сам не понял, почему так расстроился. За годы, что минули с их первой и последней встречи, Гудиймар мог умереть или разориться.

— Тогда в Опелейх. Повидаюсь с Забеном. Уж он-то точно не умер, — решил Уульме и побежал вон из Стрелавицы, вспоминая день, когда познакомился со стариком.

\*\*\*

Забен выпроводил Мавиора и остался наедине с Уульме.

— Ты глядишь, будто волк, — пошутил он, но юноша не опустил глаз. Даже то, что старик оказался братом Сталливану, не сделало Уульме более дружелюбным: брат или нет, но ведь не его друг.

— Ты уж и не сердись, — усмехнулся Забен. — А то я и прогневаюсь.

— Гневайся, — буркнул Уульме.

— Скажи, Мелесгардов, — перешел к делу его новый хозяин. — Расскажи мне о брате. Видят боги, мы с ним давно не виделись. Гляди, коль встретимся на улице, так и не признаем друг друга. Каков он? Все такой же прохиндей?

Уульме словно ударили — он не мог снести такого оскорбления, пусть и не ему самому.

— Сталливан никогда не был прохиндеем! — в гневе вскричал он.

— Был, был, — заверил его Забен. — Уж мне-то лучше знать. Сбежал, как в воду канул. Это по его!

Уульме вскинулся, но в этот раз промолчал.

— Что ж, Мелесгардов, — ухмыльнулся старик, — а хватит разговоры-то разговаривать. Ты здесь не отдыхать будешь, а работать. Сталливан-то лентяй да пройдоха, тебя разбаловал. Знаю я его, поди, целыми днями ели да пили да играли в кости.

— Что мне нужно делать? — спросил Уульме, не желая выслушивать такое нелестное описание Сталливана.

— Будешь пока помогать мастеру, а там, уж коли достанет у тебя усердия и осторожности, сам им сделаешься. Я дармоедов не кормлю, но они у меня и не держатся — любой, кто приходит, так работает и за себя, и за меня, но и пустым потом не уходит.

Уульме уже не слушал — деньги его не заботили.

— Я согласен, — кивнул он, хотя знал, что его согласия Забен и не спрашивал.

— Спать ты будешь при мастерской — там вроде как комнатки для ученика есть. Набьешь соломой перину, попросишь одеяла, миску да чашку. Где мыться да куда за похлебкой ходить, тебе покажут.

Забен встал со своего места и медленно направился к выходу. Уульме последовал за ним.

Мастерская была совсем рядом — нужно было выйти из лавки и пройти через большой застроенный двор. У входа сидели несколько подмастерьев и о чем-то громко спорили, ковыряясь в зубах гусиными перьями.

Увидев Забена, все они вскочили со своих топчанов и низко поклонились.

— Пошлите боги господину здоровья да благоденствия! — поприветствовали они хозяина.

— Богов не нужно просить, — ответил им старик. — Они и сами видят, кого миловать, а кому и сполна воздать.

Он остановился.

— Где мастер? — спросил он. — Пусть выйдет.

Один из учеников с поклонами скрылся в мастерской, но очень скоро вернулся, ведя за собой совсем древнего старика — почти слепого, с обожженными по локоть руками и белыми жидкими волосами.

— Дарамат! — воскликнул Забен, будто приветствуя старого друга. — Вижу, что боги не спешат призывать тебя к себе!

Дарамат поднял на Забена свои невидящие глаза и прошамкал:

— Я бы посоветовал им поторопиться. Зажился я что-то... Свет уже не мил.

— Богам лучше знать, — грубо одернул его Забен. — Еще тебя они бы не спрашивали!

Дарамат покорно кивнул, и Уульме вдруг стало жаль старого мастера. Тот правда зажился, правда устал.

— Я привел тебе ученика, — напомнил о главном Забен. — Обучи его, чему сам сможешь. Да не жалея — он мне дорого обошелся. Пусть работает, пусть семь раз свою рубаху от пота выжимает. Пусть каждую свою корку сторицей отработывает.

Подмастерья насмешливо глядели на Уульме, о котором так нелестно отозвался их хозяин, но тот даже не шелохнулся.

— Дарамат? — требовательно позвал старика Забен.

— Я обучу его, — прошамкал старый мастер. — Если тебе уж так нейдется.

Он неуклюже поклонился и зашел обратно в мастерскую.

— Слыхал? — обернулся к Уульме Забен. — Это твой новый учитель. Слушай его, как слушал лентяй и пропойцу Сталливана, который ничему хорошему научить тебя не мог. И

исполняй в точности все, что он говорит.

— Слушаюсь, — ответил Уульме. Он тоже поклонился, но не так, как это делали остальные: поклон вышел у него кривой. Богатый и родовитый, привыкший повелевать, он не привык кланяться.

— Тогда иди, — кивнул Забен и пошел прочь и от Уульме и от остальных подмастерьев.

Теперь этот день, пропитанный густым запахом Опелейха, наполненный гулом голосов, скрипом повозок, криками извозчиков и лаем собак, ожил в памяти Уульме. “Как же это все могло случиться? — подумал он. — Как я мог все потерять...”

\*\*\*

Вида ехал долго, не останавливаясь, не сходя с дороги. Накануне отъезда он вспомнил о Южном оградительном отряде, о котором слышал лишь однажды — в доме Ваноры. Кем были эти оградители, Вида не знал, однако внезапно для себя решил, что особого греха не будет, если он попросится в отряд. Обороняя границы, он будет защищать и Угомлик, и отца с матерью, и брата с Ойкой.

— Боги помогут. Я не боюсь смерти. А от позора я уже отмылся, — напутствовал он сам себя.

Он не попрощался не только с отцом и матерью, но и с Игенау, Иверди, Ванорой и другими обходчими и охотниками. Вида хорошо знал своих друзей и понимал, что они, скорее, свяжут его по рукам и ногам, чем отпустят из Угомлика. Он представил лицо Игенау, когда тот узнает об отъезде своего лучшего друга, и против воли усмехнулся.

— Не быть мне боле обходчим.

Уже к вечеру он остановил коня и развел костер. Лес только начался — настоящий, густой черный страж этих земель, а до южных границ было еще очень далеко. Вида уснул, подложив под голову плащ и укрывшись попоной, а стреноженный Ветерок всю ночь недовольно глядел на хозяина одним глазом, про себя недоумевая, чего вдруг Вида вздумалось сняться с насиженного места и уехать так далеко.

К концу третьего дня пути лес начал редеть и в просвет заглянуло солнце. Вида выбрал малохоженую неприметную тропку, которая вывела его на равнину, поросшую ковылем. До Гололетней пустоши оставалось рукой подать.

Он не боялся неизвестности и не жаждал заглянуть в будущее, но и совсем не тревожиться не мог. Он знал, что не вернется назад, что бы ни пришлось ему пережить, но вот умереть скоро и бесславно ему совсем не хотелось.

Вида спешился, расседлал Ветерка, расстелил на земле плащ и лег.

— Я стану великим! — громко сказал он, вспоминая свои детские клятвы. — Моё имя птицей вознесется вверх и облетит весь свет!

И сам не заметил, как заснул, подложив под голову ладонь.

— Вида! Спаси же нас! Заслони от бед! — вновь услышал он уже знакомые голоса.

Сотни людей, с замотанными грязными окровавленными платками лицами, протягивали к нему тощие руки и молили, просили без конца:

— Спаси нас, Вида! Заступись за нас!

Вида открыл глаза — небо над ним уже посерело. Ветерок лежал рядом, даже во сне поводя большими ушами.

Пытаясь сбросить с себя тяжесть сна, Вида достал свои припасы, развел костер и стал ждать утра.

\*\*\*

Завершался пятый день пути, а Гололетняя пустошь и не думала заканчиваться. Вида был почти уверен, что сбился с пути.

— Только этого мне не доставало в довершение всех бед! — в сердцах крикнул он.

До захода солнца оставалось совсем недолго, и Виде не хотелось еще одну ночь провести под открытым небом. Он нахлестнул коня и, не обращая внимания на его недовольство и сердитый храп, поскакал вперед, вглядываясь вдаль. Через две тысячи шагов Ветерок остановился сам и радостно заржал. И Вида вдалеке заметил становище и едва заметный дымок над ним.

— Кажись, прибыли, — сообщил он коню и похлопал его по шее. Ветерок облегченно фыркнул в ответ.

Вида подъехал ближе. Становище было похоже на кучу жухлых осенних листьев не только издали. Шатры были темные от вьезшейся многолетней грязи и пыли, неумело залатанные, кое-где прохудившиеся, с просмоленными крышами. Повсюду валялся всякий нужный скарб — чугушки, мятые половники, щербатые миски с отколотыми краями, мотки веревок, щепки, кожаные ремни и непонятная Виде труха. Облезлые рыжие псы лениво грелись в лучах заходящего летнего солнца, помахивая хвостами и громко сопя. Чуть вдалеке пасся табун лошадей, принадлежавший отряду — тощие заморенные клячи, с вздувшимися боками и куцей гривой. Люди, одетые в платье оградителей — с красной нашивкой в виде молнии на рукаве — бродили меж шатров, подбрасывали в костер хворост, чистили песком посуду и просто играли в кости. Они лишь мельком оглядывали чужака и возвращались к своим делам.

Вида не стал спешиваться. Он направил своего коня меж шатров, надеясь найти главного среди воинов.

— Кто ваш хардмар? — наудачу спросил Вида у одного из хардмаринов, мрачно глядевшего в землю. Тот лишь махнул рукой в сторону.

Юноша продолжил поиски. Но не успел он сделать и десяти шагов, как услышал позади себя сиплый голос:

— Эй! Кем будешь, конник? Здесь тебе не ярмарка.

Вида обернулся — худой и жилистый, дочерна загорелый, одетый в добротные кожаные штаны и жесткую суконную рубаху, в вытертых, но крепких сапогах до колена, оградитель стоял и смотрел на него так, будто был здесь хозяином. В руках у него был меч — куда как хуже, чем у Виды, с простыми ножнами и не такой красивой рукоятью, но удобный и легкий. Волосы его были туго перехвачены черной тесьмой, а густая борода скрывала почти половину лица. Но глаза его блестели так задорно и живо, что напомнили Виде самого себя. Именно таким, как этот воин, он был до последнего своего обхода.

— Я — Вида из Низинного Края, и я хочу увидеть предводителя вашего отряда, — выпалил он заученные по пути сюда слова.

— Так он перед тобой, — ухмыльнулся воин и завел руку за спину.

— Я пришел сюда, чтобы стать одним из оградителей, — сказал Вида. — Я умею драться и я вам пригожусь.

— Это-то ты правду сказал — люди нам всегда нужны. Что ж, коли так, то спешивайся. Вон те, которые сидят у костерка, — и говоривший указал на нескольких оградителей, глядевших на Виду во все глаза, — покажут тебе, где прилечь да где привязать коня, ну и похлебкой своей поделятся.

Вида оторопел — вот так просто он стал одним из оградителей, а ведь сколько

готовился отвечать на вопросы хардмара о себе да о родне, да почему он оказался здесь.

А хардмар повернулся и отправился прочь, оставив Вида одного.

— Постой! Так как звать тебя? — бросил Вида ему вдогонку.

— Хараслатом, — не оборачиваясь, ответил тот. — Гармелевым.

Вида поворотил лошадь и не спеша подъехал к оградителям у костра, которые что-то варили в горшочке.

— Спешивайся, друг, — встал ему навстречу один из воинов.

Вида спрыгнул с коня. Другой оградитель подошел и взял под узды Ветерка, что-то приговаривая на непонятном Вида языке.

— Проходи к нам да садись рядом. Голоден, небось, — сказал первый.

— Я и сытый поесть да попить не откажусь, — ответил Вида.

Оградители засмеялись. Вида им сразу понравился.

— А ведь твоя правда — разве без глотка да без куска жизнь? Садись, досыта накормить не обещаем, но налить — нальем.

Вида протиснулся к месту, которое для него сразу же освободили. Оградители казались ему все на одно лицо — заросшие густой темной бородой, с длинными, спутанными волосами, наспех убранными назад, все в кожаных штанах и серых льняных рубахах, с огромными ножами за поясом.

— Как звать тебя, друг? — снова подал голос тот первый оградитель. Он казался старше всех остальных.

— Вида из Низинного Края, — сразу же ответил Вида.

— А я — Умудь, вон тот, — и говорящий ткнул пальцем в сторону рыжеватого парня, который хитро улыбнулся Вида, — Фистар, а этот, с кудрявой башкой, — Ширалам.

— А я — Ракадар, — представился подошедший к ним оградитель, который увел Ветерка. — Твой конь стоит там, вместе с другими. Я поддал ему овса, так что и он с голоду не околет.

Только у Умудя было оннарское имя, а у остальных чужие, иноземные. Но Вида все равно спросил:

— Вы все с Северного Оннара?

— Я из Хумлай-Она, — ответил Умудь. — Фистар с Юга.

— И я с юга, с Опелейха, — вставил Ширалам. — Но и там я не свой. Во младенчестве как оказался там, так и больше не уезжал никуда. Дома своего не помню, но знающие люди говорили мне, что вроде как я из Радаринок.

— Койсой, — усмехнулся Ракадар. — Проклятый град рабов и их хозяев.

За всю свою жизнь Вида разве что в Неммит-Соре бывал, да в Олеймане и Стрелавице пару раз. А за границей Северного Оннара ни разу ему оказаться не пришлось. Он даже и не сразу вспомнил, где находятся Опелейх да Радаринки, а, вспомнив, подивились, как же далеко отнесло оградителей от отчего дома. Про Койсой он и вовсе не слышал.

— А остальные? Сколько вас всего тут?

Умудь задумался.

— Я как-то счету не сильно обучен, да вот сдается мне, что три сотни так будет. Кто с Севера, кто с Юга. И с Рийнадрёка видал. И с Нордара. Даже, говорят, привеец есть, только никому об этом не говорит. Всякие у нас тут.

Он наклонился и начал помешивать свое варево длинной деревянной ложкой.

— Вы, стало быть, всех принимаете? — спросил Вида.

— Ну, мы-то здесь и не решаем. Куском хлеба-то всегда поделимся, а уж оставаться кому здесь али нет, думает да решает Хараслат, главный наш хардмар.

— Так меня он, кажись, оставил, — пробормотал Вида.

— А чего б и не оставить? — спросил Умудь. — Парень ты ладный, справный, при коне да оружию сюда пришел. Такие здесь особливо ценятся.

Вида кивнул — действительно уж.

— А вы давно здесь?

— Без малого три осени. Койсоец так чуть поменьше. Фистар да Ширалам только второе лето.

— Глотни вот, силы пополни, — предложил ему Ракадар, вынося из ветхого шатра бутылку на кожаных ремнях.

Вида принял бутылку и сделал большой глоток. То было не вино, а что-то куда как крепче, от чего во рту тут же запыхало огнем.

— Из Койсоа, — не то похвастался, не то застыдился Ракадар. — Там все такое пьют. Я попервой, как здесь оказался, так и вовсе не мог пить здешнюю бурду — по мне она как вода, ни жажду не утоляет, ни в холод не согревает. Пришлось искать купца, которому бы по пути было да спрашивать его прихватить хоть бочонок койсойской водки. Мигом взбодрит!

— И то правда, — откашливаясь, согласился с ним Вида. Водка огнем жгла его внутренности.

— Давайте, уж, а соберите на стол. Похлебка готова, — распорядился Умудь. — Да и гостя грех не попотчевать.

Ракадар опять самый первый кинулся обратно в шатер, принес оттуда несколько щербатых глиняных мисок и простых деревянных ложек и раздал каждому из воинов. Умудь начал разливать.

— Мяса бы покрошить, — протянул, осторожно беря горячую миску, Фистар.

— Мяса нет, — отрезал Умудь. — Хараслат приказал его только к обеду давать.

— Мясо есть у меня! — спохватился Вида.

Он обошел Ракадара, который примостился рядом с ним и отправился искать своего коня. По пути видел он, как все с вниманием, но без злобы смотрят на него. Кое-кто даже поприветствовал его кивком головы, а кому-то он и ответил. Ракадар не солгал — он и впрямь накормил его коня, пусть и не до отвала, но уж точно не худо. Вида похлопал своего верного друга по шее и вытащил припасенное для того яблоко.

— Ешь да отдыхай, мы теперь здесь будем.

Он вернулся к костру, неся с собой большой кусок копченого мяса.

— Так наш новый друг к нам и не с пустыми руками! — обрадовался, словно ребенок игрушке, Фистар. Только сейчас Вида разглядел, что был Фистар самым младшим из всех — быть может чуть постарше его брата Трикке, но за косматой неприбранный бородой и черным загаром его молодости было совсем не видно.

Умудь разлил всем похлебку, и оградители молча начали есть, вылавливая из жидкой баланды куски его окорока.

— Благодарствую, — вдруг сказал ему Умудь. — Вовремя ты.

Остальные молча закивали, прихлебывая и чавкая.

— Коль поел, то и отдохнуть надобно, — сказал Умудь, когда Вида протянул ему пустую миску. — Пусть все там в животе как надо уложится. Ракадар тебе покажет, куда прилечь. Пока ты с нами, а завтра Хараслат уже сам решать будет, может, и отдельно тебя



поселит.

Вида встал — он и взаправду устал так, что повалился и заснул бы даже на голой земле. Ракадар, дочиста вылизав свою миску, поднялся вслед за ним. Виде хотелось что-то сказать своим новым друзьям, которые так тепло приняли его — теперь уже отщепенца, безродного, бессемейного и нищего отступника к себе, и он поклонился.

— Спасибо, — сказал он.

— Спасибо тебе, — ответил Умудь.

С этими словами он плеснул воды в свой горшок, где еще оставалось чуть похлебки, и начал мешать. А потом вылил все в еще более щербатую миску, стоявшую у его ног, и большая ободранная собака жадно кинулась к еде.

Согнувшись вдвое, Вида вошел в шатер. До чего драным и старым он был! Весь в дырах, хоть и бережно, но неумело залатанных, вонючий и неудобный. Виде вспомнились его собственные шатры, когда выходил он с другими обходчиками в лес — большие и красивые, из новой прочной материи да с промасленным дном, чтобы не замочить ноги и всякое добро в дождь.

Ракадар стал суетливо освобождать ему место, перетаскивая свой тюфяк и пожитки вглубь шатра.

— Ну, тут уж не сильно-то богато. Как есть. Раньше и вовсе этого не было — спали под открытым небом али под обозами. Да грелись собаками. Как Хараслат договорился с Перстом твоего окреста, так вроде как полегчало. И поесть всегда вовремя дают, и спать теперь есть где.

— Ничего, — соврал Вида. — Мне не привыкать. Я и не такое повидал.

Сам же он с горечью думал, что если бы не его необдуманная клятва Бьиралле, то не пришлось бы ему оставить свой большой и богатый дом и веселых, верных друзей. Он бросил свой плащ на рваную и грязную перину, из которой торчала солома — гнилая и черная. Соснуть и правда надобно. Уж одну ночь он перетерпит, а там, авось, Хараслат ему отдельный шатер даст.

Он быстро заснул, и от усталости даже не чуял вони, исходящей от его постели, и не слышал гомона снаружи шатра, который еще долго не стихал. Проснулся Вида среди ночи и сам не понял от чего. По привычке он проверил свой нож и меч — все было при нем, так, как он и ложился. Он приподнялся на своем тюфяке: Умудь, тихонько ругаясь, рылся в ветхом сундуке, рядом на коленях стоял Ширалам, держа в руках огарок свечи и стараясь подсветить Умудю тьму шатра.

— Коли хочешь знать, южанин, — больше себе, нежели Шираламу, говорил Умудь, — так боги о нас давно забыли. Не до нас им. Они за богатеев думу думают... А твой дружок и вовсе зря преставиться решил.

Умудь наконец выудил из сундука маленькую прозрачную склянку, почти до половины наполненную беловатой густой жижей.

— Иди да дай ему, авось отпустит. Хоть на тот свет по-людски отправится. Больше — сам видишь — нету у меня. Еще в ту зиму все запасы перевел, а мака-то не привозят.

Ширалам кивнул и тут же спрятал бутылек на груди.

— Боги не забудут, — сказал он.

— А что мне до них! — отмахнулся Умудь.

Ширалам выбежал из шатра в ночь, а Умудь, заметив, что Вида не спит, повернулся к нему и сказал:

— Ты тут не дивись, у нас бывают, что и мрут. Давеча один отравился чем, говорит, что поел ягод каких-то, вот кишки и закрутило. Третью ночь отпустить не может. Бедняга уже побелел, точно снег, да от боли языком не шевелит. Хараслат и питья ему присылал своего личного, и лекарь у нас тут имеется, а все одно — недолго ему осталось.

Вида сглотнул.

— А кто это?

Умудь почесал бороду:

— С Шираламом вместе пришли из Опелейха. Вроде как друг он ему, только моложе.

Пятнадцатая осень минет.

— А что ты ему дал?

— Маковое молоко, вестимо. Хоть отойдет спокойно.

Вида улегся на свое место, и голова его закружилась от дурных мыслей. В первую же ночь он застал смерть юноши, который был так далеко от дома. Он так и не смог снова заснуть, как и Умудь, который истуканом сидел на своей постели. Ширалам вернулся лишь под утро.

— Вот, возьми обратно, — сказал он Умудю и протянул нетронутый пузырек с молоком. — Он сказал, что не надо. Что другим пригодится больше.

— Отошел? — спросил Умудь.

— Отошел, — бесстрастно ответил Ширалам. — Благодарил тебя.

И он лег на свое место. Только Вида заметил, как долго еще тряслись плечи Ширалама под вытертым жалким одеялом.

\*\*\*

Уульме бежал по пустынной широкой дороге. Он был уже в Опелейхе, в городе, где прожил много лет и где все было ему знакомым и даже родным. Вот трактир, в котором он встретился со Сталливаном, вон Дорат, городская темница, а вон и крыша дома кузнеца, где Сталливан справил ему самый лучший в мире меч.

Подбираясь все ближе к ремесленной улице, Уульме чувствовал, как сердце забилося сильнее. Скоро он увидит Забена.

Для себя Уульме решил, что поглядит на лавку и двор издалека, не привлекая к себе внимания подмастерьев или хозяина, но глубоко-глубоко в душе ему хотелось, чтобы Забен тоже его приметил, пусть бы и не узнал.

Лавка была на месте. Да и по запаху Уульме понял, что владелец не поменялся.

Ворота были заперты, и Уульме прикрыл глаза, стараясь вспомнить широкий двор и низенькую мастерскую.

После того, как Мавиор продал Уульме Забену, прошел почти год. За это время его новый хозяин привел Дарамату еще двоих учеников — близнецов-южан, которых все называли Оглоблей и Коромыслом. Они были веселые, но ленивые и не шибко-то смышленные, поэтому дружбы у них с Уульме не получилось. А вот к Забену юноша начал мало-помалу проникаться уважением. И, хотя это и казалось многим странным, Забен тоже любил Уульме больше других учеников. Почти сразу он перевел его в отдельную комнатку — маленькую и темную, с низкими потолками, но все-таки свою собственную, платил больше, чем остальным, чаще отпускал в город и не требовал объяснений, если вдруг Уульме задерживался и возвращался в мастерскую позже обычного.

Однажды Уульме решил спросить о Сталливане, но Забен лишь отмахнулся, заявив, что его никудышный брат-пропойца винными парами протравил себе разум и давно забыл

собственное имя.

В тот день Уульме сидел за низким столом и прилежно выводил на бумаге ровные строчки — впервые за много лун он решился написать письмо домой. Сегодня он впервые выдул из стекла цветок такой красивый, что сам Дарамат похвалил его, и юноша хотел рассказать о своем умении всему миру. Зора бы обрадовалась узнав, что ее сын нашел честную работу, а Мелесгард... Уульме надеялся, что когда-нибудь отец сможет его простить за все то, что он тогда совершил.

Юноша посыпал бумагу песком и отложил готовое письмо. Отправить он всегда успеет.

— Уульме! — позвали его снаружи. — Уульме!

Он выскочил во двор, жмурясь от яркого солнца. Коромысло стоял посреди желтого от зноя двора и развлекался с пушинкой.

— Чего тебе? — спросил Уульме.

— Забен кличет. Пойди разузнай.

Уульме побежал к дому, гадая, зачем же он понадобился Забену среди дня, и чуть не сшиб вышедшего на крыльцо старика с ног.

— Господин, — извинился юноша.

— Я еду по делам в Васку. Одному мне несподручно. Не хочешь ли со мной?

— Хочу! — сказал Уульме. Об этом городе, втором после Опелейха, он был наслышан, но никогда не его видел и даже не представлял, чем он будет отличаться от столицы.

— Тогда собирайся, — добродушно сказал Забен. — К вечеру выезжаем. Заночуем на постоялом дворе — там у меня дела.

И Уульме вприпрыжку побежал обратно к мастерской, чтобы сложить дорожное платье и обувь в мешок, да припасти себе немного еды в дорогу. Старый Дарамат по обыкновению сидел в тени виноградника, который уже много лет не давал плодов, и тихонько похрапывал, уперевшись на клюку.

— Мастер! — позвал его Уульме. — Я уезжаю!

— Куда? — встрепенулся Дарамат.

— В Васку! — беспечно махнул рукой Уульме. — Забен подсобить попросил.

— А-а-а... — протянул старый мастер. — Когда назад-то?

— А того я и не спросил. Запомню. Но скоро, уж коли боги помилуют.

Дарамат вздохнул:

— Я-то тебе еще не все умение передал, а ты уже уезжаешь...

Уульме нетерпеливо перебил его:

— Да разве я навсегда? Скоро обратно приеду.

И, на ходу поклонившись, Уульме побежал к себе. А вечером они вместе с Забеном отбыли со двора в Васку.

У Забена действительно были дела с хозяином постоялого двора, где они остановились переночевать. Он убедил того, что вино — пусть и дрянное оннарское — лучше сохраняется не в деревянных бочках, а в стеклянных бутылках и пообещал ему привезти целую телегу посуды из темно-синего стекла. И без всякой платы подарил хозяину пару бутылок — изделие рук Оглобли.

На следующий день все еще хмельной Забен распрощался с хозяином, и уже к вечеру они прибыли в Васку.

Васка, вопреки ожиданиям, была совсем не такой, какой ее описывали — тот же Опелейх, только чище да зеленее. Даже богатых дворцов здесь было мало.

— Погоди, Уульме, — засмеялся Забен, увидев разочарование юноши. — Ты еще ярмарки здешней не видал.

И, предвкушая скорый праздник, Уульме пошел в трактир, в котором остановился Забен. Утром его разбудили громкие крики — не став прислушиваться, он сбежал вниз, где застал своего хозяина ругающимся с трактирщиком.

— Вот уж и нет! — голосил непривычно худой и маленький для своего ремесла трактирщик, потрясая кулаком.

— Я не позволю какому-то прохиндею порочить мое имя! — отвечал Забен.

Увидев Уульме, он замолчал. А потом сказал, делая знак трактирщику поумерить свою злость хоть на время:

— Иди наверх да собирай вещи. Мы уезжаем.

Но Уульме не сделал и шагу.

— Вдруг этот человек захочет убить тебя, — сказал он громко, так, чтобы трактирщик услышал.

Забен расхохотался:

— И чем ты собрался защищать меня? У тебя нет даже кинжала!

— Голыми руками, — мрачно ответил Уульме.

— Он не хочет меня убить, — заверил его старик. — Мы лишь чуть повздорили.

Недоверчиво поглядев на трактирщика, Уульме поднялся наверх. Почти сразу же поднялся и Забен:

— Прохиндей Сталливан гостил здесь как-то раз. И так обидел хозяина, что тот решил спросить с меня за грехи братца. Я ему кое-как втолковал, что мы с ним сами по себе да за чужие грехи не отвечаем.

Имя Сталливана разбередило старую рану, но Уульме ничего не сказал.

— Мы на ярмарку опоздаем, — буркнул он и пошел вниз, стараясь не смотреть на Забена.

На ярмарку они пошли пешком. Здесь, казалось, было даже больше цвета да пестрости, больше товаров, людей в разных одеждах, больше запахов — и сладких, и терпких, и чуть горьковатых, больше звуков, чем в Опелейхе. Лошади ржут, собаки лают, бабы-торговки ругаются меж собой, покупатели кричат да спорят...

— Красота! — одобрительно пробормотал Уульме.

— Ну же, Уульме, — вдруг спросил его Забен. — О чем ты думаешь?

Уульме разинул рот. С чего уж такие вопросы?

— О доме, — признался юноша. — О матери. И об отце.

— Это хорошо, — похвалил его Забен. — Мысли о доме удержат тебя от большой беды.

Уульме не понравились его слова — он и так лишился всего, что у него было! Разве может что-то быть хуже этого? Какая еще беда обрушится на него, если самое ужасное с ним уже случилось?

— Пока ты помнишь о доме, ты жив. Как только позабудешь — полетишь в пропасть.

Сталливан всегда говорил цветисто и красиво, а Забен — коротко и сухо, но Уульме привык и к тому, и к этому.

— А где твой дом? — спросил Уульме. — Где твоя семья?

— А нет ее у меня!

— А как же Сталливан? — заспорил Уульме.

Забен закатил глаза:

— Чего ты пристал ко мне, Мелесгардов, со своим Сталливаном? Тысячу лет я его не видел и еще столько бы не видал!

Такой ответ Уульме уже слышал, а потому молча подошел к прилавку, на котором были разложены кожаные кошельки.

— Хочешь такой? — спросил старик.

— У меня есть, — соврал Уульме. Денег у него не было, а просить у Забена он не стал бы никогда в жизни.

— Как знаешь, — согласился тот. — Неволить не буду.

Не успел Уульме ответить, как увидел такое, от чего сердце его на миг остановилось — в пяти шагах от него стоял его отец. Но каким же тот был грустным и жалким — Уульме даже и не поверил, что Мелесгард мог так постареть за такое короткое время!

— Пошли скорее, — потянул он Забена прочь от прилавка.

Уульме с ужасом представил, что будет, если Мелесгард заметит его в толпе. Хотя с того дня, как был убит Лусмидур и он покинул Угомлик и Северный Оннар, прошло уже много времени, юноша был уверен, что отец узнает родного сына в любом обличье.

Забен обернулся назад и внимательно поглядел на Мелесгарда.

— Твой отец, — шепотом сказал он.

Уульме только молча кивнул.

— Что ж, пошли, — согласился он.

Когда они отошли настолько, что Мелесгард не мог их увидеть да узнать, Уульме остановился. Сердце его глухо стучало от страха.

— Почему ты не подошел к нему? — строго спросил Забен. — Почему не покайся? Твой отец убит горем! Он даже не знает, жив ты или нет!

Уульме покачал головой.

— Здесь не так-то много постоянных дворов, Уульме, — продолжал Забен. — Ты найдешь своего отца. Спрашивай каждого о богатом господине из Северного Оннара и тебе скажут, где он остановился на постой. Возвращайся домой.

— Ты не понимаешь! — закричал Уульме, зажимая руками уши. — Я — преступник! Из-за меня погиб мой друг! Никогда я не прощу себе этого. Никогда не смогу посмотреть в глаза отцу Лусмидура и вслух сказать, что из-за тщеславия и себялюбия я обрек его сына на позорную жалкую смерть! Я умру, но не вернусь домой, пока не очищу свое имя от грязи.

— Отец любит тебя, — только и ответил ему Забен.

Больше он не сказал своему юному подмастерью ни слова. Молча вернулись они в трактир, молча запрягли лошадь и так же молча поехали обратно в Опелейх. Всю дорогу назад Уульме думал о том, что он совсем не так представлял себе встречу с отцом. Сын богача, который носит платье ремесленника и не имеет даже ножа при себе! Оборванец, который живет в услужении у других людей. Простой отрок, работающий не покладая рук...

Уульме стало себя так жалко, что он чуть не заплакал. Почему все так получилось?

Он достал письмо к матери, которое взял с собой, надеясь отправить из Васки в Северный Оннар, и разорвал на мелкие кусочки. Нет, он не будет писать ей! Нашел чем хвастаться — стеклянным цветком! И, повалившись ничком, доехал до самого Опелейха.

У самых ворот их встретили Оглобля да Коромысло. Оба они были непривычно грустны и потеряны — будто у них украли все добро.

— Забен? — заикаясь, позвал Оглобля.

— Чего? — ответил тот.

— Дарамат...

У Уульме потемнело в глазах. Он вдруг понял, что сейчас услышит.

— Дарамат преставился, — закончил за брата Коромысло.

\*\*\*

Знакомый голос прервал его воспоминания:

— Дурак! Дурак, Коромысло! — закашлялся Забен. — Я сказал повозку, а ты что наделал? Неужто ты решил, болван, что я верхом поеду?

Уульме нашел щелку в заборе и прильнул к ней.

Забен, уже с полностью седой бородой, отчитывал недотепу-Коромысло, который виновато стоял, опустив плечи.

— Запрягай, а не седлай, дурак! — приказал ему Забен и, кряхтя, пошел обратно в дом. — Свалились на мою голову бестолочи.

“Вестимо, по торговым делам едет. — решил Уульме, увидев, как еще один подмастерье, которого он не знал, начал стаскивать в повозку мешки с поклажей. — В добрый же путь, Забен!”

Он был до смерти рад видеть старика, такого похожего и непо похожего разом на Сталливана. Вот ведь как получается: когда Забен отпустил его, то он, Уульме ушел, даже не обернувшись напоследок, уверенный, что никогда не захочет больше видеть ни Забена, ни остальных. Но сейчас он готов был залаять от счастья, вновь с ними встретившись.

— И почему я раньше это не ценил? — в который раз задал себе этот вопрос Уульме. — Почему раньше времени себя хоронил?

— Давно не виделась, Мелесгардов! — проскрипел Забен, высовываясь из окна наружу.

\*\*\*

Уульме сидел в лавке Забена, как в старые времена. Старик, швыряя, пил чай, а дурак-Коромысло, внеся поднос, резво убрался прочь.

— Не думал, что свидимся, — сказал Забен, глядя на мохнатого зверя у своих ног. — Воды много утекло. Думал я, что жизнь у тебя по прямой пошла, а оно вон как.

Уульме вздохнул.

— Как так получилось? — словно прочитав его мысли, спросил Забен. — Братца моего пройдошливого Сталливана спроси. Он тебя оборотил. Теперь ты вроде как волк. Тебе, можно сказать, повезло — мог бы и в мышь, и в червя, и в блоху какую превратиться. Тут уж не Сталливану решать, тут уж как получится.

Уульме молча согласился: быть волком всяко лучше, чем блохой!

— Сталливана ты не найдешь, — продолжил Забен, читая мысли Уульме. — Далеко он. Да и другим он нужен больше, чем тебе. Не ищи.

Уульме снова вздохнул. Ему так хотелось еще хоть раз увидеть веселого старика!

— Мне тут помощь нужна, — сообщил Забен. — Сам знаешь, как Оглобля с Коромыслом работают — больше вреда, чем пользы. За ними пригляд нужен, а ты, должно быть, не всю Дараматову науку позабыл. Пойдешь ко мне?

Уульме застучал хвостом по дощатому полу. Если раньше он бежал от людей, то сейчас готов был ринуться в самую гущу толпы и пить, словно воду, их крики и смех.

— Вот и ладно, — кивнул Забен. — Я тоже рад тебя видеть. Видят боги, с этими дурнями Оглоблей и Коромыслом ни дня мне не было покоя! Я уж даже и забыл, каково это, когда работник не дурак.

Уульме осклабился. Оба брата были так ленивы и тупы, что и он в свое время едва мог

удержаться, чтобы силой не выбить из них разгильдяйство.

— Поспи здесь. С утра на работу, — сказал Забен и, подхватив, полы халата, пошел к себе.

А Уульме остался. Он растянулся на теплом деревянном полу и, облизнувшись, уснул. Давно он не чувствовал себя так хорошо.

## Глава 5. Сладкая пыль

Чуть только занялся день, как Вида был уже на ногах. Ракадар, с головой завернувшись в выцветшее тонкое одеяло, спал в самом дальнем от входа углу, напротив Виды похрапывал Фистар, безмятежно раскидав руки в стороны. Умудя и Ширалама уже не было.

Вида тихонько вышел на воздух и сразу почувствовал себя куда как здоровее и бодрее. Солнце только вставало и еще не успело напечь землю, прохладный, а свежий ветер приятно обдувал лицо. Становище еще крепко спало, окромя дозорных, отошедших от шатров так далеко, что их было почти не видеть, да больших охранных собак, лежащих в пыли и лениво переругивающихся между собой. Ни костерка, ни запаха свежей еды не было и в помине.

Вида пошел проведать своего коня, который был все на том же месте — Ракадар его расседлал и седло бережно положил рядом со входом под навесом, чтобы искусно выделанную кожу не попортил дождь.

— Ну что, Ветерок, — спросил у него Вида, потрепав за уши, — как ночьку провел? Всяко не наша с тобой конюшня, где любая лошадь, даже самая распоследняя кляча, жила лучше, чем тут оградители?

Конь недовольно жевал губами, не желая отвечать на глупые вопросы. Хотелось ему домой али нет, Вида так и не понял.

— Ты стой тут, тебе скоро овса зададут. А я пока осмотрюсь.

Он пошел прочь от навеса, где содержались лошади, и увидел, как недалеко от становища Умудь и Ширалам копали яму. Только через миг Вида понял, что то была не яма, а могила — последний дом для умершего оградителя. Вида быстро направился к копавшим, которые его, казалось и не видели, а может, и видели, но не захотели позвать к себе.

— Нужна помощь? — крикнул он, подходя ближе.

Умудь отбросил лопату и отер пот со лба:

— Да не шибко-то... Сами, чай, сдюжим.

Вида присел возле умершего и ахнул — так мертвый оградитель походил на Трикке. Совсем еще юный, только недавно заросший бородой, с мягкими каштановыми волосами да загорелой, но еще не дубленой кожей. Одет он был в полинялые штаны и рубаху — видеть, досталось от какого-то богача донашивать, так что тело юноши казалось еще тоньше, чем было.

— Он оннарец? — сглотнув, спросил Вида.

— Южанин, — ответил Ширалам.

— Как его звали?

— Лимаром, — сказал Умудь.

— По обычаю похороните? — помолчав, спросил Вида. — По-оннарски?

— Ширалам в обычаях-то не силен, а я только северные знаю.

— Так пусть и по северным.

— Как хочешь, друг, — сказал Умудь. — Ему-то уже все равно.

Вида опустил на колени перед Лимаром и начал медленно и тихо шептать прощальные молитвы, которыми провожали в последний путь усопшего в его родном доме:

— Свидься ты с теми, кто ушел оперед тебя, Лимар из Южного Оннара, да поклонись и пол богам своим да предкам, что встретят тебя там, куда никому из живых нет дороги...

Он вспомнил ту тропу, которой сам едва не ушел этой зимой и приложил руку к груди



Лимара.

— Дела твои не дадут забыть о тебе.

Умудь, что сел передохнуть, снова поднялся и продолжил выкапывать могилу, а Ширалам как присел подле своего друга, так и остался сидеть, глотая слезы, текшие по его черному лицу.

— Прощай, брат! — сипел он, держа мертвеца за руку.

Вида взял лопату и стал копать вместе с Умудем, не желая думать об оставленных дома родных и о том, как же были похожи между собой нищий бессемейный юноша из оградительного отряда и богатый высокородный сын Мелесгарда Трикке. А потом помог уложить Лимара в выкопанную для него постель и закидать могилу землей. Ему вспомнились слова Ширалама о том, что нищий бедняк, корчась от боли и уже умирая, решил оставить драгоценное лекарство для тех, кому оно будет нужнее. Трикке поступил бы так же, подумал Вида. Да и он сам тоже. И Уульме, наверное, не согласился бы отпить макового молока, коли б знал, что для других ничего не останется. И все его друзья — благородные потомки великих воинов поступили бы также, как и этот Лимар.

— Боги приняли его, — сказал Умудь, когда был брошен последний ком земли. — А нам не о чем горевать.

И втроем они пошли обратно к шатрам.

Становище начало просыпаться: кое-кто умывался, кто-то кипятил воду в котелке, кто-то спросонья слонялся между шатров и громко зевал.

Еще издалека Вида заметил Хараслата, который подъезжал к становищу на своем коне, возвращаясь с утреннего смотра. Ширалам сразу же юркнул к себе в шатер, а Умудь деловито и неторопливо начал раскладывать вчерашнее кострище.

— Когда обычно с Хараслатом можно беседы вести? — спросил Вида.

— Отзавтракать нужно, — ответил Умудь. — На пустой-то желудок кто захочет о делах говорить?

"И то верно. — подумал Вида. — Хоть и предводитель, а такой же человек, кому и поесть, и попить надо".

Вида вспомнил давешний разговор Умудя с Шираламом:

— Я ночью слышал, что в отряде туго с подвозом.

Умудь кивнул.

— Это уж правда. Но, что есть, так тому и рады. У нас, в оградительном особо-то не балованные, иначе б и не пошли они в отряд. Ведь те, кто познатнее да побогаче, все на север али запад подаются, а лучше уж и вовсе в городскую стражу или в личную охрану Перста. И работы меньше, и голова целее, и гордиться есть чем. А на юг идут уж совсем те, кому идти-то больше некуда. Кто ж будет о нас печься? Вот и доедаем объедки да огрызки, все то, что скидывает нам Низинный Край.

Умудь наклонился и поднял с земли рваную тряпицу, видать, кем-то оброненную.

— На растопку сгодится, — заметил он. — Я тебе так скажу, друг, но здесь опасности меньше, чем на севере, только не для нас, а для тех, кого мы стережем. Коли враг пробьется, то долго он будет идти до Стрелавицы, по всем этим проклятым оннарским лесным тропам. Там и одному-то трудно пройти, а уж целому вражескому отряду — конному и с оружием... Тем никак не удастся. А вот на севере коли прорубится кто, так сразу и опасность будет большая. Ведь сколько там больших и богатых городов. Вот их и защищают настоящие воины, этому делу обученные, все в драгоценных доспехах да с мечами, разящими, точно

молнии. О тех и пекутся, а нам разве что изредка не забывают бросить кость.

— Ты сказал вчера, что отсюда можно уйти, коли захочется. Чего же никто не уходит, ежели все так плохо здесь?

— А куда ж им идти, бедолагам? — задумчиво спросил Умудь. — Тут никто ни о чем тебя не спросит, даже если и есть на тебе грех. Раз ты здесь, значит больше тебе податься некуда, и, милостью или гневом богов, ты будешь коротать тут свои дни, пока не помрешь.

— Но разве тут все преступники? Разве юный Лимар был дурным человеком?

— Я не знаю, кем он был, а кем не был. И никто не знает. Есть только одна правда — он оказался тут. И ты, и я. И все эти люди. Здесь, в Южном оградительном отряде. Вот это моя правда. Одна и единственная. Моим домом стал вот этот самый шатер, и о большем я не думаю. Какая нужда вечно вспоминать о том, чего ты лишился по доброй воле али чего тебя лишили другие, когда вся твоя забота сейчас — где бы найти хвороста для костерка да как не отправиться раньше срока на тот свет?

Вида с вниманием слушал Умудя. Хотя тот говорил страшные вещи, но ни в голосе его, ни в жестах, ни в осанке не было горечи и отчаяния, не было и покорного смирения, как давеча у Ширалама, когда он вернул пузырек с лекарством обратно. Умудь жил той жизнью, которую сам избрал для себя — не мечтая о чем-то другом и не гневя богов жалобами на свои тяготы да лишения.

— Удружи, Вида, — попросил он. — Зови остальных. Сейчас пойдем за своим, надо на раздачу-то поспеть. А тут уже и кипятком-то трав запарим, вместо чаю напьемся.

Вида скрылся в шатре и начал будить остальных оградителей.

Уже когда все встали и начали, негромко ругаясь, одеваться, он снова вышел к костру. Следом за ним выскочил и Ракадар и начал споро помогать Умудю. Как и вчера, щербатые миски были расставлены, котелок накрыт большой расписной крышкой, а Ракадар вытащил из карманов пару сморщенных груш.

— Дождемся остальных, а потом и к раздаче, — пояснил Вида Умудь. — Тут по шатрам раздают. В разное время для всех. Бьют в большой бубен, чтобы все собирались, а потом и одевают каждого тем, что есть. Готовят вон там, — и он махнул рукой чуть в сторону от середины становища. — Там, за кустами. Туда и пойдем.

Наконец, Фистар и Ширалам тоже вышли из шатра и сели на свои места, ожидая призывного звона бубна.

— Пошли, — вдруг сказал Ракадар, — пора нам.

— Пошли, коли говоришь, — согласился Умудь и все остальные, подхватив свои миски, последовали за ним.

— Ракадар слышит, как зверь, — шепнул Вида на ухо Фистар. — Бьют три раза. Первый — для тех, кто поближе, второй — кто подальше, а третий и самый громкий — кто совсем далеко. Мы вроде как вторыми должны идти, да только пока дождемся, то одну жижу найдешь на дне.

Вида снова вспомнил свой дом — такой теплый и добротный, где всегда было вдоволь еды да питья, где было с кем перекинуться словечком, коли была охота, где сколько угодно было мягких перин и теплых шерстяных одеял и где остался его отец, и мать, и Трикке с Ойкой. Но голос желудка заглушил голос памяти, и Вида решил, что попечалится об этом потом, после того, как поест и поговорит с Хараслатом.

— Никуда мои воспоминания не денутся, — мрачно сказал он сам себе. — У меня еще будет вся жизнь, чтобы об этом думать.

Он протянул свою миску невысокому коренастому оградителю-раздатчему, с перекошенным носом и щербатым ртом.

— Ты с кем? Я тебя не знаю, — ответил тот.

— Это новый оградитель, — раздался голос за его спиной.

Вида обернулся — за ним стоял Хараслат, заведя одну руку за спину.

— И не лей ему тех помоев, которые плещутся в твоём котле, — добавил он.

Раздатчий молча наполнил протянутую ему миску из котелка куда как поменьше остальных горячей жирной кашей с мясом и тушеными овощами. Раз приказал сам Хараслат, то послушаться нельзя.

— Пошли, — кивнул Хараслат, когда Вида взял свою дымящуюся миску. — Тут как-то не привык я о деле говорить.

— Пошли, — согласился Вида.

Они прошли через все становище и оказались у большого шатра, хоть и старого, но не такого жалкого и драного, как все остальные.

“А обычаи-то везде одни, — усмехнулся про себя Вида — главному все самое лучшее и достается”. Даже здесь, в отряде, предводитель не стыдился жить лучше, чем остальные оградители.

Внутри стены шатра были увешаны тканными покрывалами, а пол закрыт толстыми, но грубыми и дешевыми нордарскими коврами. Рядом с постелью стоял чурбан, на котором Вида заприметил большую бутылку из черного стекла, источавшую тонкий, едва различимый запах горных цветов. У стойки содержалось оружие: двуручный меч — странное и непонятное изобретение рийнадрёкских оружейников, который Хараслат прихватил с поля брани, обычный боевой меч и целая гора кинжалов и охотничьих ножей. Большой деревянный ящик закрывал собой часть шатра, словно делил его на две половины, а некогда дорогая, шитая яркими нитками занавеска свисала сверху ровно посередине, охраняя от чужих глаз самое ценное, что было у Хараслата.

— Караульных у меня нет, — сообщил он Виде. — Я сам себя караулю да и тебе советую. Никто не сбережет тебя так же, как ты себя сам.

Вида опустил на большой кожаный топчан, который сначала даже и не заметил в полумраке.

— Я вижу, что ты не трус, Вида, — словно старому другу сказал Хараслат. — И к мечу приучен. Нам такие нужны.

Подождав ответа, но так его и не получив, Хараслат продолжил:

— У нас тут недавно помер сотник. Свора его одурела от свободы. Голову себе сломал, кого на его место поставить. А тут ты! Сам пришел. Стало быть, и назначаю я тебя хардмаром!

Вида поперхнулся. Да разве мог он о таком мечтать раньше? Видать, Хараслат пошутил...

— Али ты не желаешь? — добавил тот, словно прочитав его мысли.

— Желая!

— Тогда и славно, — согласился Хараслат.

Хардмар! Совсем не такого приема ждал Вида, совсем не к тому готовился, когда ехал сюда. Но тут же предательский червь сомнения зашевелился в нем — а сдюжит ли? Шутка ли, а лесной обходчий враз станет управлять свирепыми оградителями!

— Не приходилось-то мне раньше с хардами-то обходиться, — начал было Вида, но

Хараслат перебил его:

— Да нам всем тут ничего из того, что мы делаем, раньше-то делать не приходилось. Ведь ежели посудить, а моя мать не думала о том, что стану я главным хардмаром оградительного отряда, когда рожала меня.

Он засмеялся гулким смехом, будто его самого забавляла эта мысль.

— А коли не справлюсь?

— Так а ты справишься, — назидательно сказал Хараслат. — Только не с хардом, а со своим мечом. Мои люди больше всего на свете воинское умение чтут.

Вида вспомнил, что еще с ночи хотел выпросить у Хараслата новый шатер, но сейчас, потрясенный своим новым назначением, подумал, что уж что-то, а это точно подождет.

— Что же ты не ешь? — спросил Хараслат, увидав, что каша уже давно остыла и пожелтела, а Вида даже не думал к ней притрагиваться.

— Потом поем, — ответил он. — Скажи же, что нужно мне делать?

— Умудь лучше объяснит. Ступай к нему да расспроси. А как поешь да попьешь, да узнаешь все, так и приходи.

Вида встал и, не зная да не понимая, как нужно себя вести со своим предводителем, лишь коротко и почти незаметно поклонился.

— Да скажи, друг, как пришлись тебе мои ножи? — уже в спину спросил его Хараслат.

Лишь на миг Вида задумался, а потом и выпалил единым духом:

— Таким ножом только свинью резать, ни в лесу, ни в поле, ни на большой дороге толку он него не будет.

Хараслат гневно свел брови.

— Это уж точно! — в сердцах воскликнул он. — Дрянное мне оружие подвезли, а только что же делать, когда больше ничего и нет? Эти ножи да кинжалы — все наше богатство.

Вида вспомнил о своем кинжале, который был припрятан у него в седельной сумке, да о другом — отцовом, который носил он всегда с собой.

— Оружие тут худое, — сказал он Хараслату. — Неужто кто думает, что с таким оружием можно идти в бой?

— Персты думают, — ответил тот. — Это они присылают сюда все то, что не жаль и выбросить. А мы и отказаться не можем, ибо другого не дадут.

Вида потоптался на месте, ожидая, что Хараслат скажет ему что-то еще, но тот молча перебирал оружие.

— Я уж пойду, разыщу Умудя да все расспрошу.

— Иди. Ты пока осматривайся тут, а с хардом потом говорить будешь. Тут вовсе не городская стража в шелковых камзолах и нарядных доспехах, тут оградители южных границ. Да и запомни — еды себе требуй из котла поменьше. Да и питья тебе положено особого, а не того поила, что давал тебе вчера койсоец.

Вида кивнул уже куда как явнее.

— Благодарствую, — сказал он и вышел из шатра. Он отправился к себе, надеясь, что встретит Умудя и все у него узнает. Так и вышло — Умудь сидел на широком полене и чистил свои ножи. Увидав юношу, он усмехнулся:

— А я все думал, куда ты пропал... Хараслат поговорить-то любит, но не так же долго.

Вида замялся.

— Хараслат хочет, чтобы я был хардмаром! — выдохнул он.

Он ждал, что Умудь удивится, но тот лишь кивнул.

— Это я знаю. Я Хараслата и надоумил.

— Ты? — опешил Вида.

— Я, — подтвердил Умудь. — Я сразу заметил, что ты не простой босяк-голодранец.

Али думаешь, что мы тут все дурни? Платье не рваное, меч дорогой, а у коня бока — словно яблоки, лопнут скоро.

Вида смутился.

— Да мы не в обиде, — усмехнулся Умудь. — За богатство не спросим.

Он чиркнул лезвием.

— Так и что сказал тебе Хараслат?

— Хараслат к тебе отправил, — сказал Вида.

— Это хорошо, — не отрываясь от своих ножей, ответил Умудь. — Есть о чем поговорить.

И стал объяснять:

— Хараслат — главный хардмар над всеми тремя хардами. Есть и второй хардмар — Валён. У него лишь один хард, что сполняет его приказы. А третий хард — у тебя будет.

Вида кивнул — все ему было понятно. А Умудь продолжал:

— Прежний хардмар уже луну, как спит в земле, а нового Хараслат все выбрать не мог.

А тут ты, словно каким промыслом богов, явился.

— А почему не мог выбрать?

— Хард тебе достанется знатный. Все головорезы, как один. Такие мало кого послушают. Вот прежний хардмар держал их своей железной волей, а как помер, так и все — никто не может и дня выдержать. Как новый хардмар — так драка. Хараслату же нужны живые оградители, а не мертвые. Вот он и был в раздумьях, кого назначить, чтобы воины друг другу-то кровь зазря не пускали.

— Так неужто он думает, что я сдюжу? — перебил Умудя Вида. — Я ведь не хардмар и приказывать не умею.

Умудь ухмыльнулся:

— Теперь хардмар. Чай, сдюжишь. Если жизнь тебе дорога. Да и Хараслат разрешил тебе сначала осмотреться да обжиться, а уж только потом начать приказы раздавать.

— Кто же из воинов в моем харде?

— Я, — сказал Умудь. — И Ракадар, и Ширалам, и Фистар. Есть еще Уйль — злобный точно цепной пес и сильный, словно бык. Есть Денови, Агеняр, Ельма с Ельвой да другие. Ровно сотня.

— Я буду твоим хардмаром? Буду приказывать тебе?

— А я — сполнять, — пожал плечами Умудь. И, чуть помолчав, добавил: — Ты лучше уж отдохни, ибо нынче Хараслат тебя представит остальным.

— Как скажешь, — сказал Вида, вполз в шатер и тотчас же заснул.

Проснулся же он от того, что Ширалам, встав на колени, тряс его за плечо:

— Вставай, Вида, — приговаривал он. — Тебя главный зовет.

Вида подскочил.

— Иду, — прохрипел он. — Дай только соберусь.

Он пригладил волосы, поправил на себе ножны и отряхнул от соломы плащ — оградители не должны видеть своего хардмара оборванным и жалким.

Выйдя на свет, он увидел, что Хараслат о чем-то шепчется с Умудем.

— Я готов! — радостно выдохнул Вида.

— Вперед, хардмар! — напутствовал его Умудь.

Хараслат сделал своему новому оградителю знак и направился к лобному месту, где уже собралась почти все хардмарины.

Сердце Виды билось то быстрее, то медленнее, а лоб покрылся испариной.

— Оградители! — заревел Хараслат, подняв меч над головой. — Слушайте же своего хардмара.

Вида оглядывал тяжелые каменные лица, темные и бесстрастные, к которым трудно было привыкнуть. Лица тех, кого проклинали боги и тех, кто об этом знал.

— Оградители! — снова крикнул Хараслат.

Хардмарины стояли, не шевелясь, вперившись глазами в своего предводителя, словно безмолвные истуканы.

— Хард Леса-покойника!

Часть оградителей заревела.

— Хард Леса-покойника! — повторил Хараслат.

И снова оглушительный рев был ему ответом.

Хараслат указал на Виду:

— Вот ваш новый хардмар!

И, посмеиваясь в бороду, он протолкался между гуртом стоявших воинов и скрылся в своем шатре, не дав Виде опомниться.

К великому удивлению Виды, оградители словно бы и не поняли, что им сказал главный хардмар. Они потоптались вокруг нового сотника и вновь разошлись по своим делам. Но Вида не расстроился — он не знал, что говорить этим людям, как их приветствовать да чем доказать им, что он достоин быть их хардмаром.

И снова его выручил Умудь.

— Ты уж не огорчайся, — сказал он, когда все разошлись, а Вида так и остался стоять посреди становища. — У нас всегда так. Хардмаров-то в последнее время много сменилось, поэтому здесь не радуются да не печалются. Отвыкли давно.

Вида вернулся в шатер. Он уже успел позабыть о том, что не хотел больше ночевать бок о бок с другими оградителями. Слишком много чего стряслось за этот один день — больше, чем за всю его жизнь.

Вечер второго дня совсем не отличался от первого — все собралось возле костра, а потом и отправились на раздачу, где Виде уже налили супа не из общего котла, а из маленького котелка, в котором готовили только для хардмаров.

— Погляди вон туда, — ткнул его в бок Умудь, указывая на одного из оградителей. — Это и есть Валён, второй сотник. Силы в нем, словно в великане.

Вида внимательно поглядел на Валёна — высокого широкоплечего детину, со светлыми кудрявыми волосами и круглым красным лицом. Сотник больше походил на огромного младенца, нежели на хардмара оградителей.

— Я думал, что он совсем другой, — сказал он.

— Валён не выглядит злым, согласен. Но это ты его в бою не видел. Зверь!

— Откуда он?

— Валён южанин, как и многие здесь. А больше про него я и не знаю.

Вида отвернулся. Его охватило странное чувство — он никогда прежде не бывал в таком окружении, но сейчас не испытывал страха перед всеми этими головорезами, что проходили

мимо него, искоса поглядывая и перешептываясь.

— Ты теперь можешь выбрать себе кого в личную охрану, — сообщил Фистар. — И есть и пить отдельно.

— Так Хараслат сам себя охраняет, — вспомнил Вида.

— Хараслат-то да, — согласился Ширалам, которому тоже уже налили похлебки, и он осторожно понес его обратно, стараясь не расплескать по пути ни капли. — А вот Валён-то нет. У него есть телохранитель, и у Леса — нашего прошлого хардмара — тоже был.

— Какой? — спросил Вида.

— А сейчас покажу, — ответил Ширалам. — Вон туда погляди! Худой да чернявый и есть Асда. Валёна правая рука. А вон там, далече, длинный такой, словно жердь, с белесыми космами — Уйль, Леса нашего охранник.

Вида пожал плечами:

— А я буду есть с вами.

— Это хорошо, — похвалил его Умудь. — Оградители — люди суровые, да и не очень-то любят, когда кто-то сразу задирает перед ними нос. Валён здесь давно и делами заслужил себе право быть иным.

— Я и заслуживать не хочу. В Низинном Крае, где я жил, в лесу на обходе не было ни господ, ни слуг. Все и ели вместе, и спали. Я так привык, — пояснил Вида.

— Значит, и здесь привыкнешь, — пообещал Умудь.

Поужинали они быстро и улеглись на свои тюфяки. И, как и вчера, Вида заснул так скоро, что и сам не заметил.

Невысокий, сухонький старик, в дорожном, выцветшем от солнца плаще, размахивая толстой, но легкой палкой, быстро шагал вперед. За ним едва поспевали двое его попутчиков. Когда вдалеке показался одинокий двор, он остановился и уверенно сказал:

— Погостим здесь.

Старик уже давно привык быть среди их троицы за главного, и всегда решать, что же им делать. Так и сейчас — не шибко-то много они прошли, чтобы останавливаться да отдыхать, но что-то подсказало ему, что именно здесь их ждут.

— Как скажешь, Ях, — повиновались его попутчики.

Васпир — тощий и пожухший от дорог и лишений, с редкой светлой бородой да давно нечесаными волосами, неловко уселся на свой мешок с пожитками, который носил, привязав к шее. Кадон, невысокий, но грузный, с круглым красным лицом, большой плешью и здоровыми кулачищами, ругнувшись, упал на землю и тут же захрапел.

— Тупоумки! — сварливо пробормотал Ях.

Он даже сам себе не мог ответить, зачем взвалил их себе на шею. Вроде, они и были всегда — этот Васпир да Кадон. Два дурака да головореза, и не понять, что было хуже. Ях только и смог разузнать у них, как удалось им сбежать по пути из Красноземелья в Койсой, куда они ехали в кандалах на невольничий рынок, да так, что по их следу никто не пошел ни тогда, ни сейчас.

Кадон, упившись браги и растянув рот в глупую улыбку, хвастливо поведал, что он задушил провожатого голыми руками, а потом поджег солому в клетках, в которых перевозили рабов. А в пожаре-то разве будут разбирать, кто сгорел, а кто нет? Когда вокруг пляшет огонь да грозит пустить по ветру все денежки хозяина, которые мог он выручить, продав рабов в Койсое, разве будет он смотреть, чтобы сгоревший раб не оказался случайно

его охранником? Рассказывая это, Кадон весело сжимал да разжимал свои кулаки да топал ножищей. Ях и верил ему, и не верил разом. Любой бы, кто поглядел на Кадона, сразу бы уразумел, что перед ним редкостный дурень и болван. Разве мог он сам придумать, как сбежать, да еще так ловко и сноровисто это сделать?

Он подошел к храпевшему Кадону и огрел того палкой по спине. Здоровяк вскочил и, вместо того, чтобы выругаться, лишь виновато опустил голову.

— Чего разлеглись, болваны? — сварливо вскричал Ях. — Идем!

Совсем скоро показалась калитка, у которой стоял темноволосый мальчик, с лицом удивительно чистым и гладким для слуги или раба.

— Эй, — подозвал Ях мальчика, издалека махая ему посохом. — А ну подойди.

Мальчик подошел.

— Чей это дом?

— Хозяина Эрбидея, господин.

Ях задумался... Этот дом не был похож на имущество приближенных к господарю Южного Оннара, но как знать? Ях жил на свете слишком давно, чтобы понимать, что не всегда снаружи то, что и на изнанке. Ведь будь этот Эрбидей обычным селянином, добросовестно возделывающим свой клочок земли да помалкивающим, коли не спросят, то они бы и зашли, и переночевать бы попросились, а коли он один из соглядатаев, а то и родичей господаря, то им несдобровать. Сразу начнет выспрашивать, кто они да откуда, а на дуралеев надежи мало — что один, что другой, а за так расскажут о том, как пришлось им убить их охранителей в Красноземелье. Хотя Ях и справил им новую одежду, чтоб перестали они походить на висельников, но вот язык держать за зубами они так и не научились.

— Эх, — вздохнул Ях, — а будь что будет. Пошли вовнутрь.

— Хозяин в клетки-то, — крикнул им вдогонку мальчик. — А в дому-то его сын младший. Вы его спросите, он и проведет.

Ях только потряс головой.

— Позови своего хозяина! — гаркнул он здоровому детине с рябым лицом и редкими зубами, входя в дом.

Детина неохотно встал и поплелся в клеть, шаркая ногами и подозрительно косясь на незваных гостей.

— Коли боги будут милостивы, то и пожуюем хлеба-то! — пояснил своим путникам Ях.

Очень скоро к ним вышел сам хозяин дома. Эрбидей, старый, но по-молодецки еще высокий и статный, медленно подошел к Яху и растянул рот в улыбке.

— Будьте здравы, путники. Коли привели вас ноги к моему крыльцу, то и мне боги не велели вас гнать. Уж садитесь за стол да разделите с нами наш скромный ужин, да не обессудьте — далеко тут у нас от столицы, вот и не балуемся всякими вкусностями да сладостями, еда вся простая да деревенская.

Ях неровно поклонился, стащил с головы шапку и, затолкав ее поглубже в суму, благодарно произнес:

— Мир твоему дому да изобилие твоему столу, хозяин. Пусть воздадут тебе боги за каждый кусок, что мы у тебя тут наедем. Сам видишь — мы люди переметные, как перекасти-поле катимся, да не знаем, где придется поесть да преклонить голову в следующий раз. Нам и кусок хлеба — уже добро, а уж что поболее, так навечно запомним твою доброту.

Сам себе Ях не верил ни разу — он знал таких хитрых лис, как Эрбидей. Старик жил на свете уже очень долго и повидал очень многих. И такие глаза, как у Эрбидея, ему



приходилось видеть лишь однажды — когда его самого чуть не казнили по приказу господаря Южного Оннара. У Эрбидея были глаза палача.

Эрбидей склонил голову вбок и умильно улыбнулся.

— За стол пожалуйте, — повторил он.

— Кадон, Васпир, — позвал их Ях.

Те, один, громко шмыгнув носом, другой, неуклюже и тяжело оступившись и нечаянно ругнувшись, бочком протолкались на свои места. Хотя Ях и считал их тупоумками, они сразу почуяли, что их предводитель будто бы обернулся кем-то другим — слишком уж елейно и льстиво звучал его голос, слишком униженно и жалко он себя вел.

— Так вы угощайтесь, гости, — ласково сказал Эрбидей. — Мы-то гостей любим, да только сами видите — на отшибе живем. Тут ежели кто и заглянет, так нам за праздник.

— Как это мы зашли хорошо, — согласился Ях. — И животы наполним и тебя, хозяин, авось развлечем. Мы — люди переметные, топчем дороги и много чего видим да слышим. Коль хочешь ты о чем узнать, так спрашивай.

— Я-то спрошу, а вы чего не едите? Али брезгуете?

— Да схоронят нас боги! — испуганно сказал Ях. — Я таких яств давно не видал, а уж не ел так еще дольше. Так что я и не соображу сразу, с какой стороны-то подходить. Да и ежели ты не против, а я кусок в свою суму увяжу. Чай, в пути-то сгодится.

Кадон и Васпир лишь елозили на своих местах и пытались понять, что же затеял их предводитель. Ведь и дурак поймет, что не зря Ях всеми силами тянул время да отказывался отведать и кусочка.

— В дорогу вам моя служанка полные сумы набьет. И чего из еды, и винишка какого — не самого лучшего, но уж в дороге выбирать не приходится. А это вы ешьте, не обидьте.

— А что хозяин не присядет? — елейно спросил Ях, беря со стола краюху хлеба и разламывая ее на три части.

— Могу и присесть, — ответил Эрбидей и кивнул служанке, чтобы та налила и ему вина.

— Так и расскажите, кто вы да и откуда? Да и чего в мире делается? Вести до нас давно уже не доходили...

Ях незаметно толкнул Васи́ра под столом, и тот тотчас же радостно заработал ложкой. А за ним последовал и недоверчивый Кадон.

— Да что же ты и услышать хочешь, хозяин? В мире много чего делается — кто пиры закатывает, а кто и претавляется. Ежели говорить о Южном Оннаре, то господарь наш славный в добром здравии да крепком уме.

Эрбидей улыбнулся, но как-то недобро.

— А что еще-то происходит? Слыхал я, что недавно из Красноземелья сбежали висельники, и их так и не поймали. Их вроде на рудники везли, а может, и в Койсой.

— Висельников, говоришь? — почесал затылок Ях. — Да сколько их понасбегало. Только вот все бесславно. Их или находят, или они сами объявляются.

— Но эти-то не нашлись, — задумчиво протянул Эрбидей, поглядывая на Васи́ра. — Говорят, как в воду канули. А дел-то за ними много — таких отпускать нельзя. И честным людям опасность, и страже наказание.

— Да и пускай их! — махнул рукой Ях. — Нам, хозяин, какое до них дело?

Эрбидей кивнул. Нет так нет.

— Да еще и вести из Опелейха пришли, — переменил он тему. — Говорят, север с нами

торговать отказывается.

— Как? — спросил Ях.

— А вот так. У них там свои правители да свои законы. Дарлару, говорят, больше вина наши не нужны, а Присточье лежит разоренное — им не до шелковых да парчовых тканей.

Эрдибей говорил, а сам незаметно дернул за нитку, которая была привязана под столом. Где-то наверху тихонько звякнул колокольчик.

— А он-то откуда про это ведает? — спросил Кадон сквозь зубы. — Сам ведь сказал, что вестей давно не получал.

Васпир испуганно заерзал — как же так получилось, что они попались? Да только Ях, ни на миг не растерявшись, прошептал ему на ухо:

— Чай, а награду захотел за твою голову.

Кадон, вмиг обезумев, со страшным звериным ревом бросился на хозяина. От добродушного и смешливого здоровяка не осталось и следа — рот его скривился в оскал, глаза налились кровью, а лицо побагровело от ярости.

“Ух, какой!” — неожиданно для себя восхитился Ях. Он никогда не видел Кадона в деле, и считал, что боров и при опасности останется таким же тупоумным да неповоротливым.

— А ну покажи ему, чтобы вослед неповадно было, — подбодрил его Ях, надежно спрятавшись за тяжелый стул, которым он прикрывался как щитом. И Кадон послушался его. Одним точным беспощадным ударом он превратил лицо Эрбидея в страшное кровавое месиво.

Старик страшно захрипел и, неуклюже дернувшись на дощатом полу, испустил дух. А Кадон безжалостным зверем навис над бездыханным телом, тяжело и часто дыша.

— Ишь ты какой! — проворчал Ях, выбираясь из-за скамьи. — Разве можно с гостями-то так?

— Это он нас убить хотел? — спросил Васпир, вытирая рот.

— Не убить, дурень, всего лишь опоить, а потом и сдать нас стражникам да и получить награду.

— Опоить? — вскричал Васпир, недоверчиво косясь на недопитое вино.

— Опоить. А теперь нам некогда разговаривать — шуму мы тут наделали. Эх, и не думал я, что придется убить хозяина под крышей его же дома, но вот пришлось. Берите все со стола, что увидите, складывайте себе в мешки, но больше никуда не лезьте. Угощение — оно по праву ваше, но коли возьмете хоть нитку, то вновь станете ворами, а я таких терпеть не буду. Сам стражу приведу.

Кадон и Васпир, которые считали Яха очень умным и хитрым, тотчас же подчинились.

— Идем отсюда. Служанка-то не помешает, а коли умом боги не обделили, то и вовсе уйдет, а потом скажет, что по поручению отлучалась.

Но сын Эрбидея, который был во дворе, вбежал в дом, держа в руках длинный нож. Кадон, было, вновь ринулся на врага, словно молодой бычок, но Ях оказался проворнее — он схватил с пола упавший нож и метнул прямо в глаз обидчику. Эрбидеев сын упал замертво, едва не задев лезвием Кадона.

— Сколько их тут еще? — недовольно спросил Ях, вытирая руки.

Но больше никого не было — лишь на пороге они увидели и служанку — ее убил хозяйский сын, видно, решив, что она хочет сбежать да разболтать чужие тайны.

Выходя за ворота, Ях пробормотал молитву да поклонился дому, словно был тот живым.

— Благодарствую, что накормил да напоил.

У калитки они увидали того мальчика, что поздоровался с ними раньше. Он стоял, крепко сжимая в руках сверток и решительно глядя на Яха.

— Как тебя звать? — спросил Ях, про себя вопрошая, за какие грехи боги послали ему такое испытание.

— Карамером, — ответил мальчик.

— Что-то ты какой-то полоумок, — недовольно протянул Ях. — Третьего дурня мне еще не хватало.

Но мальчик совсем не обиделся. Он, казалось, давно привык не ждать ласковых слов ни от хозяина, ни от чужих людей.

— Значит, Карамер... — протянул Ях.

— Вы убили моего хозяина, — вдруг сказал мальчик.

Ях кивнул:

— Убили, согласен. Ибо ни в жисть я не видал такой бесчестной свиньи.

— А что же теперь будет? Господаревы люди отыщут вас и казнят.

Ях задумался. Было непохоже, что Карамер опечален судьбой своего хозяина, скорее, уж наоборот. Вслух же он сказал:

— А что тебя это так заботит, малец?

— Жаль будет, коли вас убьют.

— А чего это ты нас жалеть вздумал? — недоверчиво спросил Кадон.

— Остынь, дурень, — сердито осадил его Ях. — Не пугай мальчонку.

— Возьмите меня с собой, — попросился мальчик. — Я вас не выдам.

— Зачем ты нам? — спросил Ях, склонив голову набок.

— Я все могу делать. И по дому, и по двору. И со скотиной управлюсь.

Даже Васпир, до этого шмыгавший носом и ковырявший ранку на руке, расхохотался. Кадон и вовсе повалился на землю и стал кататься в пыли, охая и причмокивая.

— Ты точно дурак, — уверился Ях. — Где же видишь ты у нас дом или двор? Разве не сказали мы твоему хозяину, что ходим от дома к дому, ища местечко, где нас не прогонят да дадут похлебать какого варева?

Мальчик посмотрел на Яха серьезно, не улыбаясь, но и не сердясь.

— Но ведь куда-то же вы идете?

Ях сразу перестал подсмеиваться над Карамером.

— Это ты с чего взял?

— Так возьмете вы меня с собой? — вновь повторил мальчик, уже куда как настойчивее. — Я вам пригожусь. Я тут все тропы знаю. Отряд, что пойдет по вашему следу, нипочем вас не сыщет.

— Откуда ж взяться тут отряду, коли хозяин да его сын да все слуги мертвы? А когда кто из господаревых приспешников и опомнится, так нас уже и след простынет.

— Неправда ваша, — возразил Карамер. — Эрбидея, хозяина моего убиенного, много кто не жаловал. Говаривали, что в его двери входили многие недостойные люди, которых и за стол-то пускать не след. И многим он помогал из тех, кому помогать грешно. Мы тут на отшибе живем, до чужого жилья почти день ходу, а дорог тут нет, где бы лошадь могла проехать с повозкой, а значит, хозяин понимал, что коли что, а не сразу его хватятся. Вот и держал он еще одного слугу — верного и преданного, которого не подкупишь.

— Кто же это? — недоверчиво просвистел Васпир.

— У него был ручной ворон. Ученый и хитрый. Чуть что хозяину казалось странным или опасным, так он выпускал птицу, а сам выходил привечать гостей.

Ях похолодел. Давненько с ним такого не бывало. Вот оно как все обернулось. Он по доброте своей и думать забыл о том, что таких людей, как этот Эрбидей, живьем не положишь.

— И когда ж прибудет сюда отряд?

— Ворон летит быстро. Да назад возвращается быстро. А в отряде все конные, так что скоро все они будут здесь.

— Откуда ты знаешь дорогу? — требовательно спросил Ях.

— Хозяин как-то обмолвился. А я услышал.

— Постой, что ты, говоришь, умеешь делать?

— По дому да по скоту. А так, коли обучите чему, то я толковый. Враз выучу.

— Что ж, веди нас, — как бы нехотя согласился Ях. — Веди да не болтай много, годы у меня не те, чтобы вашу трескотню слушать.

И, обернувшись к Васпиру и Кадону, которые стояли позади него и туповато смотрели на Карамера, сказал:

— А вы, дурни, не отставайте. Идите себе да помалкивайте. Коли услышу от вас хоть слово — вмиг шкуру спущу. Потом не обессудьте.

Оба висельника покорно последовали за ним, что-то недовольно бормоча под нос. Им не нравилось, что с ними пойдет какой-то новенький, к тому же один из тех, в чьем доме их чуть не убили. Но Яху было виднее, ведь сколько же раз он их спасал своим умелым враньем да лестью.

Ежели говорить правду, то ни один ни второй не могли вспомнить, когда и где впервые увидели они Яха. Васпир утверждал, что еще недалече от Чепераковых болот, когда они спрятались в лесу, а потом вышли на дорогу и заплутали так, что чуть было снова не оказались в Красноземелье, а Кадон кричал, что это было много позже, когда они остановились на одном из дешевых и грязных постоянных дворов, которых в мире тысячи, а там и за кружкой пива, а то и чего покрепче и познакомились со стариком.

Обычно их воспоминания оканчивались отчаянной дракой, когда один начинал колотить другого, приговаривая при этом, что тот уже давно проел последний разум. Ежели Яху случалось увидеть их дерущимися, то он, не раздумывая, прохаживался по их спинам своей палкой, а потом долго и грозно стыдил их, призывая всех богов в свидетели того, как же не свезло ему в жизни, что повстречались ему такие дурни.

— Послушайте! — вдруг сказал Карамер, который почти что сразу и освоился среди двух висельников и хитрого старика. — Давайте пойдем быстрее, солнце ведь уже заходит, а нам нужно дойти до воды, ибо те, кто придут сюда будут с собаками.

— Ты разве не видишь, что перед тобой немощный старик? — взревел Ях и замахнулся своей палкой. А затем прибавил ходу и легко обогнал всех остальных. — Ежели ты не выведешь нас отсюда, то мне придется тебя убить. Я лишний рот кормить не буду.

## Глава 6. Рубиновые думы

Не успел еще Вида добраться до Гололетней пустоши, как Зора, потеряв и второго сына, слегла от горя.

— Сыночек мой! Видочка! — беззвучно плакала она целыми днями. — Почему ты?

Ойка и Мелесгард не отходили от нее даже ночью, всеми силами стараясь ее утешить, а вот Трикке покои матери обходил десятой дорогой — так страшно ему было увидеть в ее глазах сожаление, что это не он, а Вида покинул Угомлик.

— Куда же он уехал? — вопрошала Зора, виноватя себя за то, что не уследила за сыном, не уберегла его от беды. — Где он теперь?

Однако вскоре Перст прислал Мелесгарду письмо, в котором рассказал о встрече с Видой накануне его отъезда и о решении юноши вступить в Южный оградительный отряд.

— Оградители? — побледнел Мелесгард, прочтя послание. Он не понаслышке знал, каким опасным местом был стан на границе. Рийнадрёкцы с одной стороны, беглые преступники — с другой. Мелесгард не мог сдержать слез, стоило ему представить, как быстро оборвется жизнь его среднего сына в этом проклятом отряде.

— Оградители? — вскричала Зора и лишилась чувств.

А придя в себя, тотчас же засобиравшись ехать на границу и умолять Виду вернуться назад.

— Я отправлю его в Неммит-Сор, в городскую стражу, — сообщила она мужу, складывая вещи в дорогу. — Я напишу господарю и упрошу его принять Виду на службу. Я увезу его из отряда!

Мелесгард и сам бы, не медля, бросился вслед за Видой, если бы не знал, что сын его, такой горячий и упертый, ни за что не согласится поехать обратно. Он хотел написать хардмару оградителей и уговорить того вынудить Виду оставить службу, но и эта мысль им была отвергнута — таким письмом он лишь опозорит его перед всеми, выставив слабаком и трусом. Мелесгард не думал, что ему снова придется потерять сына, а потому не мог ничего ни делать, ни думать, ни здраво решать. Только вот жену на границы он все же не пустил.

— Рийнадрёкцы к нам захаживают не каждый день, — попытался успокоить он Зору, — бои идут не всегда. Будем молиться всем богам, какие только есть, чтобы Вида пережил свою службу.

И Зора, совершенно больная и разбитая, согласилась не ехать.

А весь Низинный Край тем временем всюду судачил о том, что же вынудило среднего Мелесгардова вот так сняться из отчего дома. Слухи разнились: одни говорили, что причиной такого бегства стало то, что молодой наследник влюбился и позабыл о единожды данном слове своей невесте. Да и в кого? В бродяжку, которую подобрала его мать в Олеймане. Другие утверждали, что зимой на Виду при обходе напал в лесу бешеный волк и отравил ему кровь ядовитой слюной, отчего у юного Мелесгардова, дескать, в голове все помутилось, и забыл он и мать с отцом, и имя свое, и диким зверем сбежал в лес. Третьи божились, что волк Виду не травил, но зато знатно изувечил — все лицо погрыз, руки да ноги, так что теперь сидит тот обездвиженным калекой и с ложки кормится, а Мелесгардовы честным людям головы дурят, рассказывая, что сын их в отъезде, а сами стыдятся, мол, такого уродца. Сплетникам, конечно, мало кто верил, но и спорить никто не спешил: а вдруг правда?

А Видины друзья, узнав от всезнающего Ваноры о расстроившейся свадьбе, страшно опечалились.

— Это все Бьиралла! — заявил Игенау Ваноре. — Такого парня перевела!

И добавил:

— Я вот никогда не женюсь! Я уж навидался, что бабы могут с тобой сотворить.

Иверди, который тоже был не женат, лишь кивнул.

— Такой обходчий был! — согласился он с Игенау. — И весь вышел!

Даже Ванора, обычно немногословный, на чем свет ругал дуру-Бьираллу, из-за которой они лишились Виды:

— Обходчего такого трудно будет сыскать. Хуть самому снова обход возглавляй!

А сама брошенная невеста в это время, не помня себя от горя и унижения, целые дни проводила в своих сверкающих покаях, плача навзрыд. Перст даже устал уговаривать строптивую дочь перестать злиться да голосить. Вида, конечно, сплоховал, но он сам себя осудил и сам же вынес приговор. Вида не просил ни прощения, ни помилования, а уехал из дому, чтобы деяниями своими искупить вину.

— Молодой он да глупый, — развел Перст руками. — В его годы всякое бывает.

Хоть и опечалили его вести о том, что свадьбы не будет, а все же не так сильно, чтобы он без конца думал об этом и поминал дом Мелесгардовых дурным словом.

Только Бьиралла так не считала. Сначала она сильно удивилась, что ее заботливый и любящий отец не расстроился от того, что дочь его оказалась брошенной перед свадьбой.

— Как же так? — против воли дивилась Бьиралла. — Почему отец не печется обо мне?

Бьираллу гложила обида. Это она должна была отказаться выйти за Виду сразу же, как увидела у его постели ту нищую девку! Она должна была бросить его перед свадьбой и тут же выйти замуж за другого — куда как более красивого, смелого и богатого! А сейчас все смеются над ней! Слуги скалятся, за глаза называя ее брошенной невестой!

От этих горестных мыслей слезы вновь начинали брызгать из глаз.

— Вида поплатится. Вида пожалеет о том, что совершил. Он кровью своей умоется, — шептала Бьиралла, втайне надеясь, что Виду и впрямь постигнут самые страшные и суровые кары, которые только можно себе вообразить.

Она и сама не знала, откуда в ее юном сердце было столько злобы и что породило ненависть такую глубокую и такую сильную.

Бьиралла перестала выходить из своих покоев и почти не притрагивалась к еде. Румяные щеки поблекли, словно побитые морозом цветы, а лицо, такое нежное и прекрасное, посерело и осунулось.

Бьиралла никогда не любила Виду. Красивый и храбрый парень лишь на время занял ее мысли, как дорогая и редкая игрушка, которой Бьиралле тотчас же захотелось обладать. Даже его шрамы не отпугнули, не оттолкнули ее, ибо были свидетельством храбрости ее жениха, отличием, которым могла она похвастаться перед остальными — глядите, мол, но и здесь у меня все самое редкое да ценное!

— Вида ответит за свое деяние! — в который раз пообещала себе Бьиралла и пошла к отцу за тем, чтобы вновь поплакаться ему на свою горькую да незавидную долю брошенной перед самой свадьбой невесты.

\*\*\*

Утром третьего дня Виду разбудили страшные крики. Он подскочил на месте, выхватив из рукава свой кинжал, с которым по совету Умудя не расставался даже ночью, и

прислушался — оградители ругались из-за рваной выцветшей рубахи, которая могла сгодиться разве что на перевязи.

Вида стал одеваться.

— Эй, друг, — позвали его снаружи. — Не подсобишь ли?

Вида вышел и увидел Ракадара, скинувшего с себя рубаху и сапоги и держащего маленький топорик для рубки хвороста.

— Подсоблю, коли смогу, — ответил Вида, жмурясь от солнца.

— Нам бы сушняка наносить для костра-то.

— Пошли, — согласился Вида и последовал за Ракадаром, который осторожно ступал босыми ногами по жесткой земле. — Заодно и поговорим да расскажешь мне, как тут все устроено. Вчера-то и сил не было у меня слушать.

— А что тебе знать охота, ты говори сразу.

— Как вы живете тут? Я заметил, что кормят здесь не слишком-то сытно.

— Живем, как поживется, — осторожно ответил Ракадар. — Я-то шибко-то не балованный, мне и наш шатер за дворец сойдет, а похлебка, коли она не пустая и есть в ней хоть немного пшена, за пир. Мне жаловаться не на что, но я и не предводитель. Кому, может, и тяжело приходится, но ведь Хараслат не держит. Коли знаешь, что найдешь что получше, так и иди на все четыре стороны. Только платье-то оградительское сначала сними. Я вот никуда не пойду. По мне, а нынешняя моя жизнь в тыщу раз лучше прежней.

— А где ты раньше жил? — спросил Вида, забыв, что в отряде было не принято расспрашивать о прежней жизни.

— В Койсое, — ничуть не смутившись, ответил Ракадар.

— Я это слышал, что в Койсое, да только все никак не разумею, почему так худо.

Ракадар усмехнулся, растянув губы в широкой улыбке, и сказал:

— В Койсое-то хозяева живут хорошо, а вот рабам не позавидуешь.

Вида вытаращился на Ракадара. Он ни разу в жизни не видал ни одного раба, пусть даже и бывшего. С детства он знал, что любой благородный муж предпочтет смерть рабству и сам лишит себя жизни, только бы не попасть в кандалы.

— Кажись, вон там сушняка вдосталь будет, — указал он куда-то вдаль, не желая больше даже глядеть на презренного и жалкого Ракадара.

Раб — не человек, не воин и не благородный муж. Даже за стол с ним никто не сядет. А Вида же две ночи проспал подле Ракадара! Чуть ли не из одной миски с ним ел!

Хотя теперь Вида даже думать было противно о Ракадаре, любопытство все же взяло над ним верх, и он украдкой поглядел на оградителя. Как же попал он в рабство? Чего натворил такого, что у него отняли самое дорогое — свободу? Да и как оказался здесь? Ведь неволя — это не отряд, где каждый может прийти да уйти, когда ему пожелается...

— Что ты там делал? — грубо спросил он.

Ракадар обернулся и сощурил свои темные пустые глаза.

— В рабстве-то? Известно что — ел да пил в волю да спал до обеда на пуховых перинах и шелковых простынях. А тебе-то какая нужда знать?

— Я раньше не видел рабов, — неприязненно ответил Вида.

— Я не раб, друг, а вот ты бы так не говорил лучше, а то мы и друзьями можем перестать быть.

— Ты мне и так не друг! — выкрикнул Вида.

От покорности и дружелюбия Ракадара не осталось и следа. Он откинул топор в

сторону и яростно крикнул:

— Тогда тебе лучше убраться отсюда! Тут все рабы. Али ты думал, что к господарям попал?

— Что ты несешь? — неприязненно спросил Вида, отшатнувшись от Ракадара, словно от прокаженного. — Хараслат...

Койсоец рассмеялся ему в лицо:

— Хараслат шесть зим кряду был пленником во Всгоре, пока не сбежал. Умудь был надсмотрщиком рабов в Койсое на самом большом рынке, когда однажды увидел там собственного брата, только в кандалах и с каленым клеймом на лбу. Ширалам хоть и не был в рабстве, но родился от рабыни в Опелейхе. Фистар из нас токмо рабам не родня, но и он не из благородных — ярмарочный вор да конокрад. Тут все, на кого ни укажи, пришли сюда из такой грязи, от которой уже вовек не отмыться. Помни об этом, о, господин наш Вида из Низинного Края!

Вида повернулся и бегом бросился от Ракадара. Он даже не заметил, как добежал до становища. Слова Ракадара поразили его в самое сердце — рабы, хоть бывшие, хоть настоящие, были здесь, в отряде! И Хараслат, который так ему понравился, тоже раб. А Умудь лишь немногим лучше — распорядитель торгов!

Он бежал к стойлу, туда, где оставил своего коня. Ветерок степенно жевал сено рядом с другими лошадьми и громко сопел. Увидав хозяина, он недовольно прижал уши к голове и фыркнул.

— Уезжаем мы отсюда, — сказал ему Вида, надевая на коня уздечку. — Больше ни дня я тут не проведу, и пусть все боги мира покарают меня.

Он похлопал Ветерка по ладной блестящей шее и ловко накинул на него тонкую дорогую попону, которую Ракадар повесил сушиться на веревку, натянутую между двумя деревьями.

Но конь вовсе не желал сниматься с теплого места, где успел завести знакомство с новыми лошадьми и собаками. Только хотел Вида обойти его сбоку, чтобы подтянуть подпругу, как Ветерок, сердито поглядев на хозяина, несильно, но ловко лягнул того ногой точно в грудь. Вида, словно пробка, вылетел из стойла и упал на землю, на миг потеряв сознание от одуряющей боли.

Отлежавшись, Вида с трудом встал на ноги и поковылял к своему шатру. Дойдя, он чуть не ползком влез вовнутрь и неуклюже повалился на свою перину.

— Случилось что, друг? — участливо спросил его Фистар, который сидел в самом темном углу, подобрав под себя ноги.

— Ничего, — прохрипел Вида, скорчившись на своей постели.

— Эк так, что ничего, когда вижу я, что тебе нездоровится?

— Конь...копытом... — просипел Вида.

— Так он тебе и кости все мог перебить, оглядеть надо.

И Фистар, не дожидаясь Видиново согласия, выскользнул из шатра.

— Умудь! — услышал Вида его крик. — Давай сюда.

И через миг уже Умудь да Фистар вдвоем стояли подле Виды.

— Лежи, — сказал ему Умудь. — Я рубаху твою сниму и посмотрю, что там да как. Ребра конь мог перебить.

Вида кивнул. Ему было нестерпимо больно, куда сильнее, чем когда его рубцы начали подживать. Он даже и не думал, что бывает такая боль. В тот миг было ему все равно, кто



поможет ему — раб или господин, только бы полегчало.

Умудь стащил с него рубаху и, почти не дотрагиваясь жесткими мозолистыми пальцами до его тела, ощупал место удара.

— Ушибся ты, друг, — сказал он, разглядывая синее пятно, начавшее расплзаться по груди Виды. — Неудачно уж. Достань в сундуке тряпок да бадяги, — обратился он к Фистару, и тот сразу же бросился выполнять его приказ.

У Виды почернело в глазах. Не будь он мужчиной и воином, то давно бы уже закричал от боли. Он едва дышал. Но когда Умудь намазал его грудь густой зеленой кашицей и туго перетянул его поперек, то крик, против воли, вырвался из его груди.

— На вот, отпей, — услышал Вида и уже, проваливаясь в беспамятство, увидел знакомую склянку, наполненную маковым молоком. Тем самым, от которого первой ночью отказался юный Лимар.

\*\*\*

Очнувшись, Вида поморщился. В тот же миг боль в груди, хотя и не такая острая и сильная, как раньше, вернула ему память. Теперь он еще долго не сможет покинуть это проклятое место.

Виде стало жалко себя оттого, что он так глупо тратит свою жизнь. Он с трудом приподнялся на своем тюфяке и тут же повалился обратно.

— Ширалам, — негромко позвал он, но на его удивление, тот сразу откликнулся.

— Где Ракадар? — просипел Вида.

— С Умудем ушел. Хараслат отправил их окрест оглядеть. Они сегодня вроде как в дозоре будут.

— Напиться не будет ли?

— Койсойское пойло, — усмехнулся Ширалам. — Ракадар оставил, но сомневался, что ты его захочешь. Он не будет, побрезгует, сказал он, когда уходил.

Значит, Ракадар рассказал всем, что крикнул ему сегодня Вида.

И чего же Ширалам так ходит за ним, как за своим, коли знает, что думал Вида о рабах? Чего же они не прибили его, пока лежал он в беспамятстве?

— А ты чего не пошел? — спросил Вида, жадно глотая обжигающий напиток.

— Хараслат оставил при тебе. Сказал, чтобы от тебя я ни на шаг не отходил. Вдруг чего понадобится...

И Вида почувствовал, как по его лицу потекли слезы. Первый раз за всю свою жизнь, с тех пор как он променял пеленки на теплые меховые сапоги, он плакал. Вида гневно приказал сам себе остановиться, но не мог: он вдруг ясно понял, как же тяжело жилось все эти годы Уульме. Понял, каково это — оказаться на чужбине.

— Не грусти, друг, — подбодрил его Ширалам, крепко завинчивая бутылку с питьем. — Тут попервой-то всем несладко, а потом привыкают. Я, правда сказать, сначала и вовсе уходить хотел, а теперь меня и гнать Хараслат станет, а упаду ему в ноги и упрошу меня здесь оставить. Для меня теперь, кроме как в отряде и нет жизни.

— Когда воротятся Умудь и Ракадар? — вместо ответа спросил Вида.

— Три ночи они там, и, коли ничего с ними не случится, то на четвертую здесь будут.

— А что случится-то? — удивился Вида.

Ширалам вытаращил глаза:

— Известно что. Это ж оградительный отряд, а не ярмарка. Рийнадрёкцы-то не спят. Нет-нет, да и жалуют нас своим набегам. Коли Ракадар с Умудем не углядят загодя, то их и

прибьют как дозорных. А коли углядят, то один из них и будет гонцом, а Хараслат уже им на подмогу хард али два — как уже надобно будет.

— А много ли не возвращалось?

— Каждый раз по разному-то... Когда и много, а когда и мало. Да только Умудь вернется. Он как заговоренный — ни стрела его не берет, ни меч. А сам он врагов издали видит, будто орел. И в ночи, и днем, и в самый сильный дождь, когда и руки-то своей не углядеть, а Умудь тебе точно скажет, что в пяти сотнях шагов отсюда идет вражеский хурд.

— Как же он так видит? — сразу загорелся Вида. Он, как обходчий, дорого бы дал, чтобы обладать такими же зоркими глазами.

— Да боги ему помогают, — почесал голову Ширалам. — Говорит, что нужно лишь приглядеться получше и все сразу увидишь. Но кто ни пробовал, а все одно — ни у кого не получилось. Умудь — он такой один на отряд, да и скажу тебе я, Вида из Низинного края, что даже у самого господаря и у всех Перстов разом нет такого Умудя, как у нас.

Ширалам сверкнул глазами и гордо задрал подбородок, а потом и продолжил:

— Хараслат незнамо сколько раз хотел сделать его хардмаром, да тот все никак. Где, говорит, мне хардом-то управлять, когда я не для того на свет народился. Но на самом деле не в этом суть, — заговорщицки прибавил Ширалам, наклоняясь к самому уху Виды. — Умудь за рабами в Койсое смотрел. Там-то Ракадара и приглядел, а потом и уговорил Хараслата его выкупить. Ракадар ведь слышит, как зверь — хоть в ветер, хоть в дождь. Хоть кони будут ржать, а собаки захлебываться своим лаем, а все равно расслышит, как раздатчий у костра начнет греметь крышками к обеду. Вот они вместе-то и ходят в дозор — Ракадар-то с Умудем. Остальные вовсе не так хороши, как эти двое. Да, бывало, что и в двух шагах неприятеля просмотрят, а потом отряд уж под десяток, а то и другой, и третий оградителей не досчитается. И это лишь в одну ночь.

— Так как они это делают? — спросил Вида. — Ох, как бы мне на обходе такие людигодились бы!

— Так ты не из простых?

Вида смутился.

— Нам, — поправился он.

Ширалам кивнул. Не его это дело лезть в чужое сердце, коли оно закрыто. А Вида сказал, не желая обижать своими словами Ширалама:

— Я из Низинного Края. А тамошнему Персту обходчие в лес были нужны. В лесу-то меня волк и задрал, а я, как оправился, так решил, что хватит с меня диких зверей, и вот, в оградители подался.

Ширалам вновь кивнул.

— Это я понял, друг. Такие шрамы-то на груди! Я, коли меня спросить, то и вовсе бы подумал, что это и не волк, а какое чудовище. А ты и жив да крепок. Видать, силы ты большой.

— Няньки меня выходили, — помолчав, ответил Вида. — Без них я бы уже давно в земле гнил.

— Женат?

— Не женат.

— И я не женат. У меня ж только мать и была. А как она померла, так я тут и оказался. Ноги сами привели.

И Ширалам, заметя, что глаза Виды стали закрываться, положил подле него бутылку с

питьем и тихо вышел из шатра, оставив у входа ученую собаку.

\*\*\*

— Заттарики! — объявил Хлей скрючившейся на козлах Иль, когда вдалеке показались каменные ворота города. — Столица Радаринок!

Иль, которая уже и не верила, что их многодневное путешествие когда-нибудь окончится, враз оживилась и завертела головой.

— Добрались! Добрались! — с облегчением закричали остальные купцы. — Боги помиловали!

Остаток пути показался Иль вечностью — ей думалось, что пешком она добралась бы куда как быстрее, чем сидя в повозке, которую из последних сил волокли до смерти уставшие лошади.

— Скоро будем, — не то своей попутчице, не то самому себе говорил Хлей. — Скоро дома окажемся.

Уже подъезжая к воротам, он заметил женщину, беспокойно вглядывающуюся в лица всех въезжающих в город, и замахал ей рукой.

— Жена моя! — сияя, пояснил он Иль. — Всегда встречает.

Женщина, увидев мужа, побежала вперед, крича и махая в ответ.

Хлей остановил лошадей, передал поводья в руки Иль, спрыгнул на землю и тоже побежал. Они обнялись так крепко, будто не виделись тысячу лет, а Иль, которой прежде не приходилось видеть, чтобы кто-то вот так запросто миловался на виду у зевак, отвела глаза. Не дело ей подглядывать за мужем и женой.

— Иль! — позвал Хлей, возвращаясь к повозке. — Жена моя, Эрка!

Та, хоть и улыбнулась Иль, но глядела только на мужа.

Иль привстала, освобождая место для Эрки.

— Как добрались? — спросила она мужа, кладя голову ему на плечо.

— Божьим промыслом, — коротко ответил тот, не желая пугать любимую жену ужасами большой дороги. — А где и людской помощью.

Они въехали в город и покатали по широкой, мощеной гладкими камнями улице.

— Вот это чудо! — ахнула Иль, оглядывая высокие серые дома, которые, словно великаны, сердито глядели своими оконцами вниз.

— Нравится? — спросил Хлей.

— Еще как! — воскликнула Иль, оборачиваясь к нему. — Будто горы вокруг. Я и не думала, что человеческие руки могут так обтесать камень и сложить его в такие высокие башни!

— Это не глиняный приземистый Даиркард, — кивнул купец. — С соломенными крышами да низкими порогами. Это град! Великая столица Радаринок!

— Мне нужно в Северный Оннар, — напомнила Иль Хлею.

— Успеется, — ответил Хлей и тотчас же перевел слова Иль жене. — Передохни с дороги.

Иль решила, что глупо будет отказываться от гостеприимства купца, и согласно кивнула.

— Я и нажарила, и напарила, — сказала Эрка. — Зараз не съедим.

— Ох, и соскучился же я по твоей стряпне! — облизнулся Хлей и поцеловал ее в щеку.

Так они доехали до дома. Внизу, вровень с улицей, была лавка, в которой любой желающий мог купить шелковых ковров, льняных скатертей и шерстяных одеял, а наверху

жил сам Хлей с семейством.

— Поднимайся! — пригласила Иль Эрка и вернулась, чтобы помочь мужу разгрузить повозку.

Когда Иль спустилась к ужину, Эрка уже успела выведать все-все о их ночном приключении близ Стишинского перевала и была очень благодарна ей за спасение купцов.

— Если б не ты, я бы еще долго мужа назад ждала, — сказала она Иль и взяла ее за руку. — Спасибо тебе!

— Мой отец обидел ту женщину, — ответила Иль. — А я лишь извинилась за его деяния.

— Твой отец? — воскликнул Хлей. Он слышал речь верховодки, но не все понял, и теперь сидел, вытаращив глаза. — Разве ты не из Северного Оннара?

Иль уже ругала себя за то, что проболталась.

— Теперь мой дом там, — сказала она. — А не в Нордаре.

Эрка дернула мужа за рукав, словно призывая не смущать их гостью.

Поевши, все разошлись спать. Наутро Иль встала, взяла свою нехитрую поклажу и спустилась вниз, где ее уже поджидал хозяин дома.

— Я покажу тебе, где нанять повозку, — предложил он. — А то, увидев тебя, эти шакалы назначат такую цену, за которую можно будет объехать весь мир!

Попрощавшись с хозяйкой, они вышли на улицу. При виде каменных домов Иль снова охватил восторг.

— Ты еще Гарду не видела! Столицу Рийнадрека! Вот там дома небеса подпирают!

Почти сразу нашли они человека, который согласился отвезти юную путешественницу туда, куда она прикажет.

— Две меры серебром! — объявил он ей стоимость после недолгих споров с Хлеем.

А тот же тихонько добавил:

— Платить не спеши, пока не окажешься в Гарде.

Он усадил Иль в повозку и помахал рукой. Возница, терпеливо ждавший, когда они попрощаются, прыгнул на козлы и щелкнул языком.

\*\*\*

Ях бодро ковылял впереди всех, размахивая своей палкой и оглушительно ругая Кадона, Васи́ра и Карамера, которые шли медленно и вяло.

— Постой же, Ях, — очень скоро взмолился Васпир, хныча и вытирая нос грязным рукавом. — Неужто не передохнем?

И Ях разразился такой бранью в ответ, которую Карамер никогда не слышал даже от Эрбидея.

— Сколько же мне терпеть ваш дурной нрав да балованность? — воздел Ях к небу руки. — Сколько же еще идти вместе с вами да ни на миг не знать покоя? Что бы я ни сказал, а в ответ слышу лишь недовольство и противление. Никакой благодарности! Никакой!

Кадон, который очень уж не любил, когда Ях начинал стыдить их, от всего сердца угостил Васи́ра знатным тумакон.

— Ай! — взвизгнул Васпир и закрутился на месте.

— Замолчи и иди, — мрачно отрезал Кадон, не глядя на друга.

А Ях лишь вздохнул.

— Боги наказали меня за мои грехи, — решил он.

Но Васпир вовсе не обиделся и вприпрыжку побежал за Кадоном, хотя до этого скулил, сидя в дорожной пыли.

— Дивные же здесь нравы, — прошептал Карамер и поспешил за остальными.

К вечеру, совсем выбившись из сил, Васпир упал на землю, а Кадон прилег подле него, тяжело и громко дыша. Даже Ях остановился и вытер лоб драной тряпкой, которая служила у него полотенцем.

— Так и быть, передохнём, — предложил он. — Найдут ли они нас? — спросил он Карамера.

Мальчик, который и сам валился с ног от усталости и непривычного длинного перехода, только мотнул головой. Да и как найти? Он уже и всякий счет потерял дням, которые минули с первой их встречи.

— Нет, Ях. Они так далеко не сунутся без подмоги-то. Эрбидей просил прислать людей, как и обычно. А обычно у него не более пяти али шести.

— А чего так мало?

— Эрбидей дружил с управителем этого края, но у них была странная дружба. За каждого охранника, что присылал управитель, надобно было ему платить. Поэтому коли было что неопасное, так скупец Эрбидей и звал пятерых, а вот ежели настоящая беда, так там и поболее. Но и платить потом приходилось не медяками, а чистым золотом да кое-какими услугами.

— Вот ведь гнусный выродок! — буркнул Ях.

А Карамер продолжал, сев на землю рядом с Кадоном:

— У Эрбидея сроду ничего за так не бывало. Но и он всегда и за все платил исправно.

— Так а какие же услуги? — спросил Ях, обходя своих попугчиков кругом.

— У него всякий сброд останавливался. Беглые преступники. Те, кого искала городская стража. А он их всех прятал у себя в погребе. Он у него большой — со множеством переходов и тайных комнат. Коли не знать, что там есть, так в жизни не найдешь.

— А ты-то откуда про все знаешь? — подозрительно скосил глаза Кадон, который уже отдышался и теперь снова недовольно глядел на Карамера.

— А не твоего ума дело, — вместо мальчика ответил Ях. — Чай, коли будешь знать такие вещи, так лопнешь от натуги.

Карамер заерзал на месте. Он не хотел, чтобы из-за него Ях ругал своих друзей.

— Он знал, что я не убегу. Что при нем и останусь. А коли захочу кому проговориться, так и вмиг лишусь жизни. Да и некому было. Ведь не знаешь, кто перед тобой — слуга, друг управителя или случайный путник, которому и вовсе нет никакого дела до всего этого.

— Хитер, аспид! — промолвил Ях. — Ох, уж и хитер.

Карамеру на миг показалось, что для старика его слова вовсе и не были новостью, что Ях и сам знал Эрбидея не хуже его самого.

— Эй, Васпир! — гаркнул он. — Есть ли у нас кусок хлеба?

— Есть, Ях, — засуетился Васпир. — Я прихватил у хозяинчика нашего добренького Эрбидея.

— Так доставай, а не сиди!

Васпир распустил шнурки своего мешка и достал несколько ломтей хлеба, уже сухого, пять луковиц, бутылъ с маслом, кусок свиной колбасы и соль, завернутую в лист подорожника.

Кадон довольно потер руки — грязные и мозолистые. А Ях лишь кряхтя присел рядом

со всеми.

— Боги нынче добры к нам, — сладко сказал Васпир, прикрывая глаза, за что тотчас же получил подзатыльник от старика.

— Ты ешь, а не скрипи под ухом! — одернул его Ях. Хотя его собственный голос был куда противнее Васпирова, никто не возразил. Все стали есть — жадно хватая куски и не жуя запихивая их в рот.

Карамер сглотнул. Есть хлеб из дома его бывшего хозяина было все еще непривычно.

— Не тужи, — подбодрил его Ях, поддевая за подбородок своим посохом. — Еда не бывает дурной, ежели только она не отравлена человеческим ядом.

Оба висельника захохотали, держась за животы.

— Этот малец нас веселит, — сообщили они Яху.

— Ежели этот малец будет таким нежным, то очень скоро его кости будут гнить в придорожной канаве, — заключил их предводитель.

И мальчик осторожно взял кусок.

— Хватит болтать! — вдруг опомнился Ях. — Торопиться нужно.

И они снова пошли.

\*\*\*

Карамер никак не понимал, куда же Ях все время торопится. И утром, и днем, и даже глубокой ночью старик все подгонял их, сокрушаясь о том, что с такими медлительными черепахами он никогда не успеет в срок. Что такое черепаха, Карамер не знал, и был уверен, что об этом дивном существе не знают и Кадон с Васпиром, но спрашивать не решался.

— Передохнуть бы, — робко предложил Васпир.

— Передохнешь в могиле, — отрезал Ях, не оборачиваясь. — Коли желаешь, так можешь спать прямо тут, но не думай, что я буду тебя ждать.

И Васпир послушно поплелся дальше.

Карамер сначала удивлялся тому, что оба висельника, которые одним ударом кулака могли вышибить дух из ворчливого Яха, слушались его, словно ручные псы, покорно снося его дурной нрав и побои. Но потом он понял, что ближе и роднее старика у Васпира и Кадона никого не было. А потом увидел, что и Ях любил и оберегал своих незадачливых попутчиков, хоть и охаживал их, бывало своей палкой по спинам.

— У них больше никого нет, — признался Ях, оглядываясь на плетущихся позади Васпира и Кадона. — Одни, словно деревья в пустыне. Ни родных, ни друзей.

Карамер понимал, что Кадон и Васпир вовсе не защищают Яха. Наоборот! Без них старику жилось бы лучше и безопаснее, ибо у обоих мужчин были такие лица, что сразу выдавали в них висельников.

— Коли я брошу их, так они и кончатся, — сказал Ях. — Они и жизни-то привольной, почитай, не помнят уже. Да и клейма не затрешь.

— Им повезло с тобой, Ях, — ответил Карамер.

— Просто во всем мире им было некому помочь, кроме меня, — совсем не хвастливо сказал Ях.

И ведь Карамеру тоже некому было помочь! А вот, словно по велению богов, в негостеприимном доме Эрбидея появился Ях и спас его, Карамера, от многих дурных вещей.

Они шли всю ночь, когда вдруг случилось то, чего уж совсем никто не ждал. Васпир, сейчас шедший впереди, вдруг остановился и, страшно вращая глазами, прохрипел:

— Там кто-то плачет. Младенец.

— Кругом эти младенцы! — выругался Ях. — Какой еще младенец, осел ты безмозглый?

— Так сам погляди, — позвал его Васпир. — Лежит да плачет.

Он осторожно пошел на крик ребенка, который едва прорезал утреннюю тишину.

— Вот он! — победно воскликнул Васпир, нащупывая младенца и тотчас же отскочил назад, сбив с ног старика, который шел за ним.

— Ты трусливый червь! — взревел Ях. — Неужто ты испугался дитя?

— Там он не один, — заикаясь пропищал тот, — там мамка его. Холодная.

Ях, кряхтя, поднялся на ноги и отряхнул свое платье.

— Бывает и такое, — согласился он. — Когда мамки мрут.

Карамер бережно взял ребенка, хотя никогда прежде не видал он новорожденных и не знал, как с ними обращаться. Васпир суетливо кружил вокруг него, раздавая советы да заглядывая в глаза младенцу, который теперь уже взаправду раскричался от шума и толкотни.

— Было трое на моей шее, а теперь и четвертый прибавился. Да за что же так наказывают меня боги? За какие мои грехи?

— Но ведь мы возьмем его с собой? — тревожно спросил Карамер, зная, что Ях может приказать оставить младенца на дороге.

— А кто будет его кормить? Кто будет поить? Али ты вдруг начал кормить грудью, болван?

Кадон загоготал, держась за живот.

— Мы отнесем его в город, — ответил Карамер, изо всех сил желая отвесить Кадону хорошего пинка. — А там и оставим на добрых людей. Чай, найдется в Опелейхе женщина, которая сама лишь недавно...

Карамер недоговорил, надеясь, что Ях и так все поймет. Старик косо посмотрел на него и ничего не сказал. Однако Васпир, который меньше всех любил Карамера, вдруг поддержал его:

— С ребеночком всяко веселее, — неуверенно предложил он. — Я-то, помнится, всегда с детьми ладил. Очень уж они меня любили. Все вились вокруг меня да просили рассказать им сказок да вырезать еще игрушек из дерева. До каторги-то я очень уж умелым был плотником.

— А сейчас ты неумелый баран! — обозвал его Ях. — Но уж коли наказали меня боги, то я должен испить до дна свою горькую чашу. Бери ребенка с собой, и пусть мне зачтется это доброе дело.

Карамер менялся с Васпиром каждые триста шагов. Нести ребенка, да еще и с непривычки, было тяжело, и оба быстро устали. Кадон, который вовсе не питал к детям никаких добрых чувств, лишь брезгливо морщился, когда видел красное лицо найденыша и его безволосую голову.

— Мерзость же земная! — сплюнул он и присоединился к Яху.

А Карамеру нехстати подумалось о том, что Ях вдруг перестал их понукать. Уж не знал ли он, кого встретят они на дороге? Мысль была дикой и глупой, но в предрассветном тумане показаться могло и не такое.

Так, раздумывая, Карамер укачивал младенца, бормоча себе под нос, как вдруг нащупал что-то твердое в его тряпках.

— Тут что-то есть! — вскрикнул Карамер. К шее ребенка была привязана веревка с

тяжелой подвеской на конце, которая теперь съехала ему на спину.

— Что там еще? Надеюсь, что эта глупая баба, которая легла помирать прямо на дороге, оставила нам кошелек с золотыми монетами, чтобы мы так не нуждались в пути.

Карамер снял веревку и пригляделся:

— Ях! Погляди! Это перстень.

Глаза Яха загорелись огнем.

— Ну-ка покажи! — повелел он.

Карамер осторожно повернул к нему перстень, который приятно тяжелил ему руку.

— Видно, что драгоценность, — заметил Ях, отпихивая от себя Васпира, который топтался рядом с ним. — Уйди же с глаз да долой, али не видишь, что мешаешь мне смотреть? — рассердился он.

— Тут и письмо! — продолжил сообщать о своих находках Карамер. — Только я грамоте не учен, прочесть не смогу.

— Выйдем на светлое место, — проворчал Ях, пряча перстень в карман. — Я, может, и вспомню какие буквы.

Васпир теперь нес младенца, а Карамер думал про себя, кем же была та мертвая женщина на дороге, которая оставила вместе со своим ребенком такое богатство. Ведь кольцо, которое присвоил себя Ях, было очень большим и дорогим. Неужто украли? Но тогда зачем же она не продала его, а обрекла на смерть и себя, и малютку?

Наконец, солнце взошло.

— Дай прочту! — сварливо приказал Ях, который теперь плелся позади всех.

Карамер протянул ему крошечный свиток.

— Да прольется над нами дождь! — громко прочел Ях. — Что же, кажись, боги смилостивились над нами!

— Это еще почему? — спросил Карамер, совершенно сбитый с толку такими речами.

— Потому, что ты дурень и лапоть! — прогремел старик. Он достал из кармана перстень и блеснул им на солнце: — Глядите, дурни, ибо больше такого вовек не увидите!

Карамер не шибко разбирался в драгоценных камнях, но и он понял, какое сокровище показал им Ях — огромный алмаз, прозрачный, словно лед и чистый, будто роса поутру, сиял и переливался на ладони Яха.

— Кольцо без имени, а это значит, что мы можем его продать и заплатить какой доброй бабе, чтобы приглядела за этой крошкой, — и он ткнул младенца пальцем в живот. — А после того, как набьем карманы золотом, я распрощаюсь с вами навсегда и заживу жизнью веселой да привольной.

Все трое разинули рты, а Кадон громко икнул.

— Колечко-то я припрячу. Придется нам есть поменьше, а идти подольше, пока доберемся мы до Опелейха, но уж мысль, что по милости богов я избавлюсь от трех нахлебников, придает мне сил!

Васпир заерзал на месте, стараясь привлечь внимание гневливого старика:

— Разрешь сомнения!

— Ну что тебе? — вспыхнул Ях.

— А вдруг нам не повезет и мы вовсе не озолотимся?

Ях разразился такой бранью, что даже Кадон закрыл уши, чтобы не слышать сего непотребства.

— Помилуйте, боги! — воздел он руки к небесам. — Как думаешь, чурбан, сколько



стоит это кольцо даже без камня?

Васпир пожал плечами, не желая снова попасть впросак и быть за это обруганным.

— На деньги, вырученные с продажи, можно купить целый дом со всей утварью!

Васпир присвистнул:

— Дай погляжу, — попросил он, наклоняясь к самой ладони Яха.

— Гляди, только не вздумай касаться своими грязными руками, — предостерег его Ях.

Карамеру подумалось, что руки самого Яха были ничуть не чище, чем у Васи́ра, но сказать он ничего не сказал.

— Что же! — сказал Ях. — Мы должны идти, ибо чем скорее мы прибудем в столицу, тем скорее я прогоню вас от себя и заживу привольно и достойно. В мои годы уже не дело месить ногами дорожную грязь да клянчить еду у чужих людей.

И он, ущипнув найденьша за щеку, пошагал вперед, бодро размахивая своим посохом.

— Постой, Васпир, — вдруг остановился Кадон и голос его подозрительно задрожал. — Ежели все будет так, как говорит Ях, то больше не будем мы с тобой вместе?

Васпир, казалось, об этом не думал, но слова Кадона поразили его в самое сердце:

— Как не вместе?

— Ну так и не вместе, — объяснил ему Кадон, разводя руки в стороны. — Будет у нас золото и деньги, и не будет нужды идти вместе, а значит мы и расстанемся.

Эта мысль безмерно опечалила Васи́ра и он опустил глаза. Карамер, глядя на двух висельников, испытывавших такую привязанность друг к другу и не желавших расставаться даже в богатстве, чуть не захохотал, но потом сдержался, памятуя о кулаках Кадона.

— Я буду помнить тебя вечно, Васпир, — пообещал Кадон, роняя слезы в дорожную пыль.

— Я тебя тоже не позабуду, — уверил его Васпир, беря за руку и крепко ее пожимая.

— А я огрею вас своей палкой! — заревел Ях, возвращаясь к ним. — Ежели не бросите вы молоть всякий вздор. Нашли время, когда клясться в дружбе и верности.

А Карамер счастливо улыбнулся — он вдруг понял, что Ях скорее отдаст драгоценный перстень первому встречному, чем прогонит Кадона и Васи́ра от себя.

## Глава 7. Высь

От тряски, голода и чужих незнакомых голосов найденыш то и дело заливался таким горьким отчаянным плачем, что у Карамера сжималось от жалости сердце. Кадон лишь молча скрипел зубами, стараясь не показать Яху своего великого раздражения.

— Ях! — проскулил Васпир, оставляя всякие попытки успокоить младенца песенками и потешками. — До Опелейха нам не дойти.

— Не дойти, — согласился старик и остановился. — Но и бросить этот визгливый комок мы не можем.

Он почесал голову и едва слышно произнес:

— Где же ты, брат? Неужто не подсобишь?

И тут же, словно устыдившись своей слабости, бодро добавил:

— Идемте же быстрее! Нам нужно поспеть до ночи!

Куда поспеть Ях не сказал, но все послушно припустили за ним.

Очень скоро они заметили огни. Чуть вдали от дороги стоял небольшой каменный дом с добротной новой крышей. Маленькие оконца были вымыты, порог чисто выметен выметен, на ступеньках стояли глиняные горшки с цветами, а вокруг мирно щипали травку жирные важные утки.

— Вот нам стол и вот нам дом! — обрадовал своих попутчиков Ях, постучав в дверь. — Переночуем здесь.

— А мы не убьем хозяина как в тот раз? — нерешительно спросил Карамер, вспомнив, чем закончилось для Эрбидея его гостеприимство.

— Что? — рассердился Ях. — Конечно, не убьем! Аль я по-твоему убивец?

Дверь отворилась и высокая баба с усталым лицом выглянула наружу.

— Мир тебе, хозяйюшка! — поприветствовал ее старик, растягивая губы в улыбке. — Не найдется ли у тебя куска хлеба для несчастных скитальцев?

— Мы тут с ребеночком! — жалобно добавил Васпир, указывая на вконец обессиленного от плача найденыша. — Не будет ли глотка молочка?

Женщина окинула взглядом незваных гостей и кивнула.

— Заходите, — сказала она, пропуская их внутрь. — Муж сейчас будет.

Ях опустился на скамью и вытянул ноги.

— Вот ведь судьба у старика! — с деланной горечью пожаловался он. — Цельный день ногами идти да милости у чужих людей выпрашивать.

Хозяйка молча налила в миску молока, покрошила туда хлебного мякиша и подозвала Карамера, который так и держал младенца на руках.

— Дай его мне, — попросила она, садясь у печи.

Карамер осторожно передал ей ребенка, а сам примостился рядом с Яхом.

— Хороший дом, — снова подал голос старик, оглядывая убранство. — Век простоит!

— Муж строил, — ответила женщина, кормя младенца.

— Для детей поди старался? — предположил Ях.

Ответить ему не успели — дверь отворилась и в дом вошел сам хозяин.

— Господин! — первым, как и всегда в таких случаях, поздоровался Ях. — Мир дому твоему! Жинка твоя согласилась нас приютить.

Хозяин тоже не отличался многословностью — он, как и жена, лишь молча кивнул

своим неожиданным постояльцам.

Младенец, насытившись и отогревшись, выпростал из тряпья крошечный розовый кулачок и крепко ухватил свою кормилицу за палец.

— Откуда он у вас? — спросил хозяин, внимательно разглядывая старика.

— Нашли на дороге! — опередил своего предводителя Васпир, за что тут же получил кулаком в спину от Кадона.

— Ай! — взвизгнул Васпир. — Не надо было говорить?

— Замолчи, дурак! — прошипел Кадон, рассерженный болтливостью своего друга.

— Так и есть, — вдруг поддержал болтуна Ях. — Нашли на дороге. Несем в Опелейх. Там, коль боги помогут, сдадим на поруки моей родной сестре. Она, что называется, баба кормящая, с голоду помереть не даст!

Карамер мог поклясться, что Ях только что выдумал себе сестру, но зачем он это сделал, ответить не мог.

— Переночуйте здесь, — предложил хозяин. — Двое на полу поспят, двоих в сарай положу. А пока я вам постели ищу, жена вас накормит.

Но женщина, казалось, не слышала его: она качала ребенка, напевая ему колыбельную.

— Я с тобой, хозяин! — забыв прикинуться немощным и слабым, вскочил на ноги Ях. — Пойду помогу. Эй, остолопы, — обратился он уже к своей троице, — а ну вышли на свет божий! Неча воздух в доме портить!

Карамер с висельниками остались ждать на крыльце, а старик вместе с хозяином обошли дом кругом.

— Чой-то я детишек у тебя не вижу, — снова начал разговор Ях, озираясь по сторонам. — Загуляли где?

— И не увидишь, — буркнул хозяин. — Не нажили их.

— Ой, какая беда! — запричитал Ях. — Какой же дом без детей-то?

Хозяин сжал кулаки.

— Будто это моя воля!

— Тоже правда.

И они вернулись в дом. Хозяйка уложила ребенка в большую корзину и теперь собирала на стол, чутко прислушиваясь и то и дело оглядываясь.

— Вкусно! — похвалил ее Ях, полной ложкой зачерпывая горячую похлебку. — Давно так сытно не ел.

А боров Кадон даже попросил добавки.

— Я на полу посплю! — заявил старик, когда все поели. — Карамер, ты тоже. А вы, дурни, идите в хлев. А то своим храпом добрым людям покою не дадите!

Женщина вытащила ребенка из корзины и унесла с собой в ложницу. Ее супруг, убедившись, что надоедливый старик наконец-то утомился, погасил свечу и пошел за ней.

— Прикипишь ведь! — услышал Карамер его голос из-за закрытой двери.

— Ну и пусть! — ответила ему жена.

— Как знаешь... — устало сказал хозяин.

Не успел мальчик задремать, как его разбудил тычок в бок.

— Хватит спать, лежебока! — зашипел ему на ухо Ях. — Идти надо!

Ничего не понимая, Карамер сел на полу.

— Люди они, кажись, добрые, — больше себя, чем мальчика, уговаривал старик. — Да бездетные. Им ребенок нужнее.

Он достал из кармана драгоценную находку и положил на стол.

— Вставай, дурень! — шепотом прикрикнул он на Карамера. — Только дверью не скрипи!

И они тихонько вышли из дома. А снаружи их уже ждали двое висельников — Васпир, отчаянно зевая, переминался с ноги на ногу, а Кадон, казалось, сумел уснуть стоя.

— Что я вам скажу, дуралеи? — обратился к своей свите Ях, когда гостеприимный дом остался далеко позади. — Должок мы отдали. Думаю, что того камня хватит, чтобы заплатить за наш постой.

— Кадон! — услышал Карамер радостный голос Васири. — Теперь мы не расстанемся вовек!

И Васпир бросился на шею здоровяку.

— Теперь у нас снова свищет в карманах ветер! — откуда-то издалека выкрикнул Ях.

\*\*\*

Хараслат проведал Виду только ночью.

— Слыхал, ты раскололся, словно орех, — пошутил он, входя в шатер к оградителям.

Вида лишь поморщился в ответ. Он даже не смог приподняться, чтобы поприветствовать Хараслата, как и подобало любому хардмарину.

— Такое здесь случается. Кто от клинка, кто от стрелы, кто от пращи. Коли к утру не помрешь, так выживешь. Да и нянька у тебя хороша — Ширалам многих выходил. Пусть и не лекарь, но руки у него целебнее всяких трав.

— Конь мой словно взбесился, — начал оправдываться Вида, корчась от боли.

— Да и люди тут иногда ума лишаются. И не мудрено. Развлечениями мы не балованы. Тут и поесть досыта за удачу считается. А уж если есть вина хоть на плоток, то и вовсе славный денек. У меня разговор к тебе был, да только не то, вижу, время, — заметил он, глядя на искаженное мукой лицо нового хардмара. — Как оправишься, так я тебя жду у себя. Потолкуем о том да о сем. Гляди, так и подружимся.

Вида кивнул еще раз.

— Я не завтра, так через день уже как новый буду, — пообещал он, сдерживая стоны.

— А я тебя не тороплю. Тут, коли спешить, можно раньше времени к предкам отправиться. А ежели ты того не желаешь, так и выздоравливай да силу крепи. Здесь без нее ох как непросто.

Хараслат не стал более занимать Виду разговорами, и, шепнув что-то Шираламу, оставил их одних.

— Золотой хардмар, — протянул Ширалам, укрывая Виду драным одеялом. — Лучше, чем отец родной.

После ухода Хараслата Вида долго не спалось. Грудина болела так, что каждый вздох был сущей мукой. Он старался беречь койсойскую водку, что оставил ему Ракадар, но не мог не прикладывать к бутылки губами, пытаясь унять эту страшную боль.

— Ширалам! — то и дело звал он. — Когда вернутся Ракадар с Умудем?

И Ширалам, который неизменно был рядом с ним, лишь пожимал плечами:

— Это как опасность-то минет, друг.

Но Виду это совсем не утешало. Он уже успел раскаяться в своих обидных словах, бездумно брошенных в лицо Ракадару. Койсоец проявил куда большее милосердие и благородство, чем он, сын Мелесгарда! И эта мысль грызла Виду изнутри. Не мог он позволить уступить в великодушии бывшему рабу!

— Ширалам! — снова звал он. — Расскажи мне о жизни здесь.

Оградитель сажился подле Виды и начинал рассказывать о том, что видел своими глазами и слышал своими ушами.

Все его рассказы начинались одинаково — как в один день в Опелейхе, когда он бродил среди торговых прилавков, желая незаметно стянуть приглянувшуюся безделку, к нему подошел Лимар. В тот день Ширалам так ничего и не украл, но зато узнал о том, что в Северном Оннаре, на самой границе с Рийнадрёком есть оградительный отряд, куда нужны воины.

— Я над Лимаром-то и посмеялся тогда, — поделился Ширалам. — Дескать, а разве мы воины? Мы воришки и бродяги, а я меча сроду в руках не держал. А он мне ответил, что этот отряд не простой, и берут туда всех.

Вида сначала с ужасом слушал, как походя вспоминает Ширалам о своем прошлом — о том, как воровал и разбойничал. Но потом понял, что сам Ширалам вовсе не считает, что делал что-то плохое — все, кого он знал, жили вот точно так же, как и он.

— Мы тогда недолго думали, ибо кто не имеет корней, тот легко собирается в путь-дорогу. В одном трактире нашли северянина, который тоже слышал о чудо-отряде, куда и впрямь принимают даже тех, кто премудростям боя не обучен. Мы вот и решились тогда. У Лимара заплечный мешок, у меня — так и пошли. По дороге нас чуть не искромсали ножами, но боги в тот раз помиловали. Так и пришли. Хараслат нас встретил. Посмеялся над нами, как же без того, да только не обижал да не испытывал. Пришли, говорит, так и оставайтесь тут, коли пожелаете. Гнать не буду, но и силой не держу. Он нас-то мечом владеть и обучил. А мы, как платье-то оградителей надели, так сразу грешки наши нам простились. Пока я здесь, так я воин, а не вор, и никто с меня за прошлое не спросит. Жаль, что Лимар так скоро преставился.

Обычно на этих словах Ширалам замолкал, а Вида старался прогнать воспоминания о мертвом юноше.

— Лимар хороший был парень, — подытоживал свою речь Ширалам. — Хороший.

\*\*\*

Лишь к вечеру второго дня Виде удалось задремать, хоть ненадолго забыв в болящих костях и своей горькой доле. Проснулся он, когда услышал снаружи шум — все оградители, побросав дела, стали седлать коней. Ржание перемешивалось с криками Хараслата и Валёна, с ругательствами простых воинов, с топотом ног по сухой земле да с оглушительным неистовым лаем собак.

— Ширалам! — закричал Вида и тотчас же оградитель вбежал к нему.

— Что это за шум?

Ширалам, едва переведя дыхание, сказал:

— Умудь приехал. Рийнадрёкских три харда на тысячу шагов ниже их дозорного места. Хараслат воинов собирает на подмогу.

Вида хотел было рывком встать на ноги, да Ширалам его опередил — костлявая, но крепкая рука оградителя сомкнулась у него на горле, а угрожающий шепот приказал:

— А ты лежи. Хараслат мне голову снимет, коли я за тобой не услежу.

— Так ехать же нужно, — прохрипел Вида.

— Здесь остается хард, — сказал Ширалам, отпуская его. — Все воины никогда не бросают становище. А ты хардмар. Это приказ Хараслата.

Ширалам схватил свой плащ и вышел из шатра, оставив Виду одного.

“Хардмар?” — повторил про себя Вида. Он совсем позабыл, что Хараслат назначил его хардмаром.

Вида, уже не стыдясь, застонал и с трудом сел на своей перине, а потом, стараясь не дышать и не тревожить ребра, выполз из шатра.

Остальные оградители провожали харды Хараслата и Валёна, которые во весь опор скакали навстречу свой гибели.

— Слушайте меня! — хотел было зычно крикнуть Вида, но вместо этого лишь закашлялся и снова согнулся пополам.

Кое-кто обернулся.

— Я — ваш новый хардмар, — просипел Вида, оперевшись на свой меч, как на клюку. — Подседлать коней! Приготовить оружие! И никому не спать этой ночью! Никому не покидать становища!

— Зачем это? — раздался голос из толпы.

— Чтобы не просмотреть тревожный огонь, — ответил Вида.

Толпа захохотала, схватившись за животы и щербато улыбаясь. Вот уж чудак этот их новый хардмар. Дурень как есть!

— Чего смешного? — возмутился Вида. — Или вам непонятен приказ?

Вперед вышел какой-то оградитель с рыжей клочковатой бородой и рябым нечистым лицом. Даже издали Вида учуял запах гниющей плоти и чуть не отскочил от омерзения.

— Какие это тревожные огни? У нас такого сроду не было. Али ты позабыл, где очутился, хардмар? — и он сплюнул тому под ноги.

Вида побагровел от ярости.

— Я вспорю тебе твое вонючее брюхо, — зарычал он, делая шаг вперед, — если ты нарушишь приказ! Если оставишь Хараслата без помощи!

Он и сам не понял, зачем помянул главного хардмара, но один звук его имени тотчас же запечатал рот грубому оградителю.

— Никому не спать! И не пить! — повторил Вида. — И всем быть наготове.

Оградитель отступил. А остальные, пораженные той силой, которая загорелась в глазах их нового хардмара, смолчали.

А сам Вида сел у шатра и стал глядеть на черное бледное небо и ледяные звезды. Ширалам подошел к нему и сел рядом.

— Зачем ты это сделал? — спросил он.

— Хараслату потребуется подмога, — предположил Вида, закусывая губу.

— А если нет? Ведь тогда они убьют тебя! — воскликнул Ширалам, хватаясь за голову.

— Я не знаю, — признался Вида. — Не знаю, зачем отдал приказ.

— Они убьют тебя, — мрачно повторил Ширалам. — Убьют, не дождавшись тревожного огня.

Но, к великому удивлению и Виды и остальных хардмаринов, уже под утро один из оградителей увидел чудное марево, словно кто-то нарочно зажег большой костер.

— Тревожный огонь! — заорал он, вскакивая на ноги. — Хараслат зовет нас!

И все бросились к заранее подседланным лошадям. Вида же не верил сам себе — он оказался прав! И, отпив из бутылки, вместе со всеми побежал к своему коню.

— Ширалам! — закричал он, но голос его угас.

Однако Ширалам был рядом.

— Подсоби мне! — попросил Вида, чуть не теряя сознание от боли.

Вида с трудом влез на коня — Ширалам поддержал его — и крепко перехватил поводья. Вот и первый бой подоспел... Да и за кого он должен биться! За рабов и отступников, за преступников и беглых каторжников. Да будь висельниками они все, а не дело ему — Виде Мелесгардову — отсиживаться в своем шатре. Он умрет, но не замазает себя такой грязью — хуже рабов презирал он трусов.

— Поддай мне меч, — приказал он Шираламу, сморщившись от боли.

Ширалам исполнил и этот приказ.

— Не отставай от меня, будешь кричать остальным, — сказал Вида и Ширалам тотчас же вскочил в седло.

— Все на бой! — решился крикнуть он, но из груди вырвался только слабый сип. Но Шираламу было и того довольно — громом разнесся по становищу крик оградителя:

— Все на бой!

— На помощь Хараслату на бой! — выдохнул Вида и вот уже все воины закричали с ним вместе.

— Стоять насмерть! Стоять до конца да с честью поглядеть смерти в глаза!

— Насмерть! — кричали все вокруг. — До конца!

— Да не глядеть назад!

И Виде показалось, что боль куда-то ушла, а силы наоборот пришли. Его первый настоящий бой, который он встретит с оружием в руках!

Ширалам держался рядом с ним, готовый в любой миг подоспеть на помощь, но Виде это было не нужно, ибо он знал, что боги ему помогут. Будто хмельной, засмеялся он диким смехом.

— За мной, мой хард! — закричал он. — За то, чего у нас нет!

Что было силы он ударил Ветерка под бока и стрелой рванул на юг — туда, где отчаянно ждал помощи Хараслат, где были Умудь и Ракадар.

— За то, чего нет! — оглушительно грянули его воины и устремились вслед за своим хардмаром. Собаки лаяли, пытаясь догнать скачущих лошадей, а потом помалу отстали. Вида на полном скаку отпил из бутылки и покрепче перехватил поводья. Ширалам ехал рядом, с восторгом глядя на своего предводителя.

— Я умру за тебя, Вида! — закричал он в спину хардмара. — Это честь умереть рядом с тобой.

— Не умрешь. Не сейчас, — не оглядываясь назад, пообещал Вида.

Оградители неслись во весь опор туда, где уже затухал тревожный огонь.

“Только бы поспеть. Только бы не опоздать”. - и больше Вида ни о чем не думал.

Еще издали отряд увидел оградителей, которых теснили рийнадрёкские воины, мало-помалу беря в кольцо.

— Скорее! — закричал Вида сам себе.

И за миг до того, как кольцо рийнадрекцев сомкнулось, хард Виды пробился к оградителям.

— Хараслат! Хараслат! — кричал Вида, стараясь протиснуться в середину боя, где, как ему казалось, должен был Хараслат. — Умудь! Ракадар!

Воины оборачивались на его крик и тотчас же отворачивались вновь. Рийнадрёкцы отступили, не ожидая подкрепления, но не испугались, а лишь собирались с силами для нового удара.

Вида, не спрыгивая с коня, схватил какого-то оградителя и спросил:

— Где Хараслат?

— Он там, — махнул рукой оградитель, указывая на самые дальние ряды. — Хараслат бьется первый.

— За то, чего у нас нет! За Хараслата! Вперед! В бой!

И в неистовстве и ярости Вида ринулся вперед, туда, где был Хараслат, даже не обернувшись посмотреть, бросится ли кто за ним. Однако, к его удивлению, остальные оградители подхватили его крик:

— За Хараслата!

Впервые Вида попробовал настоящий бой, и этот вкус опьянил его.

— Хараслат! — закричал он, увидя Хараслата.

— Вот уж не ждал! — задыхаясь сказал ему хардмар, не оборачиваясь. — Как ты пришел?

Но Вида не успел ответить — бой кипел нешуточный. Он взмок и тяжело дышал, в голове помутилось, а перебитые ребра снова отозвались мучительной болью.

Оградители вдруг страшно заревели, и Вида, уже кренясь в седле, понял, что рийнадрёкцы дрогнули и побежали.

— Заграждения! — прокричал Хараслат.

Больше Вида ничего не помнил.

\*\*\*

Вида лежал в своем шатре на том же тюфяке, что и раньше, а рядом с ним был Ширалам.

— Где Хараслат? — только и вымолвил юноша.

— Он в своем шатре. Все ждал, когда ты очнешься, дабы спросить с тебя за то, что ты самовольно оставил становище.

Вида нахмурился, а Ширалам захохотал:

— Шучу я, друг. Хараслат тебя благодарит. Если бы не ты, так все бы два харда погибли. Хардмар закрыл глаза.

— Я сбегаю к Хараслату да обрадую его. Скажу, что ты в себя-то пришел.

Он убежал, а очень скоро к Вида пожаловал и Хараслат.

— Что ж, друг, значит и не зря я сделал тебя хардмаром. Вот как знал, что ты нам поможешь! — радостно сказал он, похлопывая Вида по плечу.

— Что было потом? — сглотнул Вида, напугавшись внезапного предчувствия. Он не видел подле себя ни Ракадара, ни Умудя.

— Мы их отбросили! — ответил Хараслат. — Тебя кто-то из твоих подхватил да вынес. Ох и умеешь ты зажечь в сердцах людей огонь! Твой хард бился как в последний раз. Я думал, что они кинутся вслед за рийнадрекцами и смолотят их в муку. Да те, поди, и сами это уразумели и задерживаться-то не решились. Мы, вестимо, своих тоже не досчитались, но ведь когда война была доброй матерью?

— А где Умудь? — спросил Вида, боясь, что Умудь был среди павших.

Но Хараслат будто не слышал его и продолжал:

— Твои хардмарины сказали, что видели тревожный огонь, хотя его и не было. Но я и не спрашиваю — мало ли чего померещится в ночи-то. Чудно другое — почему не спал-то никто?

— Это я приказал, — сказал Вида. — Приказал, напугав твоим именем. Я знал, что такое бывает — когда очень уж срочно нужна подмога, а она то спит, то ест, то пьянствует.



— Ты рожден быть хардмаром! — похвалил его Хараслат. — Я тут тебе гостинец принес.

Он поставил возле Виды бутылку с вином.

— Это нордарское. Мой личный подарок. Выздоровливай!

И он оставил Виду с Шираламом.

— Где Умудь? — повторил свой вопрос Вида.

— В дозоре, чай, — ответил ему Ширалам. — Пока Хараслат не уверится, что вражий отряд убрался с нашей земли, так Ракадар с Умудем и будут в дозоре.

Вида облегченно вздохнул — они были живы!

Теперь он уже не думал плохо о своих воинах, ибо те, с кем ты бился бок о бок, перестают быть просто знакомцами.

В тот вечер к Виде стали заходить и другие оградители — и из его харда, и из сотен Валёна и Хараслата. Все они грубовато и натужно желали ему скорейшего выздоровления и благодарили за спасение.

— Чудеса в мире есть, — заметил Асда — телохранитель Валёна, который прошмыгнул к нему уже за полночь. — Ты нас спас.

Но Вида понимал, что это совсем не конец, а лишь начало. Он все еще был чужаком среди этих людей, уважения которых добиться было куда сложнее, чем любви Перстовой дочки.

— Он, видать, считает, что я поклонюсь ему в ноги, — услышал он шепот снаружи и по голосу да говору узнал второго хардмара — Валёна.

— Не слушай его, Вида, — сказал ему Ширалам, выметая из их шатра всякий сор. — Хардмарины не любят быть у кого в долгу.

\*\*\*

Прибыв в Гарду, Иль без труда нашла извозчика, согласившегося отвезти ее в Южный Оннар. Хотя так получалось гораздо дольше, чем напрямик ехать на север, но куда как безопаснее. Помня по рассказам Хлея о том, что может случиться на дороге, Иль решила прислушаться к совету бывалого возницы и поехать на юг.

— До Опелейха быстро доберемся, — говорил возница.

— В добрый же путь! — сказала Иль на нордарском. И, спохватившись, повторила эти слова на оннарском — на чужой земле свои боги бессильны.

Возница попался ей словоохотливый. Он ни о чем не спрашивал Иль, больше говорил о себе. Говорил, что сам он из Рийнадрёка, но живет в Радаринках, ибо там ему сытнее. Жена его тоже из местных, а он и не жалуется — бабы здесь крепкие и до работы охочие. В Северный Оннар он не ездит — далеко и опасно. Легче доехать до Опелейха, а оттуда уже в Стрелавицу. Говорил он на оннарском — как и большинство жителей приграничья, возница знал оба языка. И Иль с удивлением обнаружила, что не только понимает оннарскую речь, но и говорит на наречии, которое еще совсем недавно было для нее чужим.

Через три дня Иль прибыла в Опелейх. Ей не терпелось вновь пуститься в путь поскорее добраться до Северного Оннара и до Низинного Края. Оставив поклажу в ближайшем трактире, она отправилась на главную площадь искать извозчика.

За время своего путешествия Иль воочию убедилась в том, что Уульме ей не солгал: и в Радаринках и в Рийнадрёке женщина, странствующая одна, не вызвала ни удивления, ни вопросов. В трактирах, на постоянных дворах, на рынках — кругом были женщины. Да и

какие! Не забитые нордарки, боящиеся поднять глаза, а боевитые и смелые северянки. Многие имели при себе оружие — не для защиты, а для устрашения.

— Чудеса! — восхищалась Иль, пораженная в самое сердце такой разницей.

Следуя за одетыми в дорожное платье людьми, Иль быстро добралась до Главной площади.

Площадь была забита: одни отчаянно торговались, другие — лишь глазели, третьи — степенно прогуливались меж рядов, ведя долгие беседы и не глядя на выложенные товары, а четвертыми были мальчишки, которые с громкими криками шныряли в толпе.

У больших столбов, вбитых в землю, стояли извозчики и выкрикивали названия городов и деревень, куда готовы были отвезти седоков.

— Рух! — кричал один. — Рух и тотчас же едем!

— Гарда! — перекрикивал его другой. — В Гарду для двух господ места!

— Васка! — грохотал третий.

Заметив Иль, прислушивающуюся к их речи, заголосили по-новому:

— Куда, госпожа? Мигом домчим!

— В Северный Оннар! — ответила Иль. — В Низинный Край.

— Извозчики в Стрелавицу дальше стоят, — ответили ей. — Наискось через площадь.

И продолжили зазывать путешественников.

Пройдя площадь, как ей и сказали, Иль оказалась на улице, где лавки сменялись мастерскими. Хотя над лавками и висели вывески с выбитыми над них надписями “Кожа и кошельки”, “Платки из шерсти и шелка”, “Ковры и подушки”, “Сбруя, седла и уздечки”, “Бусы, серьги, каменья”, торговцы для верности рисовали на них свой товар, чтобы даже тот покупатель, что не был обучен грамоте, не прошел мимо них.

Вывеска, на которой румяный стеклодув раздувал меха, привлекла внимание Иль, и она, чуть помедлив, вошла внутрь.

Стеклянные бутылки, чаши и тарелки стояли на полках. На столах были разложены бусы, напьястья и кольца, фигурки животных и птиц стояли отдельно — так, чтобы их было не достать и не попортить простому зеваке. А в глубине лавки сидел старик и что-то записывал в толстую книгу. Увидев Иль, он встал.

— Госпожа найдет здесь лучшие стеклянные изделия во всем Южном Оннаре!

Хотя Иль и не собиралась ничего покупать, но, услышав такую высокую оценку разложенным безделкам, решила поглядеть не некоторые изделия поближе.

— Вон ту собачку, — указала она на стоящую на отдельной полке фигурку.

Старик достал собачку и протянул на вытянутой ладони. Иль осторожно взяла ее и стала рассматривать. Фигурка была неплоха, но не так хороша, как те, которые делал в своей мастерской Уульме.

Старик, заметив ее разочарование, усмехнулся.

— Лучшие в Южном Оннаре, — повторил он, — но не во всем мире.

— Я вижу, — вырвалось у Иль. — Мой муж плавил стекло и делал изделия куда как лучше!

— Вот как? — удивился старик. — И где же живет такой чудо-мастер?

— В Нордаре, — ответила Иль. — В Даиркарде.

— Мастер Уульме?

Иль так и села. Вот уж не думала она, что слава о ее муже пойдет так далеко. На другом конце света знали его имя!

— Уульме.

— Наслышаны. Мастер Уульме, способный оживлять стекло, — коротко пояснил старик.

Иль загордилась.

— Где же он сейчас? Неужто пожаловал на ярмарку со своим товаром?

— Нет, — опомнилась Иль. — Он не приехал. Он остался в Нордаре.

И покраснела.

— Значит, в Нордаре. А я бы не прочь с ним повидаться. Чай, не чужие друг другу люди. Это у меня Уульме научился плавить стекло.

И снова Иль так и ахнула. Неужто она случайно попала туда, где ее муж служил подмастерьем?

— Уульме должен был обо мне рассказать, — добавил старик.

Иль наморщила лоб, пытаясь вспомнить мудреное имя.

— Дарамат? — неуверенно произнесла она.

— Это мастер, — сердито сверкнул глазами Забен. — Учитель.

Он позвонил в колокольчик, и в лавку вошел Оглобля.

— Принеси чаю, — приказал Забен. — И сахару накопи. И поживей, бездельник!

Имя, которое назвал Забен, тоже показалось ей смутно знакомым, но поручиться за то она не могла.

— Садись, — пригласил Забен, указывая на стоящий в углу стул. — Расскажи про Уульме.

За дверью, ведущей во внутренний двор, раздался шум и Оглобля, ойкая и отбрыкиваясь, ввалился в лавку. За ним вошел большой серый волк.

— Забен! — жалобно захныкал Оглобля. — Прогони его прочь! Совсем работать не дает — за лодыжки так и норовит тяпнуть! Штаны в двух местах прокусил!

Уульме фыркнул. Увидев, как разгильдяй Оглобля спустя рукава исполняет приказы Забена, он решил проучить нерадивого работника и слегка прихватил того зубами за ногу.

— А ты и не торопился! — одернул его Забен. — Вечность где-то околачивался.

Войдя в лавку, Уульме почуял знакомый запах, но не сразу понял, какой. Лишь оглядевшись по сторонам, он увидел скучающую Иль и чуть не подскочил от неожиданности.

"Видно, мерещится." — сам себя успокоил Уульме. Иль, которую он оставил в далеком Даиркарде, никак не могла оказаться здесь, в Опелейхе. Но если глазам своим он не верил, то вот чутью поверить пришлось — запахи его никогда не обманывали.

Уульме обошел Иль кругом, чутко принюхиваясь, а потом сел и требовательно посмотрел на Забена, ожидая разъяснений такому чуду.

— Значит, ты из Даиркарда? — возобновил прерванную беседу старик.

— Да, — кивнула Иль.

— Жена мастера Уульме?

Иль помедлила, но тоже кивнула.

“Ох, плут! — подумал Уульме, поглядев на Забена, который разливал чай по чашкам. — На живца взял!”

Но обиды на старика он не держал. Наоборот, когда первое потрясение прошло, Уульме даже обрадовался и, осмелев, сунул голову Иль под руку.

— Как его зовут? — спросила девушка, наклоняясь к волку и глядя его большую голову.

— Серый, — отозвался Забен. — По масти величаю.

— Умный пес! Верный пес! — приговаривала Иль, вода пальцами по густой шерсти.

— Это волк!

— Ай! — взвизгнула Иль, которая никогда прежде не видела ни одного живого волка, но слышала, что были они зверями дикими и для людей опасными.

— Не бойся! Не укусит.

Уульме сердито засопел, глядя на Забена, который невозмутимо продолжал пить чай.

— Кстати! — спохватилась Иль. — Я должна найти извозчика!

— Куда?

— В Низинный Край. К родителям моего мужа, — просияла Иль. Совсем скоро ее путешествие через весь свет закончится.

У Уульме оборвалось сердце. Только этого еще не хватало! Узнай Зора о его смерти, она и сама сойдет в могилу. Нужно отговорить Иль ехать в Угомлик, но как?

— К Мелесгардовым? — уточнил Забен, шумно втягивая чай. — Хорошо. Они обрадуются, узнав, что сын их жив да здоров.

Улыбка сползла с лица Иль.

— Они его давно не видели, уже, поди, и не чают свидеться. А тут — ты. Вести им несешь добрые. Только вот опечалятся они, что сын их сам не приехал...

Иль отодвинула от себя чашку с чаем. О том, что едет она вовсе не обрадовать Мелесгардовых, Иль как-то не подумала.

"Ай, молодец!" — похвалил Уульме старика за находчивость, а Забен продолжил:

— Коль ты из Нордара в Северный Оннар добралась, то и они из Северного Оннара в Нордар попасть смогут — какая ж мать откажется сына проведать?

— Вы знаете, — нерешительно начала Иль. — Я...я передумала. Не нужно мне в Угомлик.

— Отчего ж? — удивился Забен.

Иль оглянулась кругом и, удостоверившись, что их никто не подслушивает, кроме наострившего уши волка, сказала:

— Потому что Уульме умер.

— Да-а-а-а... — протянул Забен. — С такими вестями я бы поостерегся ехать в Угомлик. Такими вестями и убить можно.

И Иль заплакала.

— Что же мне делать? — всхлипывала она. — Я не хочу возвращаться обратно в Нордар!

Уульме хотелось утешить Иль, успокоить, но все, что ему было по силам, так это сидеть и смотреть, как кера роняет слезы на дощатый пол.

— А знаешь! — будто бы осенило Забена. — Коли все так вышло, то оставайся здесь. Уульме был работящим, значит, и ты к работе привыкшая. Будешь мне помощницей. Силы у меня уже не те, чтобы в лавке торчать день-деньской, а какую дуру, что ни показать, ни рассказать не сможет, нанимать не хочу.

Иль отняла руки от мокрого лица.

— Правда? — с надеждой переспросила она.

— Эй, Серый! — обратился к Уульме Забен. — Сыщи мне Коромысло. Пусть сходит с Иль Уульмовой за вещами.

И если бы Иль не была такой взволнованной, то обязательно удивилась бы тому, что

старик Забен знает ее имя.

— Что, Мелесгардов? — спросил Забен, когда Иль, сопровождаемая Коромыслом, покинула лавку. — Не ждал?

## Глава 8. Сказ о петухе

Прошло уже восемь дней, как Вида вкусил свой первый бой, а Умудь с Ракадаром все еще были в дозоре. Виде не терпелось увидеть обоих и извиниться перед Ракадаром за свои злые слова, но Хараслат не торопился возвращать их назад.

Ширалам и Фистар тоже, казалось, не ждали их возвращения и радовались тому, что они теперь делят шатер не на пятерых, как раньше, а лишь на троих.

Только через одиннадцать дней после возвращения в становище он услышал то, чего так долго ждал.

— Ракадар вернулся! — закричал какой-то оградитель, и у Виды забилось сердце.

Он стал ждать появления койсойца, про себя проговаривая слова извинения. Однако Ракадар, дойдя до их шатра, не вошел внутрь, а остался снаружи.

— Я Хараслата упробил, — сказал он Фистару, который его встретил. — найти мне другой шатер. Здесь я спать больше не буду, а то господинчик наш рабов страсть как не любит.

Фистар засмеялся.

— Полно тебе, Ракадар, — пожурил его подошедший Умудь, бросая на землю свой мешок. — Господинчик-то, поди, давно ушел от нас.

— Как же! — воскликнул Ракадар. — Конь его стоит, как и стоял. Не пешком же он ушел, — он повернулся к Фистару и продолжил: — Скарб свой собираю да и уйду в другой шатер.

Вида больше не мог оставаться внутри. Он откинул сетку, которую вешали оградители, спасаясь от мошкар, и вышел на свет.

— Что и говорил я, — заметил Ракадар, оборачиваясь к своим друзьям. — Господинчик остался.

— Я не господинчик! — зло сказал Вида.

— Если я раб, то ты господинчик, — не остался в долгу Ракадар.

Фистар встал между ними, желая предотвратить драку, которая обычно заканчивалась смертью одного из оградителей.

— Я потом вернусь за вещами, — буркнул Ракадар и отошел от Виды, неприязненно косясь на него.

Вида сел на полено, которое лежало возле шатра, и задумался. Кем бы ни был Ракадар, а не его это дело, приходя в чужой стан, оскорблять хозяев и жителей. Он здесь все еще гость, а Ракадар — нет.

Он обошел становище, но строптивного койсойца и след простыл. Возвращаясь обратно в шатер, Вида услышал, как кто-то из харда называет его господинчиком. Ярость вспыхнула в нем с новой силой, и он разом передумал извиняться перед Ракадаром.

“Если он зовет меня господинчиком, то я в жизни не подам ему руки!” — сам себе пообещал Вида.

А Ракадару разъедало глаза от обиды. Хараслат держался со всеми, как с равными, ибо и сам не по наслышке знал, что такое плен, и за то время, что Ракадар служил в отряде, он отвык от высокомерия тех, кто стоял выше него. А Вида был явно другой — он не знал кандаальной тяжести, голода и неволи. Он был одним из тех, кто презрительно глядит, когда видит перед собой слабость. Но вместо ненависти к зазнавшемуся господинчику Ракадар

чувствовал сожаление, что не заслужил и никогда уже не заслужит его дружбы и расположения.

— Ну и пусть убирается вон! — всхлипнул Ракадар, вытирая внезапно набежавшие слезы. — Ему здесь совсем не место.

И он поплелся от становища прочь, чтобы никто в целом свете не увидел, как он плачет от обиды и странного щемящего чувства глубоко в сердце.

На следующий день он сделал так, как и обещал — ушел из шатра и переселился к двум братьям, жившим рядом — Ельме и Ельве. Есть вместе со всеми он тоже отказывался язвительно замечая, что Виде-господинчику, дескать, и кусок в горло не полезет, коли рядом с ним будет сидеть раб из Койсоя. А Вида, озлясь на гадкого оградителя, и сам стал есть с Хараслатом в его шатре.

— Чтоб тебе пусто было! — ругал он Ракадара и в то же время не мог не восхититься той упертости, с какой оградитель избегал всякого с ним общения.

\*\*\*

А в Угомлике безутешная Зора начинала свой день молитвой и ею же его заканчивала, без остановки прося богов забрать ее жизнь в обмен на спасение сына. Ойка, горюя не меньше Зоры, тоже затворницей сидела в своей спальне, лишь изредка спускаясь вниз в сад. Даже Трикке давно простил Вида и теперь винил себя в бездумно брошенных ему тогда злых словах.

— Это я виноват, — думал он, бродя по замку. — Я вынудил его уйти.

А Мелесгард, решив, что сидя в Угомлике и обливаясь слезами, он никак сыну не поможет, собрался в Аильгорт.

— Перст отправляет на границу обозы, — сообщил он Зоре. — Я добавлю от себя.

Владыка Низинного Края встретил его радушно.

— Давно не виделись, Мелесгард! — поприветствовал он давнего друга. — Не пришлось нам породниться.

Мелесгард развел руками. Несостоявшаяся свадьба беспокоила его меньше всего на свете.

— Вида в отряде. И я знаю, каково там приходится несчастным оградителям, — начал он, садясь напротив Перста. — Досыта там никто не ест.

Теперь уже Перст развел руками — не он сослал Вида в это гиблое место, какой с него спрос?

— Я не в упрек тебе, Ардь, — продолжил Мелесгард, — а в подмогу. Я свою десятину исправно отдавал, но теперь больше буду. Ничего мне не жалко ради сына.

— Воля твоя, — согласился Перст. — Я, видят боги, делаю для отряда все, что могу. С подручников своих собираю, с крестьян, с охотников... Но ты и сам понимаешь, что три сотни ртов кормить непросто, потому и твоей помощи не откажусь.

На том и порешили.

— Вида там горя нахлебается, — добавил он, прощаясь с Мелесгардом. — Мне даже жалко его, дурака — сам в капкан полез.

Мелесгард вернулся в Угомлик и начал готовить к отправке на границу свои собственные повозки. И Зора, радуясь, что теперь она может помочь сыну на деле, вместе с Армой и еще тройкой служанок все время проводила на мельнице, в коптильне, на маслобойне, в сыроварне, в амбарах и кладовых. Мелесгард, взяв Майнара, ездил по соседним деревням и покупал у охотников мех, кожу и соленое мясо. Ойка со всем рвением,

на какое только была способна, засела шить новое платье оградителям, а Трикке, не найдя себе другого занятия, взялся ей помогать.

— Скажи, Ойка, — как-то спросил он девочку, глядя на то, как усердно трудится она над очередным плащом, — ты часто о нем думаешь?

— Часто, — ответила Ойка, не отрываясь от работы.

— А если бы он не примкнул к оградителям, а отправился бы по миру сам по себе, поехала бы ты с ним? Вот куда он, туда и ты.

Ойка удивленно подняла брови:

— А ты зачем спрашиваешь?

— Да так... — замялся Трикке. — Узнать захотелось. Ты ведь почти взрослая, женихи скоро появятся... Отец сказал, что не покусится тебе на приданное.

— А тебе-то какая забота? — подозрительно спросила Ойка. — Или ты ждешь, когда я тоже уйду?

— Что это тебе в голову-то взбрело? — вскричал Трикке, обрадованный тем, что Ойка не поняла его мыслей.

— А что ты пристаешь ко мне с женихами тогда?

— Слова тебе не скажи! — рассердился Трикке. — Уже и спросить ничего нельзя!

— Нельзя! — отрезала Ойка. — И вообще, иди лучше в коптильне подсоби.

— Ну и пойду, — уже всерьез огрызнулся Трикке, — а ты сиди и дальше лей слезы по Виде.

Ойка вспыхнула и прямо поглядела на Трикке:

— Чего же и ты не женишься, а? Али невест все не находится?

“Будто ножом ударила. — подумалось юноше. — Ножом да прямо в сердце”.

— Ты просто глупая баба, — ответил он. — Ума у тебя отродясь не было, вот и несешь ты всякий вздор. Коли я не женат, так только потому, что есть у меня дела поважнее, чем привести в дом другую глупую бабу, которая будет меня изводить.

Ойка открыла было рот да сразу закрыла его, а Трикке, обрадованный, что не успела она придумать новые обидные слова, оставил ее одну.

— И в жизни я больше к ней, такой занозе, не подойду! — в сердцах выкрикнул он. — То вон сколько времени была покорной как ягненок, а то будто бы взбеленилась — палец ей в рот не клади да слова поперек не скажи.

Он побрел было к матери, чтобы пожаловаться той на языкастую подругу, но потом передумал. Зора тоже думала только о Виде и до страданий младшего сына ей не было никакого дела. К отцу, Трикке знал, и вовсе с такими жалобами лучше было и не соваться.

“Да и не нужен мне никто. — думал Трикке, жалея себя от всего сердца. — Я и без них не пропаду”.

Но в то же время Трикке отчаянно хотелось совершить что-то такое, что заставило бы родных позабыть о Виде и хоть раз в жизни подумать о нем самом. Но как ни ломал он над этим голову, ничего толкового ему на ум не приходило — в обход его больше не звали, для военной службы он еще не дорос, путешествия в далекие земли его не влекли, а чем еще можно прославиться, Трикке не знал.

“Вот умру я. — вспоминал о чуть ли не единственном подвиге, который совершить он мог хоть сейчас, — И все пожалеют о том, как со мной обращались!”

Трикке представлял свои пышные похороны, себя, лежащего на украшенных живыми цветами носилках, убитых горем отца с матерью, рыдающую у его ног Ойку, и мстительно



улыбался.

\*\*\*

Иль быстро освоилась в доме Забена, а вот Оглобля с Коромыслом и третий подмастерье по имени Ратка привыкали к ней куда дольше.

— Чего таращитесь, дурни? — то и дело окрикивал их Забен, чем несказанно радовал Уульме. Тому тоже не нравилось, как лупастые братья смотрели на Иль.

Сам он старался не выпускать бездельников из мастерской, больно покусывая и рыча каждый раз, когда лентяи-подмастерья по привычке отлынивали от работы.

— Забен! — жаловались на него Оглобля с Коромыслом. — Прогони пса!

Но Забен лишь посмеивался в бороду.

— А ты хватки-то не растерял, — как-то похвалил он Уульме. — Что раньше они при тебе лениться остерегались, что теперь.

А Уульме все бы отдал, только чтоб поменяться с ними местами и, засучив рукава, приняться за работу. Глядя на грубые поделки братьев, на то, как они портят стекло, Уульме приходил в ярость, и оттого кусал их все сильнее. Один только Ратка казался не таким дураком и лентяем и прилежно работал от зари до темна.

— Какой умный пес! — на второй день сказала Иль, увидев, как Уульме загнал недотепу-Коромысло на дерево.

— Умный, — ответил Забен. — Иначе б не держал.

— У Уульме тоже были подмастерья, — добавила Иль. — Они изготавливали бусы. А фигурки делал он сам.

Она вспомнила хитрого старика в нордарском халате.

— Он даже смог выплавить человечка.

— Вот как? — сверкнул глазом Забен. — И кого же?

— Сталливана! — сообщила Иль.

Даже если бы Уульме в тот миг не глядел на старика, он бы догадался, что тот закатил глаза.

— Кого же еще! — язвительно сказал старик. — Драгоценного Сталливанчика!

И, обращаясь уже к Коромыслу, закричал:

— Слезай с дерева, дурак! И принимайся за работу!

На восьмой день Иль, одетая в простое оннарское платье, готовилась к работе в лавке. Забен рассказал ей, что сколько стоит, показал, где что стоит, и ушел к себе, оставив присматривать за ней Уульме.

— Представляешь, Серый! — дрожа от волнения, обратилась к нему Иль. — Скоро я заработаю свои первые деньги! Еще год назад я и подумать о таком не могла, а теперь стою здесь и собираюсь продавать стекло!

Уульме хотел было согласиться с Иль, сказать, что и он не думал о том, что в волчьей шкуре окажется в лавке Забена в Опелейхе, но вместо этого коротко ухнул.

Первые покупатели не заставили себя ждать: в лавку вошли двое мужчин. По платью Иль узнала в них радаринкцев и, с трудом вспомнив слова, которыми приветствовал земляков Хлей, выдохнула:

— Здравы будьте!

Покупатели засмеялись, а один сказал:

— Увы, госпожа. Мы из Рийнадрёка.

Иль смутилась. Надо ж так оплошать в первый же день!

— Мы только приехали. Решили погулять да осмотреться. Вдруг чего и заметим, что можно домой привезти, — сказал первый, а второй восхищенно глядел на Иль.

— В лавке Забена вы найдете лучшие изделия из стекла, — проговорила Иль заученные слова. — Лучшие в Южном Оннаре.

— Мы еще походим, посмотрим, — сказал первый и направился к выходу.

— А чего ж смотреть? Раз лучшие, то и раскупят их, когда мы вернемся сподобимся, — сказал второй.

Иль, обрадованная тем, что рийнадрёкец все же решил что-то купить, начала доставать с полки лучшие фигурки и выставлять их перед покупателем.

— Вот и птицы, и рыбы, и даже медведь! — приговаривала она, подавая хрупких животных.

— Медведь? — оживился рийнадрёкец. — Беру! Медведь исстари наш оберег.

Он высыпал на прилавок пригоршню монет и завернул стеклянного медведя в платок.

Иль чуть не плясала от радости. День только занялся, а уже покупка!

— Спасибо! — сказала она.

— Мы еще зайдем, — пообещал рийнадрёкец, — домой гостинцев купить.

И он, улыбнувшись внезапно покрасневшей Иль, вышел из лавки.

— Да как у такой не купить? — услышала она его голос с улицы. — Да я за одну улыбку бы все деньги выложил.

“Видел бы меня Иркуль! — пронеслось у нее в голове, — его бы удар хватил”. Но Иль совершенно не стыдилась того, что она, кера Нордара, стоит за прилавком темной лавки и торгует стеклом.

К концу дня Иль сообщила Забену, что ей удалось распродать даже грубые поделки Коромысла.

Уульме, услышав ее слова, скрипнул зубами. Не окажись он в шкуре зверя, он бы явил такие чудеса, какие и не снились неискушенным покупателям.

И на следующий день он решил задать Забену давно мучавший его вопрос.

— Обрато в человека? — переспросил старик, как обычно откинувшись на подушках и шумно хлебая чай. — Ну ты и скажешь, Мелестардов!

Уульме огрызнулся. За спрос, как он знал, голову не рубят.

— Можно, — вдруг ответил Забен. — Только вот в кого? Тело твое, то, которое осталось в Даиркарде, давно в прах обратилось. А другое может и совсем не тем быть, которое ты ждешь.

Он отхлебнул еще и продолжил:

— Я уже говорил тебе, что повезло еще волком оборотиться. Зверь сильный, опасный, себя защитить может да на врагов страху нагнать. А вот если б в блоху? Обрато тоже можно, но в кого? В калеку, в хромого, слепого, немощного старика или бессловесного младенца. Тут подгадать никак нельзя.

Уульме сдвинул уши, стараясь ничего не пропустить, чтобы потом не переспрашивать и не гневить лишний раз Забена.

— Сталливан, брат мой пройдошливый, тебя заговорил. Коли тебе еще раз придется умереть, то очнешься ты уже человеком, но каким и где — никому знать не дано. Может, и за тысячи шагов отсюда, а, может, и в соседнем дворе.

“Слишком уж опасно.” — подумалось Уульме.

Сейчас ему меньше всего на свете хотелось умирать снова.

— Потерплю и так, — ответил он.

— Вот и славно, — похвалил Забен.

И Уульме ушел на конюшню, где обычно спал, развалился на мягком сене, вытянул ноги и крепко задумался: жить он начал только сейчас, а ведь мог бы стать счастливым куда как раньше.

А молодой рийнадрёкец, купивший медведя, стал нарочно захаживать к Забену, лишь бы лишний раз увидеть милую лавочницу.

— Я из Гарды, Лемом звать, — как бы невзначай рассказывал он Иль, нарочно подолгу выбирая очередную стеклянную фигурку. — В городской страже служу. В Опелейх прибыл по поручению моего господаря — жду, когда кузнецы откуют мечи. Раньше я тут часто бывал, а теперь редко, но язык я ваш еще не позабыл...

Иль поначалу не знала, как ей говорить с дружелюбным покупателем. Стоило ему войти в лавку, как ее начинало бросать то в жар, то в холод, щеки наливались румянцем, а руки предательски тряслись. Обычно бойкая, Иль в его присутствии не могла вымолвить ни слова, а только улыбалась в ответ. Но Лему и этого было довольно: он радовался, что прекрасная Иль терпеливо слушает его болтовню и не гонит прочь из лавки.

— В Рийнадрёке нынче беспокойно, — продолжал он, мысленно ругая себя за то, что не может придумать более занятой темы для беседы. — Наши же рийнадрёкцы уже который год нападают на Северный Оннар, а мы на них все никак управы найти не можем. Они, вроде как, сами по себе. Закон им наш не указ, господаря нашего не слушаются. Заняли приграничье, там и разбоем промышляют... Сейчас в Гарде первые люди государства совет держат — как прогнать их навек, бойцов со всех сторон собирают...

Новые покупатели заставляли Лема умолкнуть, а Иль вернуться к делам. Она спорс отпускала товар, отсчитывала монеты и то и дело звала одного из подмастерьев, чтобы погрузить тяжелые бутылки в повозку.

— Кузнецы свое дело знают, — возобновлял прерванные откровения Лем. — Куют на совесть. Но и времениковка занимает пропасть. Отец мой дожидаться меня назад с оружием не может. Говорит, что вот-вот беда придет, а нам с голыми руками биться придется...

— Боги помогут, — только и отвечала Иль, и Лем, распахав по карманам купленные безделки, покидал “Цветное стекло и изделия”, кляня себя на чем свет стоит, что и сегодня он не решился подарить полюбившейся ему лавочнице шелковый цветастый платок.

И каждый раз после его ухода Иль была в замешательстве: впервые она смотрела на кого-то, как женщина смотрит на мужчину, и это новое чувство было ей приятно, но и мысль о том, что тем самым предает она Уульме, не давала ей покоя.

Она решила поделиться своими страхами с бессловесным Серым, которого все еще предпочитала считать собакой, а не волком, пусть и ручным. Найдя зверя, как и обычно, в конюшне, Иль присела рядом и потрепала густую жесткую шерсть.

— Отработал свое? — спросила она, когда волк лизнул ее ладонь.

Уульме кивнул.

— Какой умный! — в очередной раз восхитилась Иль. — Как человек понимает, лишь не говорит.

И, решив проверить свою догадку, спросила его по-нордарски:

— А сейчас ты меня понимаешь?

Уульме снова кивнул.

Иль чуть не подпрыгнула на месте от неожиданности.

— Может, ты и в Нордаре был?

Умей Уульме смеяться, он бы прыснул от такого вопроса.

— Был, — кивнул он.

— А в Радаринках?

— Тут не был, — замотал большой головой Уульме.

Иль с восторгом глядела на такого умного зверя.

— Если ты был в Даиркарде, то должен был слышать о мастере Уульме. Это мой муж, — пояснила она. — Точнее, Беркаим говорила, что он мой муж, а сам Уульме говорил другое. Но перед лицом нордарцев я была его женой. А сейчас я вдова, хотя никогда не он не касался меня, как мужчина касается женщины. То есть я и женой не была, да и вдовой, вроде, назвать меня нельзя.

Уульме сначала не понял, к чему клонит Иль. А та, помолчав, продолжила, обращаясь уже не к Уульме, а к собственной совести:

— Он мне сказал, что я его гостя. То есть и не жена совсем. Да и дело было в Нордаре, где нравы дикие и дурные, а сейчас мы в Южном Оннаре, где совсем все иначе. И если я не была женой, то и вдовой я быть не могу, а это значит, что, реши я выйти замуж второй раз, то никак не обижу его память...

Совсем не таких выводов ожидал Уульме! Он, конечно, не думал, что Иль любит его, да и он сам, признаться, любил ее как дитя, забавное, чистое и доброе, но вот мысль о том, что она будет с кем-то еще, больно его уколола.

— Уульме был хорошим человеком и, проживи он еще чуть-чуть, я бы смогла его полюбить, как жена. Но он умер, а я осталась. А если бы я умерла вперед него, остался бы он вдовцом до конца своих дней или женился бы снова?

Уульме аж фыркнул от таких предположений.

— Наверное, бы женился, — решила Иль. — В Нордаре только женщина должна была до самой смерти чтить память умершего мужа, а вот мужчина мог жениться хоть на другой день после похорон.

Она еще немного подумала:

— Но ведь Уульме не нордарец. А если бы не женился? Тогда я, выйдя замуж, предам его!

Такие мысли окончательно расстроили Иль, и она, потрепав напоследок по голове ошеломленного Уульме, ушла в дом, про себя решив, что подумает о таких вещах потом, когда ей не будет так тяжело.

А дела, тем временем, в лавке шли лучше некуда. Недотепы Оглобля с Коромыслом трудились, не покладая рук. Живости им придавали и острые зубы Уульме, и обещание Забена подарить каждому золотой за работу.

— Отдохнем! — мечтательно говорил Оглобля, падая на вытопанную землю у мастерской.

— К девкам ходим, — добавил Коромысло.

Забен, который прогуливался по двору с Иль, услышал их слова и предостерегающе воздел палец к небу:

— Ходили уже тут до вас! И где они?

Коромысло засопел. И чего Забен вечно берется их поучать?

— Молчи, дурак, — словно прочитав его мысли, махнул рукой Забен. — Аль я не прав?

— Прав, — вынужденно согласился Коромысло.

Историю, о которой напомнил братьям Забен, знали все.

\*\*\*

Уульме стоял во дворе дома Забена, голый по пояс, и морщился от яркого солнца. Почти все время он проводил в мастерской вместе со старым Дараматом, постигая премудрости нового для него дела. Обходиться с расплавленным стеклом было сложнее, чем он думал, и он то и дело обжигался. Изредка учитель отпускал его на волю и отдыхал сам, скорчившись на топчане в углу беседки. Уульме с ним быстро подружился, а вот с остальными подмастерьями дружбы у него не как-то не выходило.

Забена Уульме видел всего два раза — в первый вечер тот зашел в мастерскую, чтобы проверить, как устроился новый работник, а второй — три дня назад, когда он призвал к себе юношу и вручил ему первую плату.

— Дарамат хвалит тебя, Уульме, — без всякого удовольствия сообщил Забен. — Говорит, что работаешь ты хорошо.

Уульме не знал, как нужно себя вести в таких случаях, поэтому просто молча стоял и смотрел на Забена.

— Бери деньги и иди, — добавил старик, раздраженный такой непочтительностью.

Сначала юноша хотел отказаться, но потом что-то странное и непривычное шевельнулось в его сердце — его первые деньги, заработанные честным трудом. В Угомлике ему не было нужды работать, поэтому он и предположить не мог, что чувствуют те, кому каждый день приходится гнуть спину заради этих нескольких монет. Он взял деньги и, с кривым поклоном, вышел вон.

Во дворе его окружили подмастерья.

— Что, северянин, первое золотишко? — смеясь, спросили они.

Уульме кивнул.

— Решил, как будешь тратить?

— Нет, — сухо бросил юноша. По правде сказать, он не знал, что будет делать с этими деньгами. Он вспомнил об отцовом кинжале, который отобрали еще в Дорате и на миг забылся. Кинжал он хотел вернуть больше всего на свете, как напоминание о прежней счастливой жизни. Но даже если он будет работать целый год, то все равно не накопит на него. Да и у кого он его выкупит? Поди, новый хозяин и не сознается и точно такую красоту продавать не станет.

— Так на что ты потратишь первые деньги? — напомнил ему подмастерье, толкнув в плечо.

Уульме поднял голову.

— Не знаю. Ни на что.

Подмастерье присвистнул.

— Так не пойдет, северянин. Зачем тебе деньги, если ты не будешь их тратить? Отдай их тогда уж мне, а я-то их не обижу — вмиг спущу. Или пошли со мной в город, и я покажу тебе места, где твоим деньгам будут рады.

— Это какие же? — спросил Уульме.

— В западной части города есть дома, где живут такие красотки, каких ты не видел еще в своей жизни. Они тебя приласкают так, что ты еще луну будешь работать за троих. И за свою ласку берут хоть и немало, но нам по силам.

Уульме стало любопытно.

— Пошли, — кивнул он.

Выпросив у Дарамата полдня отдыха, юноши покинули двор Забена и зашагали вниз по улице — туда, где располагались лавки менял, игорные дома и самые дешевые трактиры.

— Ты когда-нибудь был с такими? — спросил Уульме у подмастерья.

— Я-то? — изумился тот. — Да тысячу раз!

И, увидев на лице Уульме неприятие, добавил:

— Невесты у меня нету. Да и кто за меня пойдет? Я ведь нищ, что последняя голытьба. Отец мой был сильно должен одному ростовщику, а платить ему было нечем. Вот он и согласился меня отдать в услужение за долги. Мне повезло, что я попал сюда, к Забену, а то пришлось бы мне худо. Только пока я не расплачусь за отца — дороги мне никуда нет. А расплачусь я нескоро — я тут третий год и даже десятой доли еще не отдал. Когда стану свободным человеком, то будет уже поздно о жене да семье думать. А пока — чего б и не вкусить всех радостей, что могу я купить?

Уульме вытаращил глаза — как такое возможно, чтобы отец послал сына платить его долги? В Северном Оннаре, среди достойных людей было это делом невиданным и неслыханным.

— Мы пришли, — гаркнул подмастерье, останавливаясь у большого деревянного дома, увитого плющом.

Уульме оглядел дом. Обычный постоялый двор, каких много. Разве что вывеска отличалась от других — на ней была изображена принцесса в красивых одеждах, сидящая на белоснежной лошади.

— Заходишь али передумал?

— Захожу.

Вместе они вошли. Спутника Уульме все уже знали — хозяин, сидевший за столом с посетителями, приветственно поднял руку. Две служанки улыбнулись и присели в поклоне, а здоровенный детина в углу, бывший за охранника, лениво подмигнул.

— Поднимайтесь наверх, — ухмыльнулся хозяин. — Все красавицы там, ждут-поджидают гостей.

Подмастерье похлопал Уульме по плечу и с хитрой улыбкой стал подниматься по лестнице. Уульме последовал за ним.

— Тебе туда. А я тут останусь.

Уульме не стал спорить и постучал в дверь, на которую ему указали.

— Входи, — раздался за дверью сладкий и игривый голос и юноша толкнул дверь.

На кровати сидела девушка в синем шелковом платье, темноглазая и темноволосая, с белыми зубами и пухлыми красными щеками. Увидев посетителя, она встала и, оправив на себе юбки, подошла к Уульме.

— Я тебя раньше не видела.

Говорила она на чистом оннарском, что выдавало в ней такую же северянку, как и Уульме.

— Я здесь первый раз, — ответил юноша.

— Красивый, — одобрила девушка, накручивая прядь его волос на палец. — Статный, высокий, молодой. Ко мне редко такие приходят. Зачем ты здесь?

На это Уульме не знал, что ответить. Вместо слов, он вытащил из кармана и протянул оннарской красавице деньги.

— Это все мне? — спросила она.

— А разве здесь больше? — искренне подивился Уульме.

Девушка залилась смехом — деланно веселым, неискренним.

— Больше.

— Оставь себе, — буркнул Уульме. Он и представить не мог, как стал бы торговаться здесь за гроши или, еще хуже, потребовал их обратно. Внезапно ему стало дурно. Как он мог позволить затащить себя в такое место? Как мог по своей воле пойти сюда?

— Я не нравлюсь тебе? — спросила хозяйка, увидев смятение на лице гостя.

— Нравишься. Как твое имя?

— Лусма, — ответила та, улыбнувшись.

— Как ты сказала?

— Лусма. Так назвал меня отец в честь брата, что погиб в лесу.

— Откуда ты?

— Из Северного Оннара, из Низинного Края, из Герибара.

— Как ты здесь оказалась?

Лусма присела на кровать и потянула Уульме к себе.

— Ты пришел говорить или делать?

— Как ты оказалась здесь? — требовательно спросил Уульме. Теперь, приглядевшись получше, он увидел, что Лусма была гораздо старше его. Ей могло быть и двадцать лет, и двадцать пять.

— Отец умер, — просто ответила девушка. — А за ним и мать в могилу сошла. Меня с младшими тетка в Стрелавицу забрала, она там прачкой работала... Мне тогда пятнадцать исполнилось, уже невестой была... Да только женой не стала. Доверилась я одному южанину, ох, и сладко же он пел, а только когда в Опелейх приехали, стала ему не нужна. Назад возвращаться стыдно было — как же, такой павой от своих уезжала! Решила остаться. Тетка думает, что я тут большой госпожой живу, ни в чем нужды не ведаю — деньги-то я ей исправно высылаю. Только вот в гости их не зову, да и сама к ним не езжу...

Лусма закончила свой рассказ, и в ее глазах Уульме увидел слезы.

— Я хочу, чтобы ты ушла отсюда! — вскричал Уульме. — Я буду приносить тебе все деньги, которые заработаю в мастерской! Я приказываю тебе вернуться домой!

— Ты добрый господин, — усмехнулась она и погладила его по волосам. — Но еще слишком молодой.

Уульме больше не смог этого выносить — оттолкнув Лусму от себя, он выбежал вон из комнаты, в три прыжка спустился с лестницы и выскочил во двор, даже не кивнув хозяину на прощание. Прибежав в мастерскую, он умылся, упал на свою перину и как-то болезненно быстро уснул.

А наутро его разбудил Забен, грубо сдернув с него одеяло.

— Где ты был?

Уульме с трудом продрал глаза.

— Мы ходили гулять в город, — сказал он, садясь на постели.

— Куда? Твой друг не вернулся утром!

Юноша хотел было сказать, что он не знает, почему так произошло, но тут еще один подмастерье позвал Забена:

— К вам там пришли, — заикаясь, сказал он. — Просят хозяина.

Забен, кряхтя и ругаясь, поплелся обратно в дом, а Уульме быстро оделся и вместе со всеми вышел во двор. Ждать, однако, пришлось долго — Забен вернулся только к обеду, в руках неся дешевые бусы, которые принадлежали пропавшему подмастерью.

— Что у вас произошло? — спросил он Уульме еще раз, но так, что тот против воли отступил на шаг. — Говори же!

— Я был в трактире «Ясноокая дева», — признался Уульме, все еще не понимая, что случилось. — Но ушел раньше. Я вернулся под вечер, а он остался там на ночь.

Забен вздохнул:

— Ваш друг сегодня ночью был зарезан. Как и девка, у которой он был. Как и все те, кто гостил под той крышей.

— Лусма! — ахнул Уульме.

— Все, — подтвердил Забен. — Спасти удалось лишь одной служанке.

Уульме и подмастерья перестали дышать от потрясения. Даже Дарамат, казалось, охнул от такой беды.

— Тебя спасли боги, Уульме, — вдруг сказал Забен и, положив бусы себе в карман, пошел прочь.

\*\*\*\*

Иль до смерти было жалко ту несчастную девушку, чья жизнь так грубо оборвалась. Но еще больше ее потрясло то, что Уульме не тронул Лусму, хотя и мог.

— Он и меня не тронул, — прошептала она, по привычке гладя густую волчью шерсть.

Иль вспомнила слова Беркаим о мужьях, берущих жен силой, и только сейчас поняла, что хотела ей сказать старая служанка. Ни один нордарец не стал бы жить с девкой, не получая ничего взамен. Только Уульме.

— Но он не нордарец, — напомнила она сама себе.



## Глава 9. Шад-река

Еще в самый первый день в отряде Вида заметил, что Умудь был не простым воином. Даже самые лютые и злобные оградители его слушались и побаивались.

— Я-то повидал всяко больше их, — отшутился Умудь, когда Вида заговорил с ним об этом. — На Койсойских торгах.

Вида понятливо кивнул. Он никогда не бывал в Койсое, но знал, что хуже места, чем то, где торгуют людьми, еще не придумали.

— Я и сам не помню, как там оказался, — продолжил Умудь. — Вроде жил я и раньше не сказать, чтобы по чести да по совести, но и помыслить не мог о таком. Я о Койсое был наслышан, но вот увидеть как-то никогда не желал. Но, видать, боги меня привели туда. Я встретил там Ракадара. Если бы не он, то никого из нас уже не было бы в живых. Ценность его столь велика, что не хватит никаких золотых да серебряных монет, чтобы расплатиться за его услуги. Знал бы его бывший хозяин, как продешевил, так давно бы наложил на себя руки от расстройства.

— Каким же он был? — спросил Вида.

— Хозяин-то? Хуже его был только еще один торговец — Крокотун. Мир не видал человека более злого, жестокого и алчного. Он морил несчастных голодом, насмерть запарывал плетьюми да назначал за них такие цены, что никто не хотел их покупать.

Виду передернуло.

— Ракадар-то был крепкий да выносливый. Он словно отлит из стали, но и ему бы скоро пришел конец, коли б Хараслат его не выкупил.

— Но почему же никто не воспротивится этому? — пылко спросил Вида. — Почему Койсой до сих пор стоит нетронутый? Разве сотни тысяч рабов, живущих там, не мечтают о свободе?

— Мечтают, — сказал Умудь. — Да только мечты их обращаются в прах, стоит им вдохнуть тот смрад, что пропитывает все вокруг. Никому еще не удалось бежать из Койсоя. Страшный это город, страшный и проклятый.

Вида не стал больше задавать вопросов, но еще долго мысли об ужасах Койсоя не оставляли его.

А на следующий день, когда Вида сидел вместе с Хараслатом в его шатре, разбирая письма и бумаги, он вспомнил еще кое о чем:

— Кажись, что хард мой уже и забыл, что я их хардмар. Да и я сам, признаться, знать не знаю, как с ними обращаться.

Хараслат сощурил глаза:

— Тут народ разный собрался. Кто попроще, а кто и нет. И жили они по-разному. Кто получше, а кому совсем не повезло. Например, Ракадару.

Вида покраснел.

— Это я знаю, — ответил он.

— Я никого не гоню, — сообщил ему Хараслат, доставая мешочек с курительными травами. — Раз пришел, то так тому и быть. Захочет остаться — я найду для него и меч, и место в шатре. А передумает — пусть и идет.

— Валён меня не шибко-то любит, — перевел тему Вида. Ему не хотелось обсуждать Ракадара и его прежнюю жизнь.

— Валён мало кого любит. Тяжело он жил прежде.

— Но мы в одном отряде! — горячо возразил Вида. Он вспомнил большую светлую и кудрявую голову Валёна, его богатырский рост, широченные плечи и плащ с опушкой из лисицы.

— Запомни одно, хардмар, — сказал Хараслат, глядя на его шрамы, — тут хорошие воины стоят дороже золота. И это понимает каждый, кто здесь живет. Любовь тебе не нужна, нужно уважение. Если ты докажешь этим людям, что ты воин — настоящий сильный воин, а не плаксивая девка в штанах, то они будут тебя уважать. А уж любить али нет — им решать. Кто-то полюбит тебя как брата, а кто и нет. Но не об этом ты должен думать.

— Я понял, — коротко кивнул Вида. — Я и не боюсь чужой ненависти, лишь не хочу множить своих врагов.

— Это хорошо, — одобрил его Хараслат. — Мне такие и нужны. Дурных да горячих здесь тьма, а вот тех, кто чуть что не лезет в драку, в отряде не хватает.

Вида зарделся. Похвала от такого воина как Хараслат, дорого стоила.

— Пошли! — вдруг позвал его Хараслат и вышел из шатра.

Вида последовал за ним.

Хараслат окинул взглядом шатры, копошащихся оградителей и сказал, оборачиваясь к Вида:

— Это твои люди, хардмар! Твои братья. Помни об этом. Ибо именно они спасут тебя от смерти в тот миг, когда даже боги отвернутся от тебя.

Он похлопал Вида по плечу и вернулся к себе. А Вида, повинувшись возникшему порыву, громко позвал:

— Оградители!

Лишь несколько человек обернулись на его зов. Вида выкрикнул на одном дыхании:

— Среди вас есть те, кто взял в руки меч лишь недавно, и чьего умения не хватит в бою! Я могу обучить вас управляться с мечом! Любой, кто желает изучить ольвежский бой, пусть станет моим учеником!

Среди оградителей раздались презрительные смешки и даже те, кто в начале внимательно слушали его речь, отворотились и недоуменно пожали плечами. Все уже давно позабыли, что это приказ Виды не напиваться и подготовить коней в ту ночь, когда двести воинов бились с рийнадрекцами, их спас. Новый хардмар как был, так и остался здесь чужим.

Вида еще постоял, ожидая ответа, но потом понял, что оградители посчитали его глупым чудачком, которого не нужно слушаться. Он отошел к своему шатру и сел на топчан. Ох, и задал же ему Хараслат задачку! Как приручить этих нелюдимых и жестоких людей? Как заставить их не просто подчиняться, а уважать?

Рядом раздались шаги, и Вида поднял глаза — перед ним стоял Ракадар.

— Я слышал, что ты набираешь оградителей, чтобы обучить их ратному делу? — заикаясь, спросил Ракадар. Он ругал себя за то, что обратился к этому господинчику и еще больше за то, что боялся отказа.

— Набираю, — ответил Вида, вставая.

Ракадар было хотел еще что-то спросить, но Вида не дал ему договорить:

— Завтра поутру. Я разбуду, коли не встанешь — спим-то мы в соседних шатрах.

И Ракадар, едва кивнув, отошел от своего хардмара.

Лишь ночное небо посветлело, как Вида вместе с Ракадаром вышли из шатра. Койсоец

суетливо поправлял на себе ножны и старался не смотреть на своего учителя. А Вида все еще не мог решить, как ему относиться к своему ученику — презрение к рабам было в нем столь сильным, что его нельзя было выкорчевать за один раз, но разум говорил, что в отряде они равны и негоже ему кичиться и задирать перед Ракадаром нос. Он теперь не Вида Мелесгардов — второй сын и первый обходчий в лесу, он такой же безымянный, бессемейный, нищий и замаравший себя позором, как и все остальные оградители.

Ракадар настороженно сопел и искоса глядел на Вида.

— Пришли, — сказал Вида, когда шатры остались позади. — Коли готов, так и начнем.

Койсоец звякнул мечом и направил его острием в самое сердце хардмара.

— Неправильно, — одернул его тот. — Если будешь его так держать, то тебя проткнут насквозь быстрее, чем ты успеешь моргнуть.

И он показал Ракадару, как встать и как обхватить рукоять меча.

— Хараслат учил нас иначе, — сказал Ракадар.

— Хараслат, может, и учил, — ответил Вида, вскипая от мысли, что бывший раб решил с ним спорить о том, о чем ничего не знал. — А только теперь учу тебя я!

И урок продолжился. Только к завтраку Вида отпустил Ракадара, и сам поплелся за своим учеником, про себя вопрошая богов, как ему вынести все эти наказания. Почему никто не пожелал учиться у него, кроме койсойца, который оказался еще и на редкость упертым? Почему его назначили хардмаром этих людей, не признававших над собой никакой силы и разума?

Днем они больше не виделись, а к вечеру еще несколько оградителей, прослышав про занятия, тоже решили обучаться диковинному ольвежскому бою. Они понравились Виде куда как больше несговорчивого раба, и поэтому на следующее утро он позабыл о Ракадаре.

Вида учил прилежно и с великим желанием, показывая такие мудреные удары, что оградители воочию убедились в том, что новый холеный господин, взявшийся в отряде невесть откуда, вовсе не неумелый зазнавшийся увалень, не знакомый с тяготами боя и походной жизни. То, как обращался Вида с мечом, как выпускал его на свободу, словно дикого зверя, окончательно убедило оградителей, что перед ними — настоящий воин.

— Послушай, Вида, — сказал ему как-то один из его новых учеников, Денови, — о тебе тут спрашивали из харда Валёна. Говорят, что и они не прочь пойти к тебе. Возьмешь?

Вида задумался. Ему льстило то, что оградители рассказывали друг другу об уроках и, вестимо, хвастались своим учителем. Но, с другой стороны, он понимал, что согласившись взять хардмаринов Валёна, он очень обидит их хардмара, а ссориться с ним он совсем не хотел.

— Пусть приходят, — кивнул он. — Да пока зрителями. Если Валён не будет против, то я начну учить и их.

— Но ведь они не в твоём харде! — подал голос Ракадар, который был возмущен тем, что Вида собрался учить и других.

Вида резко обернулся к нему:

— У нас тут один отряд, а не воюющие промеж собой войска. Для меня нет воинов своих и чужих!

И он продолжил занятие, не глядя в сторону Ракадара.

С каждым новым днем учеников у него становилось все больше, приходили из харда Валёна и даже самого Хараслата и изо всех сил старались обучиться тому, чем так мастерски владел Вида. И хотя многие до сих пор не признавали его, подсмеивались и презрительно

смотрели, когда он проходил мимо, Вида начал обретать друзей и верных хардмаринов.

Ширалам и Фистар долго не хотели предавать Хараслата, который обучил их всем воинским премудростям, но вскоре сдались и они. Их распирало от любопытства, а когда они увидели то, как другие умело и ловко уворачиваются от ударов палок, служивших учебными мечами, им тоже захотелось сей же миг попробовать свои силы.

Вида радовался и гордился тем, как быстро его хардмарины осваивают то, на что у многих уходят месяцы учения. Да только быстрее всех схватывал не Денови, старательно размахивающий мечом, не Ельма со своим братом Ельвой, не Ширалам с Фистаром, а ненавистный койсоец. И Вида не мог не восхититься Ракадаром, даже против своей воли. Бывший раб превосходил остальных в силе, ловкости и выносливости. Вида однажды даже позавидовал его прыти, когда койсоец легко увернулся от ударов сразу троих оградителей, двигаясь так быстро, что никто не мог нащупать в нем слабое место.

И Вида начал понимать, что презрение к Ракадару вытекает из него, как вино вытекает из дырявой бочки. С детства Вида помнил, что боги делают воинами не всех, а только тех, кто благороден и чист сердцем. И раз койсойский раб был настолько хорош в ратном деле, то, быть может, сердце его ничуть не хуже Видиново, хоть он и вырос не в роскошном дворце, а в вонючем прогнившем Койсое. Но Ракадару он об этом не говорил, боясь привязаться к койсойцу еще сильнее.

Однажды, когда урок был в самом разгаре, Ракадар, забывшись, больно ударил своего противника палкой под колено, что тот, взвывая от боли, повалился на землю.

— Что ты делаешь? — заорал на него Вида, мигом подскочив к лежавшему на земле Асде — хардмарину Валёна.

— Я случайно, — начал оправдываться Ракадар, отступая на шаг назад.

— Ты дурной и опасный! — не унимался Вида. — Это урок, а не настоящий бой! Убирайся с поля и жди, пока я тебя позову! А ты, Асда, вставай и передохни, — обратился он к лежащему на земле хардмарину.

Асда прохромал к зевакам, которых пока не брал к себе Вида, но которые исправно приходили посмотреть на его уроки.

Вида повернулся к остальным, желая продолжить урок, но заметил, как Ракадар, бросив свою палку на землю и сгорбив плечи, спешно удаляется от остальных. Вида понял, что обидел своего собственного хардмарина, заступившись за чужого, и на миг возненавидел сам себя.

— Обождите здесь, — коротко сказал он и поспешил за койсойцем.

— Ракадар! — закричал Вида, догоняя оградителя. — Ракадар!

Тот обернулся. Ему хотелось провалиться сквозь землю, но не исполнить приказа хардмара он не решился.

Вида подбежал к нему:

— Я был неправ.

— Я же дурной и опасный! — зло осклабившись, ответил Ракадар. — Дикий зверь, всю жизнь просидевший в койсойской клетке! Как я еще смею стоять рядом с таким господинчиком как ты? Как смею дышать с тобой одним воздухом?

Он разом решил припомнить Виде все старые обиды.

— Я был глупцом, Ракадар, — перебил его Вида. — Я кроме Низинного Края ничего и не видел.

Вида перевел дух и продолжил:

— Но здесь не Низинный Край, Ракадар. Здесь не мой дом, но правда — она везде одна.

— И какая же твоя правда?

— Что везде есть и хорошие, и плохие, и слабые, и сильные, и низкие, и благородные.

Только где-то они едят из золотых блюд да спят на шелковых простынях, а где-то — одеты в лохмотья да делят один кусок на всех.

Он закрыл глаза и ясно увидел своего брата Уульме, который, как и он, ушел из родного дома:

— Богатство и бедность — лишь личина, а вот истина, она всегда внутри. Я понял это. Раньше я думал, что благородство дается богами и ими же забирается обратно, а сейчас я вижу, что даже бывший раб может быть благороднее высокородного хардмара.

Ракадар отвернулся. Никогда и ни от кого он не слышал таких речей. Жизнь его была наполнена одними страданиями. Сначала голод, такой, который терзает даже во сне и который не заглушить даже смертью. Потом рабство и вереница все новых людей, которые покупали и продавали его, словно вещь или скот, не думая о том, что и у него было сердце и гордость. Он вспомнил зловоние и шум Койсоя, всех людей, кто приходил туда по своей воле и всех рабов, которых пригоняли для торгов. Вспомнил тысячи и тысячи гнусных лиц вырожденцев и преступников, жестоких и низких, вспомнил побои и новый страшный голод.

Только Умудь был добр к нему. Он увидел его на торгах, где и сам был надзирателем, и пообещал ему свободу. А через несколько дней привел к нему Хараслата, который, не торгуясь, выкупил его у Цернета. А когда его привели в оградительный отряд, то ведь только Умудь стал ему другом, ежели не считать самого Хараслата. А теперь вот Вида — его новый хардмар — стоит перед ним и говорит с ним так, будто был он ему братом.

— Прости меня, Ракадар, — сказал Вида, и голос его дрогнул. — Твое сердце оказалось благороднее моего.

— Я не держу зла на тебя, Вида из Низинного Края. Мне нечем гордиться, ибо кроме жизни в Койсое — дрянной и несвободной, я ничего и не знал. Но я всеми силами стараюсь смыть с себя всю грязь.

Оба воина обнялись, словно братья, и Вида теперь уже точно знал, что не зря он попал сюда, что его вели сами боги, ибо в мире не было места, где был бы он столь же счастлив. Образы матери и отца, светлый лик Ойки и его братьев исчезли, словно в дыму.

— Возвращайся к остальным, — попросил Вида.

— Но я все равно не дам Асде меня побить, — усмехнулся Ракадар и пошел обратно.

А Вида, глядя как оградители, пыжась и обливаясь потом, заучивают мудреные движения, вдохнул полной грудью — это были его люди, его хард, его друзья и его братья навек. Потеряв одно, он нашел другое, не менее ценное.

С того самого дня Вида и Ракадар, знатный господин и бывший раб, оннарец и койсоец стали лучшими друзьями.

\*\*\*

Карамер частенько задавался вопросом, куда же они шли. Ях называл то одно место, то другое, то и вовсе поворачивал назад.

— Есть у меня одно дельце, — всякий раз говорил он, когда им нужно было сойти с намеченного пути.

Они останавливались в трактирах, где старик выменивал склянки с зельями на ночь постоя и миску похлебки, ночевали у дороги, накрывшись плащами, иногда заходили в дома, где Яха встречали, как дорогого и почетного гостя, угощая его лучшими кушаниями и

укладывая на мягкие перины.

За многие дни дороги Карамер не просто привязался к Яху, он полюбил его, как родного деда, хоть до сих пор и побаивался. Ему все казалось, что под личиной дряхлого старика скрывается бесстрашный воин, но зачем Яху было прикидываться немощным и слабым, он не знал.

Кадон и Васпир тоже успели привыкнуть к мальчику. Карамер с удивлением обнаружил, что тощий пугливый Васпир знал бесчисленное количество сказок и песен, а боров Кадон, хоть и не отличался умом и хорошей памятью, был храбр и смел.

— Расскажи мне историю, — как-то попросил Васи́ра Карамер, когда они уже глубокой ночью сели у дороги и развели костер.

Мутные глаза висельника оживились. Рассказывать он любил, только вот слушателей обычно не находилось.

— Которую? — спросил он, в уме прикидывая, с какой ему начать.

— Какую хочешь, — ответил за мальчика Ях. — Не тяни уж.

Васпир поудобнее устроился у костра, прокашлялся и торжественно начал:

— Расскажу я про Копельвер, чудное явление, свидетелем которому можно стать лишь раз в жизни! Копельвером исстари называлась малая луна, которая на миг могла заслонить собой большое солнце. Но этого мига хватало, чтобы поменять местами небо и землю, горы и реки, жизни и смерти. Малая сила сокрушала большую.

Карамер слушал, затаив дыхание. Голос Васи́ра уже не дрожал, как обычно, а сам бродяга выпрямился на своем месте:

— Но еще копельверами называли тех, кто мог спорить с богами, защищая собой, заслоняя от бед. Кто мог вымаливать жизни и вырывать из тисков смерти. Кто оказывался там и тогда, когда всякая надежда гибла...

Васпир обвел всех взглядом:

— Боги не любят людей непослушных и дерзких, но даже они признали власть копельверов, наделив их силой видеть прошлое и будущее. Не выпросить у копельвера милости человеку черному, не отмолить грехи за свои злодеяния, не скрыть преступлений и не обелить совесть. Все, все видят копельверы. Все слышат. Все чуют. И карают они мечом праведным тех, кто живет не по чести, а тех, кто душой еще не успел измараться, спасают от бездны...

Карамер будто проваливался в сон. Ему казалось, что это не Васпир рассказывает ему старую сказку, а сама земля шепчет свою правду. Краем глаза он заметил Яха — старик сидел, внимательно слушая Васи́ра, не перебивая, не ругая почему зря. Даже тупой боров Кадон и тот присмирел и, с блаженной улыбкой на лице, внимал рассказчику.

— Но много опасностей подстерегает копельверов на их пути. Главный бог, великий господин, испытывает их, соблазняя дарами и подношениями. Золотые горы сулит он тому, кто забудет свой путь, кто оставит богам самим казнить и миловать, что не будет вмешиваться в дела людей. Прекраснейшие девы хороводом идут вокруг копельвера, улыбаясь ему и сбрасывая одежды. Предлагает ему великий господин место по правую руку от себя, чтобы править людьми...

Костер давно догорел. Лишь кое-где еще тлели угольки, давая слабый свет. А путники даже и не думали прерывать Васи́ра, который уже проповедовал, воздев глаза к небу:

— И сказал тогда великий господин, сказал, обратив свой взор к непокорному копельверу: “Бери всю землю, всю воду и все небо, как есть, стань моим наместником во

всех государствах и над всеми народами, и получишь ты жизнь бессмертную и силу, способную сокрушить земную твердь!”

И ответил ему копельвер бесстрашный: “Не нужна мне сила карать да наказывать, не хочу я ломать и крушить! Не соблазнюсь я властью кроме той, что уже у меня есть. Не дам я тебе забирать жизни у хороших и оставлять ее плохим. Покуда мир стоит, покуда солнце светит, копельверы-заступники всегда будут там, где сами звезды не светят, и с теми, кому в целом мире больше некому помочь!”

Последние слова Васпир уже прокричал, вскочив с места и потрясая кулаком, будто бы изображая непокорного копельвера.

— Сядь, дурак! — перебил его каркающий голос Яха. — Послушали твоих сказок и будя. Спать пора.

И он начал укладываться у костра.

— Ежели это правда, — протянул доверчивый Кадон, — то повезло, должно быть, тем, за кого вступится копельвер.

И он, зевнув, тотчас же захрапел.

А Карамеру не спалось еще долго: он все думал о том, что старик Ях очень был похож на бесстрашного копельвера, взявшегося отстоять их всех перед богами.

## Глава 10. Семь вёсен ночи

Хотя среди оградителей было не принято расспрашивать о прошлой жизни, но мало-помалу от Ракадара, который слышал любой шепот даже в сотне шагов от себя, Вида узнал о судьбе почти всех в отряде. А узнав, и не ведал, как ему быть дальше. То на него накатывала жалость и сострадание к тем, кто волей богов был вовсе не так удачлив, как он сам, то его начинало душить презрение и отвращение к людям, которые давно уж потеряли человеческое лицо.

— Хардмарами не рождаются, — как-то сказал ему Хараслат. — Или ты думал, что едва назвали тебя сотником, так ты сразу и выучился управлять своей сотней?

Вида знал, что многие оградители не верили ему и втихаря насмеялись над его молодостью и неопытностью. Дескать, чего он в жизни-то увидеть успел? О том, что именно Вида поспел на помощь Хараслату, все уже давно забыли — этим людям было мало одного поступка, чтобы подчиниться. А если и рассудить по правде, то каждый мог похвастаться тем, что кого-то спас. Не всем пришлось по вкусу и то, что Вида взялся обучать воинов — дескать, на учебной-то площадке всякий ребенок — умелый боец, а вот в битве-то...

Ненавидели, презирали и завидовали Вида еще и потому, что он был не их помола. Хоть никому Вида и не рассказывал о своей семье и о том богатстве, в котором привык жить, всякий, даже самый невнимательный воин понимал, что трудиться Вида пришлось немного, а плетей, батог и кандалов он не пробовал вовсе. Как тут не возненавидеть холеного и залюбленного господинчика, который и здесь, в отряде, сразу стал хардмаром?

Вот только шрамы, бугрившиеся у него на груди, заставляли многих примолкнуть и не говорить все то, что о нем думали, ему в лицо. Ведь вот какая штука — если Вида был сыном богатея, то где он мог так попасться зверю? А если такая же голытьба, как и они сами, то тогда откуда у него взялся дорогой меч, кинжал, усыпанный драгоценными камнями, и чистокровный жеребец? На вора или конокрада Вида походил меньше всего, и даже самый гадкий и завистливый оградитель это признавал.

Сам Вида подолгу засиживался у Хараслата, у Умудя или же бродил вокруг становища с Ракадаром. От них он наслушался о рийнадрёкцах, и невесть как оказавшихся на границе ксененежичах, и беглых южанах, и ином сброде. И все были с оружием, все в крепких сапогах и новых плащах. Все сытые, ладные, с лоснящимися лицами. Куда до них было вечно голодным и отчаявшимся оградителям, которые, обезумев, из последних сил сдерживали их натиск. Вспоминая свой первый бой, Вида больше всего дивился той страсти, с которой они бились. Никто не отступил, не бежал, не предал! Все они были из тех, кого Вида раньше и за людей-то не принимал — грязь на земле и только. Рабы, воры, насильники, убийцы, отступники и изменники, люди без чести и совести, бессемейные скитальцы. Но все они, как один, сражались с врагом, мертвой хваткой сжав меч.

— Эти люди появились на этот свет сами по себе, словно выросли из-под земли, — сказал Вида Умудь.

Вида опешил, когда узнал, что многие оградители не помнят о себе ровно ничего. Им было неизвестно, где их матери да отцы, да живы ли они, неизвестно откуда они родом, да кем были их предки. Они помнили лишь голод да звонкую песню плетей, тяжесть цепей и смерть. Одну только смерть, куда ни посмотри. Вида часто спрашивал у Ракадара, как пришлось ему жить, и каждый раз не хотел верить его словам. Он и не думал, что можно



жить так, как жили рабы в Койсое, и не умереть. Но Ракадар отвечал на это, лишь усмехаясь: — Мы-то люди не балованные. Мы много не просим, но нам-то много и не дают.

Сначала неохотно, а потом все с большим желанием он рассказывал о своей прежней жизни — о смрадном духе Койсоа, о рабах и их хозяевах, о тех, кто не гнушался покупать себе людей лишь для того, чтобы отдать их на смерть. Но больше всего нравилось ему вспоминать о том дне, когда его впервые увидел на торгах Умудь.

— Я-то с детства знал, что слух у меня дивный. Да только никто этот мой дар особо и не жаловал. Я ведь все слышу, что вокруг говорят. Меня не обманешь да не пошепчешься, коли я рядом. А Умудь сразу сказал, что нет мне цены!

Вида хотел было спросить, как же Умудь узнал о его даре, коли и сам видел его впервые, но передумал.

— Он подошел ко мне и спросил, не хочу ли я стать воином. Я, было дело, попервой-то и не поверил. Когда это рабы становились свободными воинами? А Умудь и сказал, что он-де знает одного хардмара, которому такие как я дороже золота будут. И что он расскажет ему обо мне, а тот придет и выкупит меня. Главное, сказал Умудь мне тогда, раньше срока-то не преставиться. Он потом и к хозяину моему подходил и просил, чтобы тот меня не вздумал продавать али плетьюми забивать. А через семь дней и вернулся за мной.

И Ракадар хвастливо добавил, решив, что Вида уж точно оценит такую весть:

— Одну меру серебра за меня положил!

Вида не знал, сколько стоили рабы и было это дорого али дешево, но по горящим глазам Ракадара понял, что тот гордился такой ценой.

— Умудь-то все про меня Хараслату рассказал. Тот сначала и не поверил, что я так слышу. Зашел за шатер и прошептал пару слов на незнакомом языке. А потом вышел и спросил меня, что я услышал. Оградители вокруг со смеху покатывались, ибо не слышали ни звука, а я все повторил. Хараслат Умудя похвалил, сказал тому, что истый алмаз он нашел. А меня чуть не с собой рядом посадил. Приказал мне еды давать столько, сколько съем, ибо был я тогда столь тощим, что еле на ногах держался. И одежду мне новую справил и с мечом обучил управляться. Я-то только здесь и зажил, а про Койсой и не поминаю даже. Только вот долго от тамошней вони не мог отмыться. По два чана воды кипятил и скоблил грязь вместе с кожей. Лишь недавно избавился от того дурного запаха.

Вида оглядывал жалкие шатры и думал, что боги были к нему милостивы, что позволили ему родиться у Зоры и Мелесгарда. Очень уж ему повезло даже не знать о Койсое и его жителях.

— Ты и впрямь стоишь меры серебра, — соглашался он. — Умудь не прогадал.

И Ракадар довольно и гордо улыбался ему в ответ.

Некоторые другие оградители, из тех, кто сразу принял Виду и признал в нем главного, сначала неохотно и куце, а потом все более доверительно рассказывали ему о себе. Прошло две луны с тех пор, как Вида попал в оградительный отряд, а у него уже появились друзья, готовые без единого звука пойти за ним хоть на край света.

Хараслат выделил Виде свой собственный шатер, такой же, какой был и у Валёна, второго хардмара. Он и сам, без подсказки Умудя, видел, что Виду ему и впрямь послали боги — не висельник и преступник, а родовитый и умелый воин, владеющий мечом так, будто это была его рука.

— Я тут уже свой, — как-то похвастался Вида, сидя вместе с Умудем в своем шатре. — Даже те, кто сплевывали мне под ноги, когда я проходил мимо, кланяются в пояс!

Но Умудь все же решил предупредить Вида:

— Ты-то не шибко-то радуйся. Оградители люди такие — сегодня сладкий хлеб, а завтра — камень. Коли что решат для себя, так потом очень уж трудно из них дурь выбить.

Вида в тот день не понял ни слова из наставления Умудя, но расспрашивать не стал, решил, что потерпится. А вечером случилась первая драка с тех пор, как он стал хардмаром. Один из оградителей, обидевшись на другого, недолго думая, выхватил нож да наотмашь ударил того по ребрам. Второй так и осел на землю, хватая ртом воздух и держась за рану.

— Прекратить! — заорал Вида, подлетая к драчунам и вынимая меч из ножен.

Оградителей развели, а к раненому подбежал лекарь, который тут же его и оглядел:

— Неопасно, — уверил он Вида. — Не помрет.

Вида знал, что за драку в отряде Хараслат никого не погладит по голове. Тот без долгих разговоров изгонял таких людей из харда, не печалась, что же с ними будет потом. Но Вида решил поступить иначе:

— Пусть Каме выхаживает Чарена, — сказал он. — Пусть ходит он за ним, как за родным братом. И коли тот не пойдет на поправку, то я изгоню его из харда.

Оградители, не привыкшие к такой мягкотелости, разочарованно зашептались — изгнание хардмарина всегда было делом зрелищным и очень увлекательным. Хараслат умел выгонять так, что об этом помнили еще долго. А новенький юнец лишь разлил слез, словно баба.

Вида осознал, что уважение, которое он заслужил с таким трудом, начало таять, словно снег по весне. Каме ходил мрачнее тучи и нет-нет, да и поминал недобрый словом того, кто из воина сделал сиделку да выставил его на всеобщее посмешище.

— Зря ты так, хардмар, — укорил его Ракадар однажды. — У нас так не делается.

— Не делалось, — вскинулся Вида. — Пока я не был вашим сотником. Теперь же делается. И не смей мне перечить.

А через несколько дней к Виде подошел Уйль — рийнадрекский каторжник, приставший к отряду еще тогда, когда Хараслат только набирал себе воинов. Он был нескладным и бледным, но по-медвежьи сильным и выносливым.

Уйль нагло осклабился, заведя обе руки за спину и сказал, глядя Вида прямо в глаза:

— Я не хочу быть твоим хардмарином, Вида-сосунок!

Вида нахмурился. Стоявший рядом Ракадар вспыхнул, но не сказал ни слова.

— И чем же не нравится тебе мое хардмарство? — строго спросил Вида.

— Ты не один из нас, — ответил Уйль, но уже не так нагло. — Ты думаешь, что сроднился с нами, раз носишь одно платье, но это не так. Волк овцу чует.

Остальные одобрительно закричали, поддерживая дерзкого хардмарина.

— Ты не выгнал Каме, хотя он и нарушил наш закон. Ты оставил среди нас преступника, думая, что сотворил великое благо. Но это не так. Может быть, в тех краях, где ты и жил, там делают с теми, кто преступил клятву, но не у нас.

— Мы тоже хотим уйти! — раздались несколько нестройных голосов.

Вида молчал. Он не знал, что ответить Уйлю и как быть дальше с теми, кто хочет уйти из его харда. Он не знал, что будет с ним самим, коли все его хардмарины примут сторону Уйля, но одно он знал точно — с Каме и Чареном он поступил правильно. Они были братьями, пусть и не по крови, а поднять руку на брата — есть страшный грех. Но еще хуже этого — расстаться врагами навек. Каме, уйдя из отряда, сохранил бы в душе зло, а оставшийся Чарен — великую обиду. Только заставив их быть вместе, можно было

примиришь двух оградителей.

— Ты волен это сделать, — проговорил Вида, после недолгого молчания. — И каждый волен уйти от меня к тому, кто вам угоден.

Уйль разочарованно огляделся по сторонам. Остальные оградители с затаенным торжеством ждали конца. И Вида все понял. Оградители желали, чтобы Уйль прилюдно унизил пришлого мальчишку с богатым кинжалом.

Он откинул волосы назад и тихо шепнул Ракадару, который громко повторил его слова всем остальным:

— Каждый может уйти из моего харда! Но уходя, вы должны дать последний бой и сразиться со своим хардмаром. Победив, вы уйдете, а проиграв, останетесь здесь.

Оградители закричали, ободряюще подталкивая Уйля вперед. Сейчас их лучший воин покажет этому самодовольному чужаку истинное умение.

— Могу ли я убить тебя? — спросил Уйль.

— Можешь, коль силенок хватит, — ответил Вида, набирая в грудь воздуха.

Все остальные отступили на несколько шагов. Многие поддерживали Уйля, одобрительно крича и желая ему победы. Некоторые, среди которых Денови, Ельма и Бустгельт, были на стороне Виды, молча и напряженно смотрели на то, как оба оградителя изготавливаются к бою.

— Боги с тобой, Вида, — шепнул ему напоследок Ракадар. — Они тебя не оставят.

— Да будет так, — кивнул тот.

И бой начался. Уйль, злобно сощурившись, бросился на своего хардмара, намереваясь пронзить его насквозь. Он верил, что диковинный ольвежский бой был лишь игрой, которая никогда не принесет пользу перед лицом настоящей опасности.

Клинки звенели, наскакивая один на другой. Вида словно играл с Уйлем, привыкшего любой бой решать одним ударом, тем самым изматывая его все больше и больше. Бывший каторжник взмок и неуклюже переставлял ноги по утопанной твердой земле. Меч вдруг показался ему страшно тяжелым, а собственные руки слабыми. Такого никогда прежде не бывало, ибо сам Хараслат назвал его самым выносливым воином отряда.

“И откуда ж у того столько силы? — злобно подивился Уйль. — Будто двужильный скачет!”

Взвизгнула сталь, и Уйль оступился в первый раз. Вида ловко перескочил на другую сторону и стал виться вокруг своего хардмарина, ища слабое место, чтобы ужалить.

— Убей его, Уйль! — кричали оградители, с напряжением глядевшие на бой. — Нападай!

Но Вида будто бы не слышал этих слов, злых пожеланий смерти. Он делал лишь то, чему его учили. Уйль споткнулся второй раз. Толпа заревела.

А Ракадар уже знал, чем кончится бой, и довольно улыбался. Однако Вида не спешил останавливаться, хотя и он начал уставать. Он все теснил и теснил Уйля, умело отбивая его удары и посягая на его меч. Он видел, что Уйль уже начал задыхаться, но только того и ждал — молнией дернулся вперед и выбил меч из рук супротивника.

— Пощади! — тут же взмолился Уйль, падая на землю и держась за бок. — Дай отдышаться.

— Вида одолел Уйля! — закричал Ракадар, победно подняв руки к небу. — Вида победил!

— Ты остаешься в моем харде, — сказал Вида, глядя на хрипящего хардмарина и вложив

свой меч обратно в ножны. — А я не причиню вред своим людям.

Уйль послушно кивнул, сощутив глаза от яркого света. Он опозорил себя. Он выставил себя на посмешище.

— Я буду тебе служить вечно, хардмар, — ответил он без улыбки. — Ты побил меня в честном бою...

Вида думал, что другие воины, желающие уйти от него, тоже вызовут его на бой, но этого не случилось. Оградители, увидев его в поединке, враз перехотели над ним насмехаться.

— Я такого и не видал, — с восторгом сообщил ему Денови после поединка. — Ты великий воин, хардмар.

Ракадар гордо улыбался, будто это он, а не Вида победил Уйля.

Но Вида был не рад. То, что Уйль захотел уйти от него, значило лишь одно — его так и не приняли. Он поделился своими сомнениями с Умудем и увидел, как его друг согнулся от хохота.

— Жаль, что ты не знал Леса-покойника. Ох, и злющий же был воин. Таких и в Койсое среди надзирателей было не сыскать. Никому он спуску не давал, обращался с хардмаринами хуже, чем с собаками. А наши люди какие — чем с ними хуже, тем им и лучше. Не привыкли они к другому обращению-то. Ничего, ты победил Уйля и все это видали. Уйлю в харде нет равных, поэтому никто больше даже не заикнется о том, чтобы уйти к другому хардмару.

— Но почему так? — возмутился Вида. — Я же желаю им добра!

— Потом поймешь, — подмигнул ему Умудь.

Вида в ту ночь долго не мог заснуть, думая над загадкой, которую ему задал Умудь, но так и не найдя ответа, уснул, прижав к себе ножны с мечом.

Наутро к нему в шатер заглянул Хараслат:

— Ты поступил правильно, хардмар, когда не изгнал воинов из отряда, и очень уж хорошо поубавил спеси Уйлю, — похвалил он Виду. — Оградители любят силу. И ценят ее. Многие думали, что ты годеи лишь болтать да лить слезы, но теперь все увидели, что умеешь и драться.

— Лить слезы? — возмутился Вида, вскакивая с места. — Это я-то лью слезы?

— Остынь, хардмар, — засмеялся Хараслат. — Ты молод и это не скроешь шрамами или косматой бородой.

— Но я не дитя! — воинственно сказал Вида, обиженный шуткой Хараслата. — Я — воин! И каждый, кто пошутит о моих летах, сразится со мной в честном поединке!

— Смельчаков не осталось, — заверил его Хараслат и оставил одного.

Вида оделся и вышел из шатра, обдумывая слова Хараслата. Хардмарины, словно нарочно, то и дело вызывали в нем раздражение и злость, совершая такие проступки, которым не было ни объяснения, ни оправдания. Вида любил Хараслата, Умудя, Ракадара, Денови, Ельму и Ельву, Ширалама, Фистара и еще нескольких воинов, которые показали себя благородными и честными, а вот других ему приходилось лишь терпеть.

Только он подошел к котлам, как увидел, что к нему приближается второй сотник — хардмар Валён.

— Эй! — рявкнул тот, подходя совсем близко. — Я должен кое-чего тебе сказать.

— Говори! — ответил Вида, предчувствуя недоброе. С Валёном несмотря на его внешнее благодушие и детское лицо, он никогда не ладил и сам не знал отчего. — Я готов выслушать тебя.

Валён шагнул вперед, выставив перед собой сильные загорелые руки.

— Я слышал, что ты набираешь себе учеников, хардмар.

— Набираю, — согласился Вида, сразу поняв, куда клонит Валён.

— И ты учишь их какому-то дивному ольвенскому бою! — прогремел тот.

Вида против воли поморщился:

— Ольвежскому, — поправил он. — И я учу лишь тех, кто сам приходит ко мне. Я не тяну никого силой. Ежели кто желает овладеть тем же, чем овладел и я, то я принимаю его.

К его удивлению, но Валён замялся и отступил.

— Я хотел сказать иное, хардмар, — смиренно произнес он. — Не поучишь ли ты и меня?

Вида показалось, что он ослышался — чтобы Валён да просил его об уроках? Но, глядя в голубые глаза хардмара, на огромные загорелые великаны руки, мявшие полу от плаща, он понял, что Валён и не думал шутить.

— Я думаю, что не дело хардмаринам глядеть, как их хардмара валяют в пыли и грязи. — сказал Вида. — Приходи завтра на рассвете, я тебя поучу.

Валён просиял.

— Я был несправедлив к тебе, Вида из Низинного Края, — сказал он, сжимая руку хардмара в своих.

\*\*\*

Как-то раз, увидев на улице женщину, носившую на поясе ножны, Иль вспомнила о кинжале, привезенном из Даиркарда. Вытащив драгоценный клинок из закровов, она протерла тусклые рубины и пальцем попробовала острую кромку.

— Совсем не затупился! — воскликнула она, когда на пальце выступили капли крови.

Приладив кинжал к поясу, так, чтобы его было всем видно, она направилась на кухню, где топтался Оглобля, готовя на всех завтрак.

Увидев золотую рукоять, Оглобля уставился на нее и забыл про румянившейся на сковороде лук.

— Это же тот кинжал, тот самый! — выдохнул он.

— Это кинжал Уульме, — важно сказала Иль.

— Цельный год спину гнул, чтобы выкупить! — доверительно прошептал Оглобля. — Цельный год!

— Выкупить? Но у кого? — изумилась Иль. Она слабо представляла настоящую стоимость кинжала, да и никогда не слышала от Уульме, чтобы он его у кого-то выкупал. По его рассказам выходило так, что кинжал был подарен Уульме отцом, и тот с ним никогда не расставался.

— У нас еще шутили над ним: подмастерье, а с золотым клинком! — добавил Оглобля.

\*\*\*

Через несколько дней после возвращения из столицы обратно в Опелейх Уульме увидел то, чего никак уже не чаял увидеть — один из городских стражников, красуясь перед самим собой, шел, поигрывая его — Уульме! — кинжалом.

Уульме бросился вслед за стражником.

— Эй! — закричал он, останавливая нового владельца кинжала. — Стой!

— Чего тебе?

— У тебя кинжал, — тяжело дыша, сказал Уульме, указывая на рукоять. — Это мой.

Но городского охранника было трудно смутить.

— Неправда твоя! — усмехнулся он, отодвигая Уульме. — Он мой!

— Нет, правда! — в отчаянии закричал юноша, мертвой хваткой вцепляясь в рукав стражника. — Он принадлежал мне. Это подарок отца! Продай мне его назад! Я заплачу любые деньги! Золото, серебро... Сколько скажешь! Только продай...

Стражник теперь уже внимательно поглядел на юношу.

— Так это ты... — сказал он, вспоминая что-то. — Ты был со Сталливаном...

Уульме молча кивнул.

— Да. Я тебя помню. Так это кинжал твоего отца?

— Подарок.

— Богатый же у тебя отец, сынок, раз дарит такие подарки, — хмыкнул стражник.

— Мой отец умер, — соврал Уульме. — И этот кинжал — единственное, что от него осталось. Больше у меня даже нитки нет из отчего дома.

Стражник перестал улыбаться:

— Кинжал так тебе дорог? Покупай. Мера чистого золота.

Уульме ждал такой цены, хотя и знал, что у него не было и сотой части от нее.

— Я приду, — пообещал он. — И выкуплю его. Не продавай!

И он, не оглядываясь, побежал обратно в мастерскую, чтобы сообщить Забену, что теперь будет работать даже в те дни, когда обычно отдыхал.

Только спустя год Уульме скопил всю сумму. Он и правда работал с утра и до ночи, обливаясь потом, обжигаясь огнем и валясь с ног от усталости даже по утрам, когда остальные вставали бодрые и веселые. Но его цель была уже совсем близко — всего лишь несколько монет и кинжал будет его. Он еще раз пересчитал деньги и спрятал их в сундук с вещами.

А на следующий день, зажав кошелек под мышкой, он отправился на поиски того самого стражника, который и присвоил себе его кинжал. Он боялся, что за год могло случиться многое, и новый хозяин тысячу раз мог продать оружие, но каждый раз успокаивал себя тем, что стражник был не похож на человека, который не знает цену своему слову. Нет, если он пообещал Уульме, то он дождетя его.

— Вот ты где! — облегченно выдохнул Уульме, когда после целого дня поисков, он забрел в один из трактиров Опелейха. — Я тебя весь день ищу.

Стражник уже был пьян, и поэтому не сразу узнал Уульме.

— Я за кинжалом, — напомнил тот и потрянул перед ним кошельком.

— А-а-а-а... Сын богача, — вспомнил стражник. — Деньги принес?

— Тут не хватает нескольких медяков, — честно сказал Уульме, передавая увесистый кошель с золотом. — Но я их принесу.

— Оставь, — отмахнулся стражник, пересчитывая монеты. — Я не в обиде.

Он вытащил из грубых ножен драгоценный кинжал и повертел перед Уульме.

— Стой! — вдруг окликнул его один из посетителей, что чутко прислушивался к их разговору. — Зачем этому босяку такой кинжал? Он и пользоваться им не умеет.

— Тебе-то что? — огрызнулся Уульме.

— Продай мне, — предложил посетитель, подсаживаясь ближе.

— У меня есть покупатель, — отмахнулся от него стражник.

— Сколько он дает? Мэру золота? Я дам столько же и еще десять монет. Хорошая сделка.

— Вы же обещали! — заорал Уульме, увидев на лице стражника сомнения. — Вы

обещали мне его продать!

Он было дернулся вперед, но тут же сильные руки сжали его локти и, не успев опомниться как вылетел вон из трактира — хозяин не захотел драки под своей крышей.

Не веря в то, что случилось, Уульме поплелся домой, глотая слезы. У него правда ничего не осталось. Никто не видел в нем отпрыска богатого и знатного рода, наследника великого отца. Все лишь считали его безграмотным и жалким подмастерьем, которого каждый может прогнать со двора, словно назойливую собачонку, каждый может обмануть и нарушить единожды данное слово, каждый может наказать, как простого босняка, укравшего с прилавка кусок свежего хлеба.

— Эй! — окликнул Уульме Забен, когда тот перешагнул порог мастерской. — Что это с тобой?

— Ничего, господин, — ответил Уульме. Он даже привык обращаться к другим так, как раньше обращались к нему.

— Говори, — приказал Забен.

— Ты же сам все видишь, господин, — сквозь зубы просипел Уульме. — Чего спрашиваешь?

Забен ничего не ответил. Он лишь подхватил полы своего халата и вышел вон из мастерской.

Вернулся он за полночь и тотчас же приказал привести Уульме, который уже крепко спал.

— Да, господин? — сонно просил Уульме, продирая глаза.

— Бери, — коротко ответил Забен и положил перед юношей отцов кинжал.

Глаза Уульме чуть не лопнули от изумления.

— Купил у того стражника. Не было у ловкача, что пытался перебить цену, столько золота.

Уульме уже не слушал — он схватил кинжал и прижал к груди. Хоть что-то от прежней жизни!

— Почему ты не попросил меня о помощи? — строго спросил Забен.

И тут юноша словно вынырнул из глубокого омута:

— Разве я мог о чем-то просить после того, как погубил Лусмидура?

И он, поклонившись в пол, оставил Забена одного.

Услышав эту историю, Иль руками закрыла кинжал. Она вздумала носить ее, как безделку, тогда как Уульме чуть не надорвался, стараясь выкупить отцов подарок.

\*\*\*

Иль словно наяву увидела Уульме, но не таким, каким помнила, а совсем еще юным, таким, каким описал его Оглобля.

— Я сниму кинжал и спрячу, — вслух решила она.

А Уульме, который издали наблюдал за Иль, обрадовался тому, что, в отличие от доратских стражников, палачи Даиркарда не присвоили кинжал себе.

## Глава 11. Один в поле

В отряде многие из оградителей говорили на плохом оннарском, вставляя слова из других языков и наречий. Хараслат бегло говорил еще и на всгорском, чем изрядно изумлял всех, кто его впервые видел, ибо язык этот был сложен и груб.

— Хараслат-то обо всем думает, — шептались в отряде. — Лучше него нет хардмара в целом мире. На любом языке тебе скажет так, что ты тотчас же поймешь!

И еще Вида узнал, за что больше всего уважали хардмара его хардмарины — он никогда не бил своих воинов, даже за сильную провинность.

— Я был в плену, — как-то рассказал Хараслат Виде. — Во Всгоре. Ох, и дрянное место. Хотя это я раньше так думал. Пока не встретил Ракадара и он мне не поведал о Койсое. Теперь я думаю, что боги еще меня помиловали. Но и там я наелся плетей на тысячу жизней вперед. Побои либо ломают, либо превращают в зверя. Поэтому я никого здесь и не трогаю — слабаки мне не нужны, но и нелюди, которые кусают кормящую их руку, тоже.

Вида кивнул — все ему было понятно.

— А как ты оказался во Всгоре? — спросил он и тут же осекся. О прошлом в отряде расспрашивать было не принято.

Но Хараслат не обиделся:

— Я ж из Стрелавицы. Хараслат, сын Гармея, благородного отца, да только у богов — свой расчет.

— Это как? — спросил Вида.

— А так. Я служил у тамошнего Перста Оильдамегена, при его почтовой службе. Перевозил важные послания или сопровождал того, кто эти послания везет. Как-то мне и пришлось с тремя другими сопровождающими поехать не куда-нибудь, а в Нордар. Вот по дороге на нас и напали. Отбиться не смогли. Нас было четверо, а их — одиннадцать. Они нас схватили и отвезли во Всгор. Там я и сидел, пока не сбежал. А как вернулся, так Перст мне и сказал, что я навеки замарал свою честь пленом, и хоть он и помнит о моих прежних заслугах да ценит мою храбрость, а обратно на службу взять не может.

Хараслат потер лоб:

— Я-то, дурень, все годы, пока был во Всгоре, только дом и вспоминал да мечтал, что снова буду служить Персту как и раньше. Только это мне сил и давало. А как явился перед его очи, так и стал не нужен.

Вида разинул рот.

— Но он был не злой, хотя и не добрый. Сказал, что ежели я желаю, то могу стать хардмаром здесь. Только мне нужно набрать себе воинов самому. А где ж я бы их взял? Кто согласится пойти к бывшему пленнику? Да и опасно тут, ну и кормят через раз. Ну а мне и выбирать-то не приходилось — отец-то тоже не шибко обрадовался, когда я вернулся из Всгора. Сказал, что уже меня оплакал, да и лучше бы я умер, ибо даже смерть лучше плена.

Хараслат остановился и закурил.

— Я и согласился быть хардмаром здесь. Перст Стрелавицы вроде в родственничках состоит у Перста Низинного Края. Я как-то спросил у него, почему низинец не хочет послать своего хардмара, и услышал, что там воинов-то мало, больше охотники, которые умеют выслеживать добычу, но худы в открытом бою.

Вида усмехнулся:



— Это уж точно. У нас только благородные умеют с мечом управляться. Да и им это умение не шибко-то нужно — все они становятся обходчими в лесу.

— Вроде тебя? — прямо спросил Хараслат.

Вида замялся.

— Да, — наконец признался он.

— Я погляжу, что ты сдружился с Валёном. — перевел тему Хараслат.

Вида кивнул — это нельзя было назвать дружбой, но и вражде, пусть и неявной, пришел конец.

— Валён ценен всем, — сказал Хараслат. — Но уперт, словно бык. Пока сам чего для себя не решит, так хоть теши ему кол на голове, а все одно — поглядит бычьим взором и отворотится.

Вида захохотал — очень уж точным было определение Валёна.

— У него в почете два хардмарина — Асда да Райм. Они у него за телохранителей. Видать, он думает, что с ними безопаснее. Райм взялся и сам не упомяну откуда, но злобы ему не занимать. Сущий зверь. Такие в бою ценятся. А вот Асда — другой. Хитрый, смекалистый и преданный лишь одному человеку — Валёну. Он его выкормыш, как есть. Кто-кто, а Асда никогда не согласится с твоим или иным хардмарством. Да и меня он не шибко-то любит, да только деваться ему некуда — куда Валён, туда и Асда.

— Я его знаю, — ответил Вида. — Дружбы у нас не выйдет.

— Асда превосходит многих. Зрение у него как у орла, хотя все равно много хуже, чем у Умудя. Ну и страха в нем нет ни капли. Как и в тебе.

Вида понравилась такие слова — он был рад и благодарен, что Хараслат оценил его.

— До тебя здесь был Лес, зверь во плоти. Я и сам не всегда был уверен, что поступил правильно, взяв его в хардмары. Но в тот день уж сильно худо мне было, чтобы еще и думать о том, хорош Лес или нет.

— Что случилось? — снова не выдержал Вида.

— Я потерял брата, — коротко ответил Хараслат.

— Он погиб? — не унимался Вида.

— Нет, — горько усмехнулся главный хардмар. — Ушел. Вернулся в город. Сказал, что так больше жить не может. Последний мой друг из прошлой жизни.

Хараслат скрутил еще одну самокрутку и продолжил:

— Черный день, как есть. Тогда-то и пришел Лес и сказал, что может и биться, и приказывать. Вот я его и поставил сотником. А потом и хотел у него хард забрать, а все никак. Только незадолго до твоего прихода он помер от ран. Что тут началось! Кого ни поставлю — а все не так. Оградители как ополоумели. Все Леса оплакивали, хотя при жизни его не любили, боялись словно огня да желали ему жизни короткой, а смерти кровавой. А когда так и вышло, то сразу позабыли о своих словах, будто был он им родным отцом.

— У меня тоже был такой день, — сказал Вида. — когда я уехал из дому.

— Знал ли, куда ты попадешь? — спросил Хараслат, усмехаясь, и оглядывая драные шатры.

— Не знал. Но и не жалею. Нечего жалеть о том, чего не воротишь.

— Верно говоришь, — похвалил его хардмар. — Жаль, что иногда против воли вспоминается.

— Хараслат! Повозки! Повозки! — услышали они снаружи голоса оградителей.

Оба хардмара выскочили из шатра и вместе со всеми бросились к прибывшему из

Низинного Края обозу. В этот раз Перст не пожалел для отряда еды и прислал в два раза больше повозок, чем обычно.

— Хараслат! — закричал сопровождавший обоз гридень, издали увидев хардмара.

— Гайда! — поприветствовал старого знакомого Хараслат.

Вида, тоже узнавший Гайду, юркнул в первый же попавшийся шатер. Внезапно он застыдился драного платья оградителя, изношенных шатров и даже своего звания хардмара. Он не хотел, чтобы Гайда увидел его, а потом рассказал обо всем Мелесгарду.

— Ты поглянь! — восторженно пробормотал Денови, доставая из одной повозки новый шерстяной плащ и тут же примеряя его на себя. — Да я теперь краше, чем столичные воины!

— Здесь и сапоги есть! — вторил ему Фистар. — Новые, блестящие! Всяко лучше моих дырявых опорок!

— Чего это Перст расщедрился? — подозрительно спросил подошедший раньше всех Валён, разглядывая присланное в отряд добро. — Аль праздник какой?

— Не могу знать, — ответил Гайда. — У меня еще письмо есть.

— Давай, — протянул руку Хараслат.

— Не тебе, Виде. Говорят, он теперь в твоём отряде.

— В моем. Здесь где-то был. Эй! — обратился он к сновавшему туда-сюда Шираламу. — Пойди сыщи своего сотника. Ему, говорят, послание есть.

Ширалам кивнул и побежал по становищу, громко выкрикивая Видино имя.

Понимая, что дальше прятаться в шатре глупо, Вида вышел на свет и с деланной беспечностью подошел к разговаривающим хардмарам и Гайде.

— Вот и он! — обрадовался Хараслат.

— Гайда! — будто бы удивился Вида. — Не ожидал тебя здесь увидеть!

Телохранитель глядел на него во все глаза — он тоже не думал, что средний Мелесгардов наследник действительно служит в Южном оградительном отряде.

— Тут тебе письмо, Вида, — передал он конверт. — Могу и ответ подождать.

У Виды упало сердце — даже не читая, он понял, от кого было послание. Вести из Угомлика. Сначала он хотел прочесть его в одиночестве, но потом, испугавшись, что может оно быть о плохом, а не о хорошем, сломал печать и быстро пробежал его глазами.

По милости богов в Угомлике все были живы и здоровы. Мелесгард просил сына побережь себя в отряде, Зора умоляла его вернуться если не домой, то туда, где нет таких опасностей, как на границе, Ойка, не умеющая писать, от себя на словах добавляла добрых пожеланий и выражала надежду, что плащи, которые она шила с таким усердием, придутся впору оградителям. Он посмотрел на красующегося в обновках Фистара и все понял. Мелесгард решил помочь нести ему его ношу и прислал еду и одежду от себя.

Вида спрятал письмо на груди. Отвечать он не станет. Нечем ему порадовать домашних.

— Езжай домой, Гайда! — ответил он ждавшему его гридню. — Кланяйся от меня всем в пояс. Скажи, что службу несущий исправно и что болеть за меня не надобно.

Телохранитель кивнул.

— Тогда прощай, Хараслат! Прощай, Вида!

— Бывай, Гайда! — махнул ему рукой Хараслат.

Вида заставил себя улыбнуться отъезжавшему Гайде.

\*\*\*

Хотя большинство лавок закрывались куда как раньше, в “Цветном стекле и изделиях” Забена все еще толпились покупатели. Причиной такого столпотворения были не яркие

безделицы, разложенные и развешанные по всей лавке, а красавица-нордарка, которую недавно нанял хозяин.

— Новые изделия наших умельцев! — расхваливала она товар, разом повысив Оглоблю и Коромысло из подмастерьев в мастера. — Звери, птицы! Бусы!

И каждого одаривала она сияющей улыбкой.

Пустым не уходил никто — каждый что-то да покупал — кто нитку бус, кто славных зверят, кто толстые бутылки под вино.

А к самому закрытию приходил Лем, навеки плененный Иль. Если поначалу ни он, ни она толком не знали, как себя друг перед другом вести, то сейчас оба с нетерпением ждали ежевечерних встреч, чтобы в отсутствии покупателей наговориться вдоволь.

Лем рассказывал Иль о Рийнадрёке, о своей службе, об отце и брате, ждавших его в Гарде, о веселых и верных друзьях, с которыми доводилось ему оборонять город. Он уже не чувствовал сковывавшую его прежде неловкость, а потому говорил легко и складно, часто смешивая Иль своими историями.

Да и Иль, хоть и не переставало ее сердце биться сильнее, стоило ей вспомнить его серые глаза, отвечала ему не только улыбкой.

— Я была в Гарде, — вспоминала она свой бесконечный путь из Даиркарда. — Дома небеса подпирают.

— Это точно, — смеясь, подтверждал ее слова Лем. — Мы, как и соседи наши из Радаринок, строить умеем. А что еще делать, коли что их сторона, что наша — вся сплошь покрыта камнями?

Они расставались уже за полночь, чем вызывали страшное неудовольствие Уульме, который теперь день-деньской топтался у входа в лавку, стараясь не просмотреть зло, которое, по его мнению, обязательно таил в себе любой рийнадрёкец.

— Чего это ты взбеленился? — спросил его Забен, когда Уульме, рыча, выпроводил засидевшегося Лема вон. — Тебе-то он что сделал?

Уульме сердито заворчал.

— А! — понял Забен. — Ты все за Лусмидура отомстить хочешь... Так не этот славный молодец его тогда прибил. Не тому ты зла желаешь.

Уульме не стал дальше слушать Забена и, прижав уши, скрылся в мастерской.

А на следующей день в лавку снова пришел Лем, но едва Иль взглянула не наго, как поняла, что что-то случилось.

— Я пришел попрощаться, Иль, — сразу начал он, будто боясь, что потом у него не хватит духу это сказать. — Мечи мои готовы. Я уезжаю домой.

Иль прижала ладонь к губам, но ничего не сказала. Она совсем позабыла, что Лем был в Опелейхе по военным делам, что никак нельзя ему было остаться здесь навсегда и что пришло время ему возвращаться назад.

— Я не знаю, свидимся ли мы еще али нет, но я клянусь, что буду молить об этом богов день и ночь! — добавил Лем и поцеловал ее маленькую ладонь. А потом, поклонившись ей в пол, вышел из лавки.

И только за ним закрылась дверь, как из глаз Иль брызнули слезы, а тело затряслось от рыданий. Уульме, услышав своим звериным ухом, как убивается в запертой лавке его молодая вдова, вошел через заднюю дверь и просунул свою большую голову ей под руку.

— А если попросить Забена? — мелькнуло у него, когда он понял, что ему не под силу утешить юную Иль. И старик, словно прочитав его мысли, решил перед сном проведать

своих работников.

— Что случилось? — спросил он, видя, как Иль быстро вытерла слезы с лица.

— Ничего, — ответила Иль. — Осколок в глаз попал.

— Ульме бы тебя не осудил, — тихо сказал Забен и погладил ее по голове. — Ты ведь и сама это знаешь.

Но его слова не успокоили Иль, наоборот, еще больше разбередили ей сердце. Да как она может даже думать о ком-то, кроме своего мужа? Как может позабыть о всем том, что он для нее сделал? Как смеет она на глазах у всех зевая миловаться с другим? Нет! Никогда она не откроет своего сердца!

И, пожелав Забену и Серому доброй ночи, Иль удалилась в свою комнату.

— Что скажешь, Мелесгардов? — спросил совершенно растерянный Забен.

Ульме не знал, что ответить. Он не считал Иль своей женой даже в шутку, но теперь почему-то он испытывал колючую ревность думая о том, что другой, тот ладный и красивый рийнадрекец может сделаться Иль мужем.

— И я не знаю, — кивнул Забен. — Вот ведь незадача!

Долго они еще сидели в пустой лавке, думая каждый о своем и об одном и том же разом. Ульме вопрошал себя, почему он так против счастья Иль, а Забен сокрушался, что впервые в жизни не в силах помочь своему лучшему мастеру.

Но на другое утро, Иль, как и всегда, веселая и румяная, отперла двери лавки. Поначалу Ульме обрадовался такой прежней деятельной Иль, но потом понял, что за нарочитой бойкостью скрывается глубокая тоска. Иль, стараясь занять себя делами, надеялась, что однажды она и не вспомнит о покинувшем ее навсегда рийнадрекце.

— Оставь меня! — шепотом говорила она на нордарском, когда образ Лема против воли всплывал в ее памяти. — Уходи!

Но как только двери лавки закрывались, а Забен, охая, поднимался к себе, Иль подзывала к себе ученого волка и, угостив его кусочком мяса, начинала по-нордарски делиться тем, что было у нее на сердце:

— Ты ведь бывал у нас, Серый, — говорила она, трепля густую шерсть, — нравы наши знаешь... Тот воин, что ходил в лавку... Он статен и красив, и понравится любой. Но мне приглянулся он не только поэтому... В глазах его нет злобы, но нет и уныния. Ульме тоже был красив — высокий, широкоплечий, с голосом, льющим, словно мед, но в глазах его была боль. Я раньше и не понимала этого, боялась его, бывало, считала, что он сам по себе бирюк и угрюмец, а сейчас поняла: тяжело ему пришлось на этом свете, так тяжело, что искры в глазах навеки потухли... Он жил, словно по принуждению, а будь его воля, давно бы ушел туда, где нет ни боли, ни тяжких дум...

Ульме аж подпрыгнул от таких слов — Иль слово в слово озвучила то, что он не решался сказать даже самому себе.

— А Лем — он как Ульме, только если бы не пришлось тому пережить все те ужасы, которые выпали на его долю.

Об этом Ульме не думал. Он вспомнил улыбчивого рийнадрекца и мысленно сравнил себя с ним. А ведь и впрямь — не случись тогда по его вине смерти Лусмидура, не уйдя он тогда из дома, быть бы ему таким, как этот чужеземный воин.

— Я не знаю, называется ли то, что я чувствую, любовью, — продолжала Иль, как ни в чем ни бывало наглаживая волчью спину. — Но я люблю его. И Ульме я любила, но не так, иначе. Хотя я и считала его своим мужем, я не чувствовала к нему того, о чем мне говорила

Беркаим — он был мне словно братом или отцом или... — Иль попыталась вспомнить нужное слово. — Заступником.

\*\*\*

Вида лежал на своем тюфяке, зевая, и думая о том, что сегодня Валён и он должны будут сразиться в показательном поединке. Он понимал, как это взбудоражит всех воинов, и заранее радовался. Даже те, кто ленился учиться, поглядев на такую битву, захотят последовать примеру своих хардмаров.

— Хватит болтать! — вдруг услышал он снаружи сердитый голос Хараслата, который отправил от себя назойливого хардмарина.

Хараслат сбил с сапог грязь и зашел в шатер к Виде.

— Сегодня ты выступишь в дозор, хардмар, — сказал он, стараясь не глядеть на Вида. — Возьми себе любого из оградителей в пару.

И он вышел вон.

Вида не поверил своим ушам. Первый дозор в отряде! Как же долго он ждал этого дня, чтобы на деле доказать Хараслату свою полезность и, наконец, дождался. Он позабыл о долгожданном бое с Валёном, ибо первый дозор был гораздо важнее, чем первый бой.

— Умудь! — закричал он, выбегая из шатра. — Умудь!

Тот был недалеко — беседовал с Асдой, который кроме Валёна ценил лишь его.

— Умудь! — сказал Вида. — Я уйду в дозор.

Асда тотчас же отошел от них, мрачно кивнув Умудю напоследок.

— Решил, кого возьмешь с собой?

— Ракадара, — не задумываясь, сказал Вида. — Он мне пригодится.

Умудь захохотал. Бледное солнце едва нагрело землю, а холодный ветер поднимал тучи пыли, что у всех оградителей першило в горле, поэтому смех Умудя больше походил на хрип птицы.

— Хороший выбор! — одобрил он.

— Я уж пойду соберусь, — сказал Вида, краснея.

Он отошел от Умудя и, схватив одного из оградителей за рукав, велел передать Ракадару, что тот сегодня идет вместе с ним.

Вида выбрал койсойца не только потому, что тот был его другом. Он на деле хотел проверить чудесный дар хардмарина слышать за много шагов вокруг.

Ракадар не заставил себя ждать — он скоро собрался и пришел к шатру, держа в руках заплечный мешок.

— Здесь еда, — сказал он. — И огниво. И водка.

Вида тоже успел сложить все самое нужное в свой мешок и теперь лишь проверял, все ли на месте.

— Пошли, — сказал он и вышел вслед за Ракадаром из шатра. — Нужно ли прощаться с Хараслатом? — спросил он.

Ракадар лишь пожал плечами:

— Здесь никто не прощается.

— Тогда не будем, — решил Вида.

Они подошли к загону и стали ловить своих лошадей. Ветерок, который важно жевал траву и не желал никуда идти, отошел от Виды, сердито фырча, а Ворон — кляча Ракадара — сразу подбежал к хозяину.

— Глухой конь! — разозлился Вида на такое неповиновение.

Наконец, ему удалось изловить Ветерка и накинуть на него седло и попону.

— Зачем ты жарить коня? — спросил Ракадар.

— Слишком уж он жирный! — в сердцах сказал Вида, больно дергая Ветерка за гриву. — Чуть похудеет — сразу присмирет.

Ракадар рассмеялся:

— Это непростой конь. Я его как увидел, так сразу понял, что он поумнее многих наших оградителей будет. И такой важный, будто на нем сам господарь ездил!

— Он такой, — согласился Вида. — Вроде терпелив и спокоен, а вот забыться не дает.

Они выехали вместе, пустив коней рысью. От становища до Бидьяд-Сольме, невысокого холма, откуда несли оградители свой дозор, было совсем близко, так что ни кони, ни их всадники даже не успели вспотеть. Кругом, насколько хватало глаз, простиралась каменистая пустошь, и лишь узкая полоска земли, желтая от солнца, прорезала ее и вела напрямик к дозорной сопке. Вокруг были вкопаны колья и рогатины, на которых лежали толстые сухие бревна. Виднелось кострище, обложенное плоскими камнями. Рядом была яма, где дозорные хранили свой нехитрый скарб — казан, миски, песок в отдельном мешке и сухой хворост для растопки.

Вида огляделся — странное и чудное место.

— Это дозорная сопка, — объяснил Вида Ракадар. — Укреплений вовсе нет, ибо рийнадрёкцы то и дело прорываются и всё жгут.

— А разве можно остановить врагов, обложившись бревнами да кольями?

— Нельзя, — засмеялся Ракадар. — Но это дает хоть миг передышки.

Вида казалось, что его жизнь была опасностей, но теперь он уверился, что смерть — сильная и могучая, ждет его именно здесь. И если другие оградители давно привыкли к ее дыханию, то он не спешил умирать.

— Что мы должны делать? — спросил он Ракадара.

— Пока можно и костерок разложить, — предложил тот. — Чего и приготовить, ибо на голодный-то желудок и не шибко посторожишь границы.

Это предложение Вида понравилось.

— Это хорошо, — сказал он. — Я поесть не прочь.

Они разожгли костер, согрели воды и достали свои припасы — хлеба да соленого мяса.

— Ночью тут бывает опасно, — жуя, поведал ему Ракадар, не переставая то и дело чутко прислушиваться. — Я, почитай, с десятков раз тут набежчиков примечал. И ведь хитры они да опытни. Коли б было у Хараслата больше воинов, так можно было бы от них куда как лучше оборониться. Но ведь всех сюда не пошлешь, ибо жить тут нельзя. А если и можно, то значит и шатры нужно сюда везти. А когда рийнадрёкцы нападают, то жгут все и портят без лишней жалости — вмиг спалят становище и все добро. А под открытым небом тут совсем не сладко спать, особенно зимой.

— Расскажи мне историй, — попросил Вида.

Ракадар смутился:

— Я вот и не думаю, что тебе мои рассказы понравятся. Чудес со мной не случилось, а вот о мерзостях ты слушать-то и не захочешь.

Вида нахмурился:

— Не верю я. Неужто с тобой не случилось ничего такого, что и вспомнить не грех?

— Да так-то и не случилось. Что и помню, так это и голод, и плети, да жаркий, вонючий Койсой — смердящая яма всего Восточного Прая.

— Так и в Койсое, поди, были у тебя друзья, — сказал Вида, доставая свой мешочек с куревом.

— Друзья-то у нас какие, — затянулся Ракадар. — Сегодня они есть, а завтра продали на торгах. И более о нем ты и не услышишь вовек, ибо его или увезут из Койсоа в тот же день, или забьют до смерти заради потехи. Или собаками затравят. Тебе и не понять того, но я-то людей повидал. И не таких добрых как Хараслат, да не благородных как ты, а самых гнилых да жестоких, какие только встречаются в этом мире.

— Тогда расскажи про Койсой, — попросил Вида. — А я послушаю.

Ракадар уселся поудобнее и, вытолкнув из себя густой дым, начал:

— Гнусь и мерзость всей земли стекли в это проклятое место. Обойди ты весь свет, а не увидишь того, что видят койсойцы каждый день. Даже запах не спутаешь ни с чем другим. Койсой словно весь гниет изнутри. И от этой вони вовсе не хочется просыпаться, да не хочется засыпать. И вода, и одежда, и земля — все пропиталось этим запахом, который не выведешь никакой баней. Сколько я уже тут, а все равно, бывает, кажется мне, что я по-прежнему воняю по-койсойски, и этот запах уйдет только со смертью моей.

Он снова затянулся и продолжил:

— Я не вспомню ни одного дня, когда я бы хотя бы поел досыта. А вот чего нахлебался вволю — так это розог и плетей. Когда Умудь увидел меня да спросил, не хочу ли я пойти в оградители да присягнуть защищать чужой народ, позабыв о своем, то я и согласился, словно мне предложили стать господарем. Ибо нет в мире места гаже Койсоа! Ширалам все думал, а не переметнусь ли я, не предам ли, — Ракадар усмехнулся. — Я бы и захотел, не пошел, а уж коли бы они знали, как я раньше жил, так и вовсе бы ни одного дня бы во мне не сомневались. Сами койсойцы друг другу враги — злобные да мстительные. За кусок плотку перегрызут, за медяк сердце вырвут. Только двоих я там и помню, кто не утратил своей чести в этом проклятом месте — скильда да меренорца, которых пригнали с севера. Никогда я не видел такой доблести да отваги, но то и не койсоец был.

— Скильд? — подивился Вида. Когда-то он уже слышал о скильдах, но где и от кого, он позабыл.

— Я и сам не верил, — сказал Ракадар, неправильно истолковав его вопрос, — ибо даже для Койсоа это было дивно, но Крокотун — тамошний торговец людьми — на весь базар кричал, что, дескать, такой товар как у него, сроду никто не продавал да не покупал. Он нахваливал так, словно и впрямь у него не раб, а чудо-воин, вот все и шли к нему, только чтобы поглядеть на такую диковинку. Коли б это был не скильд, так Крокотуна живо бы разоблачили да и убили бы за такой обман, ибо тамошние покупатели шутить не любят. Вот и все углядели, что перед ними — истый скильд, как есть. Я на всю свою жизнь его запомню — сам худой, словно жердь, зарос белесой бородой да льняные космы все лицо и плечи закрывают, и только глаза видать — синие, словно небо в грозу. Ни в жисть я таких глаз не видал: смотришь и страшно делается. Вроде и человек, а глядит как зверь. К нему и подходить-то боялись, да и купили не сразу.

— А кто купил? — спросил Вида, все пытаясь вспомнить, где ему уже приходилось слышать про далеких скильдов.

— А я и не уследил. Говорили, что кто из охраны самого всгорского господаря, но я того не ведаю. Но долго, очень долго его не покупали. Крупные торги, когда приезжают те, кто готов раскошелиться на редкий товар, лишь два раза в год проходят — весной да осенью. Скильда зимой привели. А весной продать захотели, да только никто не решался такого раба

купить. Лишь только летом его купили. Когда уже все разъехались, а Крокотун-то и пожалел, что связался со скильдом, ибо кормить его выходило дороже, чем продать.

— А меренорец? — спросил Вида. Про этот народ он и вовсе ничего не знал.

— Так меренорца с ним привезли. Я наукам-то не обучен, но от других слышал, что скильды с меренорцами как кошки с собаками. Никогда дружбы не водили, а лишь воевали друг с другом. А тут — чудо дивное. Они как братья были, хотя двух таких непохожих я никогда не видал. Скильд-то и сильный и крепкий, а меренорец — низкорослый и рыхлый, всего боялся и только и делал, что скулил да стонал. А вот скильд зато за ним как за младенцем смотрел. Толку с меренорца было мало — никто такого не возьмет, хоть задарма отдавай, а он еще и заболел зимой. Так Крокотун и решил от него избавиться. А только не тут-то было — этот скильд будто оборотился — кинулся на палача да и убил его голыми руками. Никому не дал даже подойти к меренорцу, пока тот сам не помер.

Вида тоже затаился. Он с детства любил истории о грозных воинах, которые лишь с одним ножом не побоятся броситься на хард, но повзрослев, перестал в них верить. Он сам ведь даже с волком не справился, и если бы не его спаситель, то погиб бы в лесу. А тут же — пусть и скильд, пусть и воин...

— Если бы я сам его не видал, — продолжал Ракадар, — то и не поверил бы в такую силищу да отвагу. Да только у нас в Койсое вести быстро разносятся. Крокотуна ненавидели даже другие торговцы рабами, ибо более жестокого да подлого человека было не сыскать на всем белом свете. Людей он извел сотни, морил их голодом, держал на лютom морозе, забивал насмерть плетями. Ни разу никто от него ничего доброго не видел, одно только зло. И сам он ни слезинки ни над кем не пролил. В одно лето от жары у него сразу два десятка рабов померли, почти все еще детьми были — только-только четырнадцатая весна пошла. Тогда спрос на них небольшой был и купили не всех. Крокотун ждал, когда сможет их кому другому продать, да вот не свезло — жара была такая, что даже камни плавилась. А эти несчастные сидели под палящим солнцем и одними лишь губами просили воды, ибо сил у них не было даже стонать. А когда они все и померли, то Крокотун лишь обрадовался. Сказал, что от их вида у него-то и желудок разболелся.

Ракадар сглотнул.

— Вода у нас денег стоила. Ее возили в Койсой, ибо боги прокляли эту землю еще и тем, что отняли у нее всю воду.

Вида содрогнулся — никогда он не слышал о таких ужасах. Разве могут люди относиться так друг к другу, как относились торговцы к своим рабам в Койсое?

Ракадар было собрался рассказать еще историй из своей прошлой жизни, но вдруг вскочил, словно ошпаренный, прислушиваясь к ночной тишине:

— Идут!

Вида выхватил меч и обернулся, но никого не увидел и не услышал.

— Я слышу! Они еще далеко, но они идут и будут здесь к рассвету.

— Тревожный огонь! — не раздумывая, приказал Вида. — Ракадар! Бросай все в костер! Хараслат нас увидит и все поймет.

И он, не дожидаясь согласия хардмарина, вытащил из тайничка вязанку с хворостом и облил ее остатками водки.

— Лучше будет гореть, — сказал он. — Давай же!

— Обычно так не делается! — остановил его Ракадар, встревоженный таким самоволием. — Один остается, а другой едет в становище. А потом возвращается с



подмогой.

Вида перебил его:

— Если кто-то из нас поедет, а другой останется, то мы лишь зря потеряем время!

Неужто ты этого не видишь?

— Как знаешь, хардмар, — неуверенно кивнул Ракадар.

А Вида в великом волнении торопился разжечь большой костер, такой, чтобы его заметили люди в отряде. Он бросил весь хворост в огонь и едва успел отскочить назад — пламя поднялось чуть не до небес, оглушив его своим треском.

— Хараслат придет, — сказал он. — Он увидит.

— А если нет? У нас ведь не принято давать тревожные огни...

— Один раз такой огонь спас вам жизни, — оборвал его Вида. — И Хараслат слишком умен, чтобы об этом позабыть.

— Но мы не давали и тогда тревожного огня! — возразил Ракадар. — Тебе показалось, хардмар.

— Не только мне, но и всем, кто был в моем харде, — осадил его Вида.

— Может, это запалили костер рийнадрёкцы?

— Это сейчас неважно. Если Хараслат увидит, то он поймет, что это значит.

На случай, если все же придется кому-то из них ехать назад в становище, они подседлали коней и стали ждать.

— Они все ближе, — промолвил Ракадар.

Виду трясло от волнения. Теперь он уже сомневался в своем приказе. Кем он был? Всего лишь обходчим в своем лесу, а Хараслат — главным хардмаром, знавшим Гололетнюю пустошь, как свой шатер. Ведь если до него никто не зажигал тревожные огни, то вовсе не потому, что просто не догадался этого сделать.

— Дурень я! — в сердцах воскликнул он. — Ракадар! Езжай к Хараслату.

— Но обычно едет тот, кто важнее отряду, — снова воспротивился тот. — А важнее ему хардмар...

— Я приказал тебе ехать! — взревел Вида, рассерженный такой дерзостью. — А я остаюсь!

Ракадар опустил голову и побрел к Ворону, стреноженному чуть поодаль от костра. И тут же обернулся к Виде и радостно закричал:

— Они едут! Из стана! Хараслат!

— Неужели? — не поверил Вида.

— Я слышу! Я слышу топот копыт. И крики наших людей. Скоро они будут здесь, куда скорее, чем рийнадрёкцы.

И еще до того, как черное небо стало светлеть, Хараслат вместе со всеми своими воинами был на сопке.

— Мы увидели твой тревожный огонь! — сказал он, отдышавшись. — Тотчас же собрались и примчались.

Остальные оградители начали готовиться к бою, привязывать лошадей у дальних столбов, разбрасывать дымящиеся угли и проверять мечи.

— Все три харда? — разинул рот Ракадар. — Кто же остался?

— Осталось с десятков, — ответил Хараслат. — Умудь, как увидел огонь, так сказал, что воинов нужно много. Он и убедил меня взять всех.

Умудь тоже был там и деловито ходил меж воинов, объясняя и наставляя.

— Я не знаю, сколько прибудет воинов, — растерянно сказал Вида. — Я лишь хотел не тратить зря драгоценное время. Если бы там, в лесу мой спаситель припозднился хоть на вздох, то я был бы мертв.

— Мы не зажигаем огней, — сказал Хараслат, — потому что здесь мало хвороста для этого. Но коли он есть, так ты был прав.

— Они близко! — закричал Фистар, приложив ухо к земле. — Я слышу их коней!

Все позабыли и о тревожном огне, и о становище, и обо всем другом, и напряженно стали ждать непрошенных гостей.

Рийнадрёкцы пришли ровно тогда, когда и сказал Ракадар — на рассвете. Они напали на оградителей молча, словно немые тени, и бились ожесточенно и упорно. В предрассветном сумраке Вида не мог разобрать каков числом вражеский отряд, но понял, что воинов было больше, чем оградителей.

— Держать строй! — кричал Хараслат.

Валён, как и обычно, защищал отход к становищу, туда, где была дорога в Низинный Край, и где битва кипела, точно раскаленная лава.

— Ракадар! С половиной харда к Валёну! — закричал Вида.

И сам остался возле Хараслата. Бой был жесткий. В молчаливой ярости рийнадрёкцев было столько ужаса, сколько не было в криках и проклятьях оградителей.

Вида отбивался очень умело. Вся его злость наконец нашла выход наружу. Меч его звенел, обагрясь кровью врага снова и снова. Мельком Вида заметил, как бьются те хардмарины, которых он обучал ратной премудрости и облегченно выдохнул — они не посрамили своего учителя.

— За Хараслата! За нашего хардмара! — в совершеннейшей ярости выкрикнул Вида. — За Хараслата!

И дружный рёв был ему ответом.

Наконец, рийнадрёкцы стали отступать. Они понесли большие потери — почти половина их войска, с которым принесли они войну, а не мир, пала в бою. Угли, которые все тлели, пугали их коней, а ярость и неистовство оградителей не знала ни конца ни края.

— Отходим! — раздался приказ вражеского хардмара. — Назад!

Рать рассеялась, уже когда взошло солнце. И лишь в тот миг оградители увидели и своих воинов, навсегда закрывших глаза.

Крик взлетел над Гололетней пустошью, пронесшись и над живыми, и над мертвыми. Вида оглянулся, ища глазами Хараслата, с которым бился совсем близко, и онемел: главный хардмар лежал на жухлой осенней траве и глядел в небеса, такие синие и такие далекие.

— Хараслат! — закричал Вида, не веря в то, что и он не пережил эту битву.

Но это была правда. Сердце великого воина и великого хардмара больше не билось, а ухмылка сошла с его губ.

— Хараслат! — затряс его Вида и припал к груди. — Хараслат!

— Хараслат! — закричали другие оградители и оттеснили Вида от тела их хардмара.

“Умудь! — подумалось Виде. — Нужно найти его!”

И он, оставив бездыханного Хараслата с его верными хардмаринами, поспешил на поиски Умудя. Еще издали он увидел кудрявые светлые волосы Валёна и его круглое лицо, все залитое кровью. Хардмар наклонился к лежащим на земле воинам и устало качал головой.

Вида заметил Умудя, но не успел возблагодарить богов, как воин повернулся к нему и

повалился на бок.

— Умудь! — закричал Вида и бросился к другу, перепрыгивая через мертвых и раненых.

Умудь хрипел и жадно хватал ртом воздух, будто собирая все силы, чтобы сказать Виде что-то такое, что готовился он сказать всю жизнь. Вида подлетел к нему и упал на колени.

— Умудь! — Вида низко наклонился, к самому сердцу оградителя, желая передать тому все свои силы. — Что же с тобой?

Но он и сам понял. Рубаха его успела пропитаться темной густой кровью — чей-то клинок пронзил грудь оградителя за миг до победы.

Умудь собрал все силы и выдохнул, глядя прямо в глаза своему хардмару:

— Не оставь этих людей, Вида. Только ты и сможешь им помочь. Пусть все, кто живет здесь, станут твоей плотью и кровью. Только не оставляй их, не бросай. Заступись за них!

— Не брошу, — пообещал Вида.

Голос звучал все тише.

— Я знал, что ты придешь, Вида Мелесгардов, я ждал тебя много лет.

Вида вздрогнул — никогда не поминал он в отряде имени своего отца. Откуда ж Умудь знал это?

Вида нагнулся к самым губам, чтобы не пропустить ни звука.

— Ты найдешь свое счастье здесь, Вида, ты обретешь новое имя.

— Умудь... Умудь, — позвал хардмар.

— Поминай меня, как Реневана, — выдохнул Умудь и навеки закрыл глаза.

А Вида так и остался сидеть рядом с ним, держа его за руку и не веря в его смерть. Как же мог Умудь умереть? Как же мог оставить его одного?

Он с трудом поднялся с колен, не веря, не желая верить в смерть двух своих друзей.

— Хардмар! — позвали его.

Ширалам стоял рядом с ним, по привычке подкравшись сзади.

— Чего? — устало спросил он.

— Хараслат...

Вида тяжело поднялся с земли и поплелся туда, где лежал главный хардмар. Такого побоища он никогда не видал, да и, коли говорить правду, и не хотел больше видеть. Почти весь хард Хараслата был уничтожен. Потери понесли и он с Валёном, но не такие тяжелые. Оградители лежали на земле, ставшей красной от их крови.

— Умудь... — шептал Вида, не желая признавать эту горькую правду. — Хараслат!

Два его друга, его брата погибли, и он не смог их спасти. Что же станет теперь с ними со всеми, если не будет их главного хардмара и лучшего дозорного... Он хотел заплакать, но слезы почему-то не желали вытекать из его глаз.

Кругом раздавались стоны оградителей, которые были ранены, им помогали, перевязывали раны, поили водой и оттаскивали подальше от убитых братьев.

Вида собрал свой хард — семнадцать человек не досчитался он, среди которых были Каме, Чарен да Буст-гельт. Двое оградителей, которые еще недавно были врагами, погибли вместе, сражаясь спина к спине.

— Мы должны похоронить мертвых по чести, — приказал он.

Валён, услышавший его слова, возразил, зло озираясь кругом:

— Похоронить? Что ты несешь, Вида? Тут больше сотни павших и ты предлагаешь сейчас рыть для всех могилы? Мы не разобьем проклятую сухую землю! Лучше сжечь их тела!

В любой другой день Вида бы не обратил внимание на эти слова, но не сегодня. Он повернулся к Валёну и его воинам, сиротливо и жалко сгрудившимся возле своего хардмара, и сказал:

— Погибли мои братья! И я не оставлю их гнить здесь, как бродячих собак. И не обуглю их кости на костре. И ежели никто не согласится со мной, то я сам, голыми руками выкопаю эти могилы. Для всех, кто пал!

Ракадар, стоявший теперь всегда рядом с Видой, вышел вперед:

— И я буду копать.

Остальные воины из харда Виды тоже согласно закивали. А потом и воины Валёна, виновато оглядываясь на своего хардмара, присоединились к копателям.

— Хороните того, кто был вам ближе всего, — сказал Вида и направился к Умудю. Он заметил, что Ракадар вместе с Беркелейном и Уйлем подошли к телу Хараслата и бережно переложили его на расстеленный на земле плащ.

Больше Вида не отдавал приказов, а лишь упорно копал. Только сейчас слезы нашли выход из его сердца и катились по его лицу. “Умудь не мог умереть! — уверял он сам себя и в надежде то и дело прикладывал руку к его груди. — Только не Умудь! Ведь он заговоренный!”

Но когда яма — широкая и глубокая — была готова, а Умудь так и не открыл глаза, Вида понял, что его друг и взаправду покинул этот мир. Он осторожно убрал волосы с его лица, пригладил ему бороду и оправил рубаху.

— Прощай, Реневан! — сказал он и прижался к груди оградителя.

К нему подошли и другие воины, также любившие и почитавшие Умудя и помогли Виде опустить его тело в могилу. А потом голыми руками засыпали его землей — влажной от крови.

Солнце уже давно скрылось от глаз людей, глядевших в землю со смиренной готовностью. Никто не утирал слез с грубых, обветренных лиц. Никто не стыдился оплакивать своих братьев.

В том бою погибло сто четырнадцать оградителей — треть от всего отряда. Но хуже всего было не это — вместе с остальными пал и Хараслат, их главный хардмар, и Умудь, их главный дозорный.

После похорон — мрачных и тягостных, таких, после которых и самому хочется лечь в сырую землю, хардмарины вернулись в становище. И хуже этого дня Вида не знал в своей жизни.

— Хараслат покинул нас! — раздавались кругом голоса — хриплые и грубые. — Хараслат оставил свой хард!

Ракадар горевал больше всех — рабов в Койсое раз и навсегда отучали плакать, но Вида чувствовал сердцем, что на Ракадара навалилась тьма потери. Умудь выкупил его на торгах, а Хараслат сделал его свободным воином. Он считал их своей семьей, он клялся им в верности, и теперь лишился обоих. Его страданиям не было ни конца, ни края.

— Скажи, Вида, — на следующий день обратился он к своему хардмару. — Терял ли ты сразу все?

Вида горько усмехнулся про себя. Он понимал Ракадара так, будто и сам был им.

— В один миг всего лишился, — подтвердил он.

Ракадар шмыгнул носом:

— Скажи же, бывает ли такое, что мертвые возвращаются за живыми?

Он готов был умереть, только чтобы не расставаться с теми, кого любил больше жизни. Это Вида увидел в его глазах и оторопел.

— Никогда. Мертвые оставляют землю, а сами идут туда, куда нам дорога закрыта. У нас есть только одна задача — не заставить их там стыдиться нас.

Ракадар кивал, но эти слова не облегчили его страданий. Он считал, что должен был тоже умереть вместе с Хараслатом и Умудем и только по немилости богов остался жив.

Все хардмарины понимали, что они потеряли намного больше, чем просто главного хардмара. Они потеряли брата. И потерю эту нельзя восполнить, а сердца — залечить. Но и горевать вечно было нельзя. Отряду был нужен новый хардмар. И через три дня после битвы, Ширалам сообщил Виде, что отряды готовы к выборам своего нового предводителя.

— Из кого же будут выбирать? — рассеянно спросил Вида.

— Из тебя и Валёна.

Такого Вида не ждал.

— Пошли, — позвал его Фистар, заглянувший в шатер. — Сейчас начнется.

И впрямь все были готовы. Хардмарины выстроились в два ряда. Они должны были решить, кому из оставшихся хардмаров они будут подчиняться до конца своих дней.

Вида и Валён стали друг на против друга. Теперь же одному из них было суждено занять место Хараслата, при воспоминании о котором у всех оградителей увлажнились глаза. Ракадар, Ширалам и Фистар, которым повезло в том бою больше всех, ибо они не были даже ранены, стояли позади Виды, а Асда и Райм — личные телохранители Валёна, не отходили от своего предводителя. Остатки харда Хараслата сиротливо примкнули к остальным, ожидая своей участи.

Вида не знал как происходят выборы главного хардмара, но Ракадар шепнул ему, что тут все решают сами оградители — как они скажут, так так и будет.

— Валён говорит первым, — сообщил он. — А потом ты, хардмар.

— О чем же мне говорить? — развел руками Вида. Раньше он любил и умел говорить много и хорошо, а сейчас будто враз разучился.

— Ты должен будешь перетянуть их на свою сторону. Чтобы они выбрали тебя главным. Всем ясно, что нам придется еще хуже, чем раньше, ибо осталось нас чуть поболее двух сотен, а границы, которые нам нужно охранять, не уменьшились. Вот тут-то и выберут того, кто скажет правду о том, как нам дальше быть.

Хардмар кивнул, сделав вид, что все понял. Но на самом деле он мечтал лишь о том, чтобы все это оказалось лишь гадким ненастоящим сном, которой развеется словно туман, стоит ему лишь как следует захотеть.

Валён поднял руку, и толпа напряженно поглядела на него.

— Оградители! — заревел он. — Слушайте меня!

Его хардмарины поддержали своего предводителя оглушительными криками. Видины же молчали, как и те, которые раньше были в харде Хараслата.

— Потери наши страшны и невозполнимы! — начал Валён, прохаживаясь меж оградителей. — Боги прокляли нас смертью Хараслата — нашего брата и нашего хардмара! В одну ночь мы потеряли нашу надежду и нашу опору. Мы остались словно деревья без корней, птицы без крыльев и звери без зубов.

Над головами оградителей пронесся печальный вздох.

— Хараслат был лучшим из нас! Храбрейшим и опытейшим воином. Он мог то, чего не может никто. Этот отряд собрал он, отыскивая себе хардмаринов среди тех, кто даже не

думал о том, что может жить иначе. Боги отвернулись от нас, но не могло ли быть так, что сам Хараслат был богом?

Ширалам одобрительно кивнул — Валён все говорил правильно.

— А теперь мы должны жить без него, и я скажу вам, что с радостью согласился бы потерять свою правую руку и оба глаза, чем Хараслата!

Теперь даже те, кто сначала недоверчиво слушал Валёна, громко и одобрительно закричали. Хардмар сказал правду — без Хараслата было совсем плохо, и если бы увечье одного или даже всех разом могло вернуть его, то хардмарины не раздумывая пошли бы на это.

Валён, ободренный такой поддержкой, продолжил:

— Я — хардмар здесь уже два года. Я видел смерть и видел жизнь. И я не боюсь. Даже с двумя сотнями я смогу отомстить за Хараслата, уничтожив всех рийнадрёкцев в округе. Более всего на свете я жажду мести, крови за кровь моего брата!

Толпа уже кричала и потрясала кулаками над головой, мечтая о мести, как и Валён.

— Я клянусь вам, что отомщу за его гибель. Даже один, но я уничтожу его губителей!

Он не договорил, ибо крик оградителей оглушил его. Валён отошел к своим личным охранителям и сложил руки на груди, ожидая теперь услышать речь Виды.

— Давай, хардмар, — подбодрил Виду Фистар, несильно толкая в спину. — Твой хард с тобой да за тебя.

Но Вида не хотел ничего говорить. Слова Валёна запали ему в сердце, и он полностью поддерживал тех, кто желал видеть его главным хардмаром.

Вида вышел вперед, а Ракадар уткнулся ему в плечо, ожидая его речи.

— Оградители! — позвал их Вида. — Слушайте меня!

К его удивлению, оградители хоть и не сразу, но смолкли. Их неистовство было столь велико, что Вида и не думал, что они захотят услышать еще что-то кроме того, что сказал им Валён.

— Мы потеряли Хараслата и Умудя! — крикнул Вида. — Но мы потеряли и других. Тех, кто бился с ними и умер подле них. Хараслат объяснил мне, что среди нас нет хозяев и нет слуг. Что все мы равны и что жизнь или смерть каждого одинаково ценна или одинаково печальна. Мы потеряли хард воинов, которые еще вчера были среди нас, сидели рядом, заговаривали с нами и бились с нашими врагами. А теперь их нет!

Он перевел дух.

— Каждый, кто пришел сюда, уже не ждал от жизни никаких даров. Многие готовы с радостью принять смерть, но не я. Ибо я видел жизнь. И я могу сказать вам, поклясться в том, что смерть вовсе не лучше жизни. Той жизни, которую вы никогда не знали.

Ракадар разинул рот. Не таких речей он ждал от своего хардмара.

А Вида расстегнул рубаху и показал всем свои шрамы.

— Вы видели смерть, — сказал он, обращаясь ко всем сразу, — а я шел за ней. Я был почти что мертв, но вернулся, ибо жизнь ценнее смерти. Я не пойду с двумя хардами на рийнадрёкцев, как того желает Валён, ибо это значит идти напрямиком в бездну. Я ценю жизнь каждого из вас, как ценил Хараслата, Умудя и своих братьев. Я не пошлю вас на смерть, на битву с врагом, ибо нас слишком мало для мести. Я не прикажу вам умирать за тех, кто уже мертв, а призову защищать жизнь, которая еще теплится в вас самих. Это мое слово! Выбирайте.

Он, как и Валён, вернулся на свое место. А оградители стояли, не шевелясь, повторяя

его слова.

— Дивная речь, хардмар, — похвалил его Ширалам.

Асда вышел вперед и что было сил закричал:

— Кто за Валёна?

Десятки хардмаринов вышли вперед.

Вышел и Ракадар:

— Кто за Виду?

Оставшиеся подняли свои мечи над головами.

— Мы вас посчитаем, — деловито бросил Асда, тыкая каждого из сторонников Валёна пальцем в грудь, чтобы не сбиться.

— Ровно хард, — объявил он, закончив счет. — Сотня за Валёна.

Вида не сразу понял, чего так обрадовались Фистар и Ширалам, бросившись в дикий пляс вокруг него.

— Сто двадцать за Виду! — крикнул Ракадар. — Наш новый главный хардмар.

— Да здравствует новый хардмар Вида! — кричали оградители, потрясая мечами и кулаками. — Вида! Вида!

Валён подошел к Виде первым. Он не был обижен ни на Виду, ни на оградителей, выбравших того главным хардмаром. Бывший висельник, осужденный за убийство родных братьев, решил, что ему и так повезло в этой жизни.

— Не помри скоро, Вида, — пожелал ему Валён.

— Ты тоже, — промолвил Вида, еще не осознав всей правды. Оградители выбрали его, а не Валёна, хотя тот был дольше и знал их лучше. Он был таким же, как и они — преступником, сиротой и скитальцем.

— У нас двести и двадцать воинов. У Валёна сто. Значит, еще десяток должен отойти к нему. Должно быть поровну.

Такие слова всем показались справедливыми и в хард Валёна быстро перебежали недостающие для ровного счета оградители.

— Теперь же каждый может провести вечер так, как того пожелает. В честь моего избрания, я хочу открыть ту бочку с вином, что зарыл Хараслат под своим шатром.

Валён просиял.

— За это я пойду с тобой до конца, хардмар, — усмехнулся он.

А Вида подумал, что это самое малое, что он теперь может сделать для своих людей.

## Глава 12. Багровая течь

Едва Иль отперла лавку, как к ней ввалился человек в пыльном платье и забитых грязью сапогах.

— Письмо! — выдохнул он, протягивая мятую бумагу и падая на скамью. — Всю ночь скакал. Чуть коня не загнал. Госпоже лично в руки!

Иль кликнула Оглоблю и повелела ему принести гостю выпить, а сама расправила послание.

Написано было на оннарском, чьи мудреные буквы Иль еще не знала. Оглобля, к которому она обратилась за помощью, тоже пожал плечами:

— Грамоте не обучен, — отрезал он.

Вестовой, отдышавшись, привстал:

— Я могу прочесть, — предложил он и взял письмо. — “Иль из лавки “Стекло и изделия”, что в Опелейхе, в Южном Оннаре”.

— Это я! — воскликнула Иль, и кровь отлила от ее лица, когда догадалась она, от кого было послание.

— Прошло много дней, как я видел тебя в последний раз, и молю богов, чтобы за это время ты не забыла меня, ибо я вспоминаю о тебе каждый день. Письмо мое коротко: грядут бои за Гарду, бои с такими же, как и я, рийнадрёкцами, решившими захватить город! Одни боги ведают, переживу ли я эту битву или паду, защищая свой град... Если воля их будет такова, что упокоюсь я на подступах к городу, то...

— Довольно! — прервала чтеца Иль и закрыла лицо руками.

— Господин просил не ждать ответа, — сказал вестовой, вставая. — Обрато мне надо.

Иль, все так же, не отрывая от лица ладоней, кивнула.

— Я могу и на словах передать, — уже в дверях добавил вестовой.

Иль покачала головой и отвернулась, но, едва рийнадрекец покинул лавку, как она осела на пол и затряслась от рыданий.

— Хоть боги нордарские бессильны на чужой земле, — зашептала она, размазывая слезы по щекам, — но других я не знаю... Вот и прошу милости не для себя, а для другого... в сечи... Пусть обойдет его смерть, пусть просмотрит его... Пусть он живет долго, пусть воротится домой...

Дверь скрипнула, и в лавку вошли первые покупатели. Иль вскочила на ноги, вытерла мокрое лицо и приветливо улыбнулась:

— Лучшие изделия из стекла вы найдете здесь, в лавке Забена!

А сам старик, который наблюдал за Иль через щелку в двери, не мог не восхититься той силой, которая скрывалась в его юной работнице: хотя и сердце ее разбилось, словно стеклянная бутылка, гордая кера Нордара никому не желала показывать своих слез.

Только вечером, когда Забен выпроводил последнего покупателя, улыбка сползла с лица Иль и она, сославшись на усталость, ушла к себе. Недочитанное письмо она спрятала на груди и долго лежала, пытаясь подавить в себе страх за Лема, идущего на смерть.

А Уульме, который тоже не спал, вспоминал о своей прежней жизни.

\*\*\*

Забен теперь часто отпускал толкового работника в город, а Уульме всегда возвращался в срок. Он никому не говорил, почему его так тянет со двора, боясь, что дураки-подмастерья



сначала поднимут его на смех, а потом и выболтают его тайну хозяйину: на соседней с мастерской улице жила девчонка, которая очень уж нравилась Уульме. Да и она, казалось, не прочь подарить улыбку высокому красивому юноше.

Принарядившись, Уульме вышел из мастерской и, поигрывая на солнце своим кинжалом, пошел прямо, надеясь встретить смешливую Гулду возле лавки с гребнями и лентами. Так и было: юная дочка торговца красовалась у большого зеркала, выставленного наружу, и накручивала на палец прядь волос.

— Гулда! — позвал Уульме.

Та обернулась и сделала вид, что очень уж удивлена его видеть.

— Уульме! Ты здесь как оказался?

Уульме смутился. Честно сказать, что он искал встречи с ней, он не решился.

— Гулял, — коротко ответил юноша.

— И я гуляю, — надулась девица, ожидая услышать совсем другой ответ.

— Тогда пошли вместе, — предложил он и протянул ей свою руку.

Гулда, помедлив, согласилась. Шли они молча, только девушка искоса поглядывала на него, надеясь, что Уульме первым начнет разговор.

— Как твой отец? — наконец выдавил из себя молодой подмастерье. Лихо вести беседы с девицами он не умел.

— В Васку уехал, — коротко ответила ему Гулда.

— Забен тоже туда собрался. Наше стекло там влет уходит. Не успеешь выставить товар, как уже и нет его.

Он ругал сам себя за такие глупые речи, но придумать тему занятнее не мог.

— Уульме, — посреди дороги остановилась Гулда. — зачем ты приходишь ко мне? Спросить об отце?

— Нет, — отвел тот глаза.

И не успел он опомниться, как Гулда поцеловала его. За восемнадцать лет своей жизни Уульме еще ни с кем не целовался: раньше, в Низинном Крае, он и не думал о девках, а у Забена и не с кем было. Он несмело ответил Гулде, страшась, что девчонка оттолкнет его от себя.

— Дурак ты, Уульме! — прыснула Гулда, отлепившись от него. — Мелешь всякий вздор, а не дело делаешь!

Уульме покраснел.

— Прости, — проговорил он, кусая губы.

Они гуляли до самой ночи, так что Уульме едва вспомнил о том, что его ждал Забен.

— Я вернусь, как только смогу! — пообещал он Гулде на прощанье. — Нынче заказов много, но я от зари до темна работать буду, чтобы у Забена выпросить выходной.

Гулда рассмеялась.

— Возвращайся, Уульме из Северного Оннара!

Домой он летел как на крыльях. Сладкие губы Гулды, терпкий запах ее волос, веселый залиvistый смех — все заставляло его сердце биться в тысячу раз сильнее, чем обычно. Прибежав в мастерскую, он закрылся в своей крошечной комнатке и заплакал от восторга.

Прежде он и помыслить бы не мог о том, чтобы спутаться с купеческой дочкой. Нет, Уульме Мелесгардов женился бы на такой же высокородной деве, как и он сам, но сейчас он был счастлив от того, что это Гулда снизошла до него, до кабального подмастерья.

Месяц он трудился не покладая рук, месяц ждал, когда Забен снова расщедритя и

отпустит его в город, месяц он едва притрагивался к еде и питью, ибо скорая встреча со смешливой девчонкой питала его силы. А когда месяц истек, отпуск получил Оглобля.

— Ты еще сходишь! — пресек его возмущение Забен.

Вернулся Оглобля не пустой — всем он принес подарки.

— Это тебе, Уульме, — сказал он, протягивая костяной гребень.

— Откуда это у тебя? — подал голос другой подмастерье, которому тоже достался гребень.

— Так свадьба же! — пояснил Оглобля. — У соседей наших.

Уульме насторожился. Под соседями дурак-Оглобля имел в виду отца Гулды, но у той были еще три сестры, так что и свадьба могла быть у любой из них.

— Гулду замуж забрали, — крикнул Оглобля. — Отец ее надясь вернулся из Васки, а там сговорился с одним купцом. Дескать, у меня дочь, у тебя сын, чего б нам и не породниться? Воротившись, медлить не стал — быстро свадебку и сыграли. Откель у меня гребни эти — счастливый отец подарил. По обычаю, так.

Не дожидаясь, пока Оглобля закончит свой рассказ, не спрашивая разрешения у Забена, Уульме перелез через стену, спрыгнул на мостовую и побежала к дому Гулды. Окна были распахнуты, а в доме, несмотря на позднее время, горел свет и играла музыка. Пьяненькие гости плясали и пели.

Увидел он и Гулду. В красном платье, подпоясанная черным кушаком, она сидела за большим столом, а рядом с ней, гордый и счастливый, сидел ее муж.

У Уульме упало сердце. Предательства от Гулды он никак не ждал. Месяца не прошло, как полюбился ей другой, да так, что она за ним, как в омут головой.

Уульме вернулся домой и, получив пару ударов розгами за самовольный побег, лег спать.

Нет, никогда юная нордарка не вызывала в нем тех чувств, что испытывал он тогда к ветренной Гулде. Так почему ж сейчас он злится на Иль за ее любовь к Лему? Только потому, что тот из Рийнадрёка? Или потому, что, в отличие от Уульме, не стал хоронить себя заживо?

\*\*\*

Сразу после того, как Виду избрали главным хардмаром, он озаботился поиском новых оградителей в свой отряд. Даже три сотни воинов не хватало, чтобы оборонять границы, а лишившись трети, они были обречены на скорую и бесславную гибель.

Хардмар решил посоветоваться с Ракадаром и Валёном о том, где взять новых хардмаринов.

— В Койсое, — не раздумывая, ответил ему Ракадар. — Там раб стоит дешевле, чем в иных местах кусок хлеба.

— В этих и близлежащих землях бродит много разного люда — висельники, каторжники, беглые преступники, — начал Валён. — Которых не испугаешь рийнадрёкцами да жидкой похлебкой. А вот коли ты пообещаешь им свободу и оружие, то они пойдут за тобой.

Вида крепко задумался. Еще совсем недавно он бы и не помыслил о том, чтобы назвать воинами рабов и преступников, ибо глубоко презирал и тех, и других. Но здесь, в отряде он понял, что гнилое сердце может биться как в груди отступника, так и родовитого хардмара.

— Тогда решено, — кивнул он. — Я пошлю тебя в Койсой, — обратился он к Ракадару. — Ты знаешь это место и сможешь найти мне людей. Коли Валён не против, то

возьми с собой Асду в помощники.

Валён не стал спорить.

— А когда будете ехать туда и обратно, так всем и каждому рассказывайте о нашем отряде. Скажите, как есть. И если кто-то пожелает стать свободным воином и навсегда позабыть о своих прошлых грехах, то я с радостью приму его в оградители.

— Сколько нам нужно воинов? — спросил Ракадар, поднимаясь с ковров. Он не ждал, что Вида отправит в Койсой именно его.

— Много, — признался Вида. — Но милостью богов мы их найдем.

Валён одобрил его решение, и уже вечером из становища выехали Ракадар, Асда и Ширалам, чтобы исполнить хардмаров наказ и привести в отряд новых хардмаринов.

А Вида, проводив оградителей, вдруг вспомнил, что до сих пор не сообщил Персту о своем избрании в главные хардмары. Он вернулся в шатер, достал чернила и бумагу и, крикнув Фистару, чтобы никто не тревожил, засел за письмо:

“Персту Низинного Края. — вывел он на серой дрянной бумаге. — Лишь недавно вернулись мы с сопки в Бидьяд-Сольме, где бились с рийнадрёкцами, набежчиками, которые, позабыв о чести да совести, вероломно напали на оградителей. Многие так и остались там, вечными дозорными, не выпустившими оружия из рук. Но те, кто вернулись, живы, как жизнь, и пожелали видеть меня своим главным хардмаром. Теперь я отдаю приказы всему Южному оградительному отряду”.

Вида старательно вывел свою подпись — Вида, главный хардмар — свернул письмо, крепко склеил его с двух сторон и вышел из шатра.

— Отправь это Персту Низинного Края, — приказал он Уйлю, который сидел на земле и щелкал орехи.

И тот, послушно кивнув, взял письмо и пошел искать почтовых птиц.

\*\*\*

За все время, что Иль жила у Забена, она ни разу не отпросилась у старика сходить в город.

— Я — вдова, — гордо отвечала она на все предложения подмастерьев прогуляться по торговым рядам. — Мне не положено.

Шум большого града, пряные и сладкие запахи, пестрые одежды и шелковые платки, блеск сусального золота и драгоценных камней — все то, что так влекло Иль в Даиркарде, в Опелейхе перестало иметь над ней силу.

— Как же так? — причитал Коромысло. — И не надоело тебе сидеть взаперти?

Оглобля поддакивал брату:

— Света белого не видеть...

Но Иль правда расхотелось вести жизнь привольную и беззаботную, какую она вела раньше.

Даже Забен, к которому нордарская кера с первого дня прониклась уважением, не смог выкурить ее из дому.

— И не просите! — вздернула нос Иль. — Не пойду!

Вместо этого она отправила братьев-недотеп найти ей книги по оннарскому наречию и засела за правописание.

— Я и скажу, и пойму, — объясняла она Уульме, лежащему у ее ног. — Только вот букв не знаю.

Уульме лишь одобрительно кивал. А Иль, вдруг вспомнив о том, как еще совсем недавно

она мечтала говорить на иных языках и побывать в иных землях, только сейчас поняла, что желания ее, что первое, что второе, полностью сбылись. Теперь она хотела научиться читать, чтобы самой узнать, чем же заканчивалось то письмо от Лема.

Своему новому занятию Иль посвящала все свободное время: если случалось, что в лавке не толпился народ, она доставала чернила, бумагу и толстый учебник и начинала выводить извитые буквы. Хоть и не так скоро, как ей хотелось, но Иль удалось овладеть и этой премудростью — она смогла без ошибок написать свое имя.

Забен, которому она тотчас же показала надпись, похвалил ее за усердие, а его подмастерья и вовсе стояли, раззявив рты. Для них грамота была сродни сложному колдовству.

— Я, сколько ни пытался, — заныл по обыкновению Коромысло, — а все одно: завитки эти, черточки в слово у меня не складываются. Я и бросил.

— И я, — поддержал брата Оглобля.

А Иль, водрузив дощечку с именем на самое видное место, с утроенной силой взялась за письмо: очень скоро такие же таблички появились и у братьев, и у Ратки, и у Забена, и даже у Уульме — под словом “Серый” Иль пусть и не умело, но очень похоже нарисовала собаку.

Забен же, видя такую прыть, поручил Иль вести за него записи в доходных и расходных книгах.

— Глаза у меня уже не те, — пояснил он. — Буквы путаю.

И с того дня Иль значилась уже не просто лавочницей, а целым счетоводом.

— Видел бы меня брат, — то и дело вслух повторяла она. — Не поверил бы!

Она, хоть и не смела себе в этом признаться, иногда даже скучала по Иркулю — за время путешествия, а потом и работы — настоящей работы, Иль успела простить своего брата за то, что он совершил.

— Если бы он был здесь, если бы видел, как тут живут, то и сам бы стал другим. А я, если бы осталась в Нордаре, то не стала бы такой, какой стала, — рассуждала она. — Нордар отравил Иркулю, как отравил и меня...

Иногда Иль думала написать кету письмо, рассказать обо всем, что произошло с ней с того дня, как по его приказу был казнен Уульме: о ее долгой дороге в Радаринки, о жизни в Южном Оннаре, о Забене, о том, что она теперь ученая и ведет дела старика... Гнева нордарского господаря Иль не боялась — слишком уж далеко она забралась, чтобы можно было ее достать.

И в день, когда она совсем собралась послать весточку в Даиркард, в лавку зашли трое нордарцев.

— Насилу сыскали! — выдохнул один, опускаясь на скамью.

И в нем Иль узнала Бопена — торговца, нанятого Уульме.

— Далековато будет от дома, — подхватил второй, тоже присаживаясь. — Да только мастера можно здесь найти.

Иль, опасаясь, что Бопен ее опознает, бросилась за Забеном. Пусть лучше он говорит с покупателями, а она посидит в стороне, послушает их.

— Господа желают купить стекло? — проскрипел старик, становясь за прилавок.

Бопен оправил на себе халат и открыл рот. Языка он не знал.

— Я переведу, — пискнула из тени Иль не своим голосом. — Говорите!

И Бопен, ничуть не удивившись, что так далеко от дома нашелся ему толмач, начал:

— Мы прибыли из Нордара, столицы его Даиркарда, да ниспошлют боги всем жителям

его мира и благоденствия. Я — Бопен, лавочник. Долгое время я служил у мастера Уульме, иноземца, да ниспошлют ему боги милости на том свете, торговал стеклом, которое плавил хозяин. Дело свое я знаю, слов лишних не говорю, за товаром гляжу зорко. Мастер доволен был. Да и я, признаться, тоже не жаловался. Только после его смерти торговать стало нечем — стоят и лавка, и мастерская пустыми. Никому она и не нужна стала — детей мастер не оставил, а иной родни у него в Даиркарде не было. Вот я и решил дело его продолжить. Сам я со стеклом обращаться не обучен, а подмастерья, которых мастер нанял, только для грубой работы годятся — бутылки делать да круглые бусины. Я думал чем другим заняться, но понял, что бросить лавку не могу — видел я, какие красоты мастер делал, так что хлебом или камнями торговать не хочу. Хочу снова стеклянные фигурки в руках вертеть да на свет ставить, чтобы сияли они да переливались, точно алмазы. Знающие люди сказали мне, что мастера по стеклу можно здесь найти. Я и собрался. Дорога неблизкая, думал, не доедем мы. Доехали. Потолкались на базаре-то, спрашивали... Услыхали, что здесь мастера водятся. Вот и приши.

Забен, выслушав гостя, нахмурился.

— Неужто вы хотите моих мастеров к себе переманить?

Бопен потупился.

— Мы заплатим, сколько скажешь! — осторожно начал он, боясь, что старик буквально воспримет его слова и заломит слишком высокую цену. — Но без мастера мы не уедем. А его не обидим. В Даиркарде спрос на стекло велик — каждый день я слышал, как покупатели сокрушаются, что не у кого его купить. Подмастерья живут небедно. Да дом от Уульме остался — мастеру будет, где жить.

Старик кашлянул. Бопен понравился ему — хоть и вежливо он говорил с ним, но твердо.

А нордарец, видя, что суровый Забен дрогнул, добавил:

— Знающие люди сказали, что мастера у тебя вроде как в неволе живут. Вроде как долги отработывают. Мы заплатим его долг, так что в Нордар он поедет человеком свободным.

— Эй, Серый! — гаркнул Забен, и Уульме, который внимательно слушал, спрятавшись за прилавком, чуть не подпрыгнул на месте. — Зови Ратку. Скажи, пусть собирается.

И Уульме побежал во двор, радуясь тому, что дело его, которое никогда больше не придется ему продолжить, еще живо: Бопен проехал полмира, лишь бы разыскать мастера, способного оживлять стекло. Он вспомнил лавку, заставленную готовым товаром, мастерскую, в которой трудились, обливаясь потом, его подмастерья, большой низкий дом, в котором пахло соломой. Теперь Ратка, самый смышленный из работников Забена, сможет вдохнуть жизнь в мертвый песок.

— Свободен? — ахнул прибежавший в лавку Ратка, когда Забен пересказал ему слова нордарца. — В Даиркард?

— Заменишь Уульме, болван, — пояснил ему хозяин.

На следующий день Ратка, собрав свои пожитки, попрощался с Забеном, с Оглоблей и Коромыслом, несмело поклонился Иль и почесал за ухом Уульме. Нордарцы, во главе с Бопеном, топтались на улице.

— Уж не опростоволоось там! — напутствовал юношу Забен.

— Я клянусь тебе, Забен! — чуть не плача от счастья, пообещал Ратка. — Я стану мастером!

А через три дня после отъезда в далекий Нордар Ратки Иль получила еще одно письмо

из Рийнадрека: некий Чома писал о том, что по настоянию своего господина сообщает ей, что бои за Гарду прошли удачно: город спасли защитники, пусть и не все из них и вернулись живыми. Среди павших был и Лем, тела которого так и не нашли. Господин просит передать Иль, что и на том свете он будет думать о ней, как думал на этом.

Едва пробежав глазами по ровным строчкам, Иль рухнула на пол, словно срубленное дерево. Нордарские боги и впрямь оказались бессильными, раз не вняли ее молитвам и не защитили Лема в сечи. Ей захотелось закричать от боли, раздиравшей ее юное сердце, но она заставила себя молчать. Не будет она пугать Забена своим внезапным припадком — молча переживет она свое горе.

\*\*\*

Первый раз за много лет Ракадар испытывал страх. Вида послал его обратно в Койсой — то место, которое он ненавидел больше всего на свете. Семнадцать лет он был рабом — презренным и жалким, и только три года, как он стал свободным, но этого срока было мало, чтобы позабыть о всех ужасах этого проклятого богами места. Однако Ракадар понимал и то, что только он, знавший Койсой так хорошо, может помочь отряду.

Асда, который никогда не был в Койсое, лишь посмеивался про себя, глядя на волнение Ракадара.

— Послушай, койсоец! — сказал он. — Неужто ты боишься рабов в цепях?

Ракадар не ответил на его шутку, ибо понимал, что нет в мире слов, которые могли бы объяснить, что такое проклятый град рабов и их хозяев.

— Зачем Вида решил купить рабов? — снова заговорил Асда, маявшийся в дороге от скуки. — Зачем нам невольники? Никакого ведь от них проку! У них ж хребет перебит!

Но вместо Ракадара задиристому оградителю ответил Ширалам:

— Смотри, как бы и тебе его не перебили!

— А ты, что ль, в защитники нанялся? — взвился Асда.

— Не нанимался, — отрезал Ширалам. — Но и тебя терпеть не стану — вмиг мечом оприходую!

— А ну повтори! — заревел Асда, останавливая коня. — Я тебя сейчас сам на ремни нарежу!

— Заткнись, Асда! — поддержал друга Ракадар. — Я Шираламу помогу тебе бока намять, коль не утомонишься. Заткнись и едь.

Но уже Ширалам не желал молчать:

— Асде вечно все не так! Что ему ни дай, как ни поставь, он недоволен будет. А все потому, что приказы ему Вида отдает, а не Валён! Будь Валён главным хардмаром, Асда бы тут штаны обмочил от счастья-то!

Ракадар засмеялся такому точному описанию оградителя.

— Я тебе еще покажу, — злобно прошипел Асда, но огрызаться не стал — одному ему было нипочем не победить Ширалама и Ракадара, слишком хорошо владевших мечом.

К вечеру оградители стали подумывать о ночлеге. Ширалам предложил заночевать под открытым небом, но Асда, который всю жизнь скитался по большим дорогам, заверил его, что лучше добраться до постоянного двора, с хозяином которого он раньше водил знакомство.

— Ирели нас накормит. Да и возьмет с нас немного.

— Тогда ладно, — согласился Ширалам. Ракадар, которого меньше всего заботило место ночевки, тоже махнул рукой.

До постоянного двора они добрались уже полночь. Асда не солгал — он и впрямь был

знаком с хозяином — толстым, подозрительным и одноглазым. Сам дом больше походил на темницу — таким грязным, вонючим и темным он был. Но людей, из тех, кого можно увидеть на больших дорогах, на рудниках, каменоломнях и в кандалах, там было много.

— Ирели! — представил его Асда. — А это хардмарины из моего отряда.

— Рад видеть, — отвечивал Ирели, но по его виду было ясно, что он совсем и не рад. — Давно не видал тебя, Асда. Где ты был?

— Я все также бьюсь на границе, — ответил тот.

— А как Хараслат? В прошлый раз мы с ним занятно потолковали.

— Хараслат мертв, — спокойно ответил Асда и отпил вина, предложенного ему хозяином.

— Жаль, — пожал плечами Ирели. — Достойный был воин.

Он вынес своим нежданным гостям краюху хлеба, кувшин вина и с десяток вареных луковиц. Оградители сели за грязный, засиженный мухами стол и жадно начали есть.

— Нам нужно поговорить с ними, — кивнул Ширалам в сторону крикливых постояльцев разбойничьего вида, занявших самый большой стол. — Позвать их в отряд.

— Говори, — согласился Ракадар.

Ширалам, прихватив остатки вина, подошел к сидящим разбойникам.

— Мир вам, люди добрые! — гаркнул он и грохнул кувшином об стол. — Хозяин! Еще вина дорогим гостям!

Не ожидавшие такого подарка постояльцы одобрительного заревели.

— И тебе мир, добрый молодец!

Ширалам, будто был он своим в этой толпе головорезов, сел за стол. Асда, услышав, как оградитель зовет его по имени, тоже подошел познакомиться. Один Ракадар остался сидеть, где сидел и, сколько ни кликал его Ширалам, даже не повернул к нему головы.

Дешевое горькое вино после крепкой койсойской водки казалось ему водой, вокруг было грязно и шумно, винные пары ударяли в голову, а запах прогорклого свиного жира вызывал тошноту. Но не это его волновало.

— Койсой... — словно в бреду шептал Ракадар. — Только не туда. Куда угодно, но только не туда.

Он хотел упиться вином и забыться, но у него ничего не выходило.

— Вон койсойский раб! — услышал он голос Асды и вздрогнул.

Посетители как один повернули свои головы к Ракадару, а Асда, радуясь тому, что может отплатить зарвавшемуся койсойцу за все, продолжал:

— А нам нужны свободные воины, такие, как вы! Те, которые не дрожат от страха где не надо, как некоторые наши оградители...

Этого было довольно, чтобы Ракадар отшвырнул от себя пустой разнос, вскочил и заревел:

— Я убью тебя, Асда, за эти слова!

И бросился на обидчика.

Все повскакивали со своих мест, не меньше Асды пораженные такой переменной.

— Давай, Асда, подходи! Иди сюда, коль не боишься!

— Ракадар! — попытался остановить друга Ширалам. — Сядь!

Но Ракадар уже закусил удила и не желал останавливаться.

Асда вытащил меч и сделал шаг навстречу Ракадару. Не успел он понять, что случилось, как быстрый койсоец дернулся к нему и одним ударом выбил из него дух.

— Ну? — взревел Ракадар, оглядывая остальных. — Кто следующий?

— Никакой крови! — завопил Ирели, подскакивая к лежащему на полу Асде. — Иначе ни один из вашего вшивого отряда больше и крошки не получит!

— Ракадар! — взмолился Ширалам. — Остановись!

— Мы с тобой потом договорим, — презрительно бросил Асде Ракадар и сел на место.

Один из новых знакомцев Ширалама встал и подошел к Ракадару:

— Это у вас учат так драться? Тогда я хочу к вам.

— Этот хардмарин дерется как зверь! — восхищенно сказал второй. — Я бы тоже пошел...

— Рабы так не бьются, — согласился третий.

Об Асде все позабыли, словно его и не было. А Ракадара признали за главного.

— Когда ты будешь возвращаться назад, то мы соберем тебе свой отряд. Мы поедем с тобой на границы и присягнем твоему хардмару.

— Да будет так, — кивнул Ракадар.

И наутро они отправились в путь.

\*\*\*

В Угомлике жизнь мало-помалу входила в свою колею. После отъезда Виды на всех его обитателей, казалось, опустилась тьма и только сейчас она начала рассеиваться. Не получив от сына письма, но узнав лично от сопровождавшего обоз телохранителя о том, что Вида жив и здоров, Зора хоть немного успокоилась и с новыми силами принялась руководить заготовкой припасов не только, как раньше, для угомликцев, но теперь уже и для оградителей.

Несмотря на то, что урожай в этом году собрали богатый, о прежнем расточительстве нужно было позабыть — теперь, после того, как запасы в кладовых были уполовинены, Мелесгард решил больше не устраивать пиров и богатых празднеств.

— До весны протянем, — без всякого сожаления согласилась с ним Зора.

В Стрелавице она продала свое жемчужное кольцо, перстни с драгоценными камнями и золотые тяжелые цепочки, а на вырученные деньги купила у охотников еще мяса, а у крестьян — зерна.

— Сын мой не будет голодать, — то и дело повторяла она, глядя, как слуги доверху набивают повозки мешками с мукой.

Будь ее воля, она с радостью отдала бы оградителям и сам Угомлик со всем его убранством, если б это могло спасти Виду от опасности. К следующему сбору она решила снова написать сыну письмо, пусть и оно останется без ответа.

Ойка, которая шила теперь новые рубахи из привезенного из Олеймана сукна, почти не покидала своих покоев, лишь изредка встречаясь с Хольме Къелепдаровым в беседке. Трикке успел возненавидеть Хольме всей душой и отчаянно желал тому сломать ногу по дороге в Угомлик. Но, несмотря на давешнюю размолвку, их дружба с Ойкой крепла день ото дня.

— Скоро зима, — как-то сказал Трикке, подходя вместе с Ойкой к самому обрыву, туда, откуда весь Низинный Край был виден как на ладони. — Скоро обход. Не знаешь, кто его возглавит?

По правилам, главным обходчим все еще был Вида и сохранял он свою должность вплоть до весны, до того дня, когда объявят нового господаря над охотниками. Но в нынешние времена все понимали, что больше Виде не придется никого вести в лес и надобно найти ему замену.



— Знаю, — замылась Ойка, словно думая, говорить или нет. — Должность отдадут Хольме.

— Хольме? — вскричал Трикке.

— Да. Только он пока сам об этом не знает.

Трикке хотел было спросить, откуда тогда об этом узнала Ойка, но не успел — его окликнул подошедший сзади Ванора:

— Отец дома? У меня к нему важные вести!

— Вида! — всплеснула руками Ойка и бросилась навстречу обходчому. — Что с ним?

— Бой на границе, — коротко сказал Ванора. — Главный хардмар убит. Теперь Вида верховодит оградительным отрядом.

Ойка прижала руки к груди и заплакала, но не от горя — от гордости. И сердце Трикке вновь пронзила зависть к брату, которая лишь недавно начала утихать. Образ Виды, смелого и удачливого, встал перед ним будто живьем. Находясь так далеко, он все равно сумел его обойти!

— Пойду поищу отца, — бросил он Ваноре и, не глядя на Ойку, всхлипывающую на груди у охотника, пошел обратно в замок.

Но не только Трикке не был рад новому назначению Виды: Бьиралла, едва узнав от отца о письме с границ, впала в ярость.

— Папочка! — запричитала она, бросаясь тому на грудь. — Ты видишь? Видишь? Где воля богов? Ты говорил, что Вида не протянет и месяца на границах! А он не только не помер, но еще и стал главным в отряде!

Перст в который раз попытался вразумить строптивую дочь:

— Главному хардмару приходится хуже, чем простому хардмарину...

— Нет! — выкрикнула Бьиралла. — Не приходится!

Она ненавидела Виду Мелесгардова всей душой и искренне желала ему скорой смерти.

— Не заживется он на границе, — начал объяснять ей отец. — Голодно там, холодно, опасно...

Бьиралла отстранилась от отца и, прижав руку к губам, тихо промолвила:

— Я думала, ты любишь меня, отец, но ты любишь Виду. Что ж, если в твоём сердце нет для меня места, я умру... Я убью себя, я отправлюсь в лес одна и останусь там навсегда...

Перст не на шутку испугался. Бьиралла говорила не как раньше — в её голосе звучала решимость и впрямь совершить то, что она пообещала сделать.

И Перст сдался.

— Я накажу его, — сообщил он дочери, ненавидя себя за мелочность и страх. Но жизнь Бьираллы была для него ценнее совести, ценнее жизни даже тысячи таких, как Вида Мелесгардов.

Во дворе толпились слуги, разгружающие повозки, присланные из Угомлика Мелесгардом. Не сегодня так завтра Перст собирался отправить обозы с едой, платьем и утварью на границы. Решение пришло само собой:

— Эй! — позвал он слугу, стоявшему у входа в его покои. — Спустись вниз да от моего имени прикажи нести все в кладовые.

Раз Бьиралла так просит, он исполнит её волю. Пока Вида в отряде, оградители не получают ни крошки. Перст справедливо решил, что озверевшие от голода хардмарины, едва узнают, по чьей вине они не получили свой кусок, сами прибьют своего хардмара. Владыка Низинного Края был наслышан о людях, служивших на границе, а потому и не сомневался,

что преступники и отщепенцы, собранные там, по другому и не поступят.

— Прости, Мелесгард, — прошептал он, вспоминая своего лучшего друга. — Но я не могу иначе.

И, решив порадовать любимую дочь, Перст отправил Бьираллу в Неммит-Сор, где она быстро снискала себе славу самой красивой невесты окреста. Лучшие женихи сватались к ней, дурея от любви к прекрасной Бьиралле, а она, почувствовав себя снова самой желанной, милостиво разрешала им любить себя. Очень скоро она позабыла о Виде и его отряде, не зная, что ее отец обладал памятью куда как более цепкой, чем ее собственная.

\*\*\*

Еще до того, как вдали показались серые стены Койсой, Ракадар унюхал такой знакомый запах.

— Что за вонь? — спросил Ширалам, закрывая лицо рукой.

— Запах рабов, — мрачно ответил Ракадар.

— Выгребная яма и то пахнет лучше! — сморщился Асда. После драки на постоялом дворе он старался держаться от койсойца подальше и не вступать с ним в лишние разговоры.

— А ты не нюхай! — посоветовал Ракадар и поехал вперед, чтобы ни Асда, ни Ширалам не заметили, как сильно он боится вновь встретиться со своим прошлым.

От ворот города тянулась длинная очередь из тех, кто приехал в Койсой за живым товаром. Рослые стражники спрашивали у каждого прибывшего имя торговца, а Ракадар, который, даже стоя в самом конце, без труда различал знакомые имена, с ненавистью вопрошал себя, почему этих нелюдей не берет никакая хворь.

Очередь двигалась быстро — город жил за счет тех, кому нужны были невольники, а потому стражники не чинили никаких препятствий для въезда в Койсой.

Ширалам, держась как можно ближе к Ракадару, украдкой оглядывал толпу. Многие, как и он, морщились от едкой вони и зажимали нос руками, но были и те, кто спокойно ждал своего часа, не выказывая ни малейшего недовольствия. Они перебрасывались шуточками со старыми знакомыми, обсуждали дела, передавали женам да детям друг друга приветы и теплые пожелания, словом, вели себя так, как ведет обычный человек на обычной ярмарке.

— Сколько еще ждать? — сдавленно спросил Асда. — Я не могу больше терпеть эту вонь!

Наконец, наступил их черед.

— Имя? — не глядя на Ракадара, спросил стражник.

— Цернет, — едва выдавил из себя Ракадар, борясь с желанием повернуть назад и скакать во весь опор, пока конь не упадет под ним замертво, только бы оказаться подальше от этого места.

— Сколько вас?

— Трое, — ответил Ширалам, увидев, как сложно стали даваться Ракадару даже простые слова. — Мы из Южного оградительного отряда, что в Северном Оннаре.

— Проезжайте, — одобрил оградителей стражник и пропустил их вперед.

Койсой встретил Ракадара именно так, как он и думал — волной густого серого смрада, стонами несчастных рабов, предсмертным хрипом умирающих, дребезжанием жирных мух, криками надсмотрщиков, свистом плетей, ржанием коней и смехом покупателей.

— Как ты мог жить здесь? — спросил ехавший позади него Ширалам, в ужасе оглядываясь по сторонам.

— Тут никто и не живет, — не своим голосом ответил Ракадар. — Тут все мертвецы.

Он услышал, как позади него Асду вырвало на дорогу, но даже не смог порадоваться слабости заносчивого южанина. Слишком уж сильно он сам ненавидел и боялся Койсой, чтобы за те же чувства насмеяться над другим.

— Рабами торгуют там, — махнул он рукой в сторону большой площади. — Спешиваемся.

И спрыгнул с Ворона, одуревшего не меньше хозяина от запаха гнилья, которым был пропитан Койсой.

— Что это... Спасите же боги! — прошептал Ширалам, когда они дошли до торговых рядов.

Рабы, молодые, старые, совсем еще юные, стояли на каменных тумбах и безучастно глядели на мир пустыми темными глазами. Лица почти всех были в кровавых подтеках, на спинах гноились незаживающие следы от плеток, а запястья несчастных были стертые в мясо железными оковами. Некоторые одними губами шептали молитвы, другие — отупело раскачивались на месте, третьи — безмолвно разевали беззубые рты. Рядом с ними в тени навесов сидели торговцы, на все лады расхваливавшие свой товар.

— Рийнадрекцы! Пять шгук!

— Всгорские дикари! Пожалуйте сюда, господа!

— Дарларцы! Только вчера прибыли!

Ракадар узнал себя в тысячах обреченных, выставленных на продажу, и едва не потерял сознание.

— Ракадар! — шепотом позвал друга Ширалам, хватая того за руку. — Нам нужно быстрее уносить отсюда ноги!

Асда стоял как вкопанный и не мигая глядел на то, как грузный надсмотрщик кастетом ломает лицо одному из несчастных.

— Нам туда! — сглотнув, сказал Ракадар и на негнущихся ногах побрел в дальнюю часть рынка, где, как он знал, выставляли самых негодных к работе невольников. Ширалам двинул следом.

— Господа! — позвал их один из торговцев. — Господа, что желаете?

Ракадар поглядел скованных одной цепью рабов, босиком стоявших на накаленной солнцем земле, и остановился.

— Кто это? — спросил он торговца.

— Ксененжские свиньи, — ответил хозяин. — Задарма отдаю.

Один из пленников, услышав их разговор, поднял голову и просвистел что-то на своем языке.

— Сколько?

— Десяток есть. Мера серебра за всех. Дрянной товар, больше ни в жисть не свяжусь с этим поганым племенем!

Нагнавший оградителей Асда прислонился к большому столбу и закрыл глаза.

— А еще кто есть? — подал голос Ширалам, справедливо считая, что десяти бойцов им никак не хватит, чтобы восполнить потери оградительного отряда.

— Ксененежичи есть еще там, — махнул рукой торговец в сторону самых дальних рядов. — Тоже почти даром. Но даже такой цены они не стоят — дохнут, как мухи. Могу предложить беглых южан. Они хоть и дороже стоят, но куда как выносливее. И работать могут, и жрать особенно не просят.

Ракадар, в отличие от своих спутников, даже не удивился тому, как буднично рассказывает о преимуществах одних невольников над другими торговцев. И его так когда-то представляли Умудю.

— Беру ксененежичей, — наконец ответил Ракадар. — А южане где?

— Три ряда отсюда. Там вам сразу покажут.

И, почти отечески улыбнувшись оградителям, добавил:

— Зять мой мое дело продолжает. Хороший малый. Товар у него всегда — загляденье.

Даже обычно скабрезного Асду передернуло от такой похвалы, а уж у Ракадара и вовсе все поплыло перед глазами.

— Приведи всех ксененежичей сюда. Дай им воды, — приказал он торговцу, отсчитывая монеты. — И прикрой им срам! Ехать нам далече.

— Как скажете, дорогой господин! — снова улыбнулся торговец и, подозвав к себе рослого детину, что-то прошептал тому на ухо.

— Все? — дернул Ракадара за рукав Ширалам. Оградителю не терпелось как можно скорее покинуть Койсой и никогда даже о нем не вспоминать. — Мы закончили?

Ракадар и сам не знал, почему вместо того, чтобы кивнуть, замотал головой.

— Караульте пленников, а я должен кое-кого навестить.

И, пока разум не взял верх над огнем вспыхнувшим в его груди желанием мести, он побежал по кривым, скользким от человеческих нечистот улочкам туда, где жил его бывший хозяин.

Еще издали Ракадар увидел серый каменный дом, возвышающийся над низкими деревянными лавками. Он остановился и долго смотрел на него, не решаясь подойти ближе. Наконец, собравшись с духом, Ракадар зашел внутрь.

— Эй! — обратился Ракадар к рабу в широком ошейнике, скоблившему каменные ступени. — Где твой господин?

Раб поднял глаза — мертвые и бесцветные, как и у самого Ракадара, и сказал:

— Он в беседке, господин. Вместе с Крокотуном, господин.

И снова начал тереть лестницу.

“Крокотун!” — повторил Ракадар про себя давно забытое имя. — “Хозяин того страшного скильда...”

— Проводи меня к нему, скажи, что я желаю купить у него людей.

Раб отложил щетку и, шаркая ногами, поплелся прочь, оставив Ракадара ждать на лестнице.

“Зачем ты пришел? Уходи! Уходи сейчас же!” — уговаривал он сам себя, содрогаясь от страшных воспоминаний. Что он скажет хозяину? Чего ждет от него?

— Господин готов вас принять, — бесстрастно объявил вернувшийся раб. — Следуйте за мной, господин. Он во дворе.

Цернет, маленький, толстый, с пухлыми изящными ручками и мягким скошенным подбородком, совсем не походил на злодея, но у Ракадара кровь застыла в жилах, когда он увидел знакомое лицо. Крокотун, чуть повыше да помястее, сидел рядом, обмахивая себя платком. Двое телохранителей стояли по бокам от своих господ, готовые в любой миг расправиться с каждым, кто замыслит учить их хозяевам вред.

— Господин? — Цернет привстал на подушках, завидев покупателя. — Рад служить, господин!

Ни нищее платье оградителя, ни вытертые сапоги, ни заляпанный грязью выцветший

плащ не умерили любезности торговца. Цернет давно жил на свете и знал, что иной раз на вид бедняк, а расплатится золотом, а богач не расстанется и с медяком.

“Все такой же!” — подумалось Ракадару.

— Я от хардмара Хараслата, — начал он, опустив голову и стараясь по привычке не смотреть Цернету в глаза. — Южный оградительный отряд...

— Хараслат! — сразу вспомнил торговец. В прошлый раз Хараслат, не торгуясь, заплатил втридорога за какого-то ничтожного мальчишку, а это качество Цернет ценил в людях больше остальных. — У меня есть товар, способный удовлетворить любого покупателя.

Глаза Ракадара защипало от слез. Он перестал быть оградителем, свободным воином, а снова стал затравленным бесправным рабом.

— Хараслат, — начал он и голос его сорвался. — Хараслат просил купить кого-то, кто был похож на того юношу, что ты продал ему в прошлый раз...

Цернет покачал головой:

— Одни боги ведают, кого я там продал. Какого-то заморыша, который, поди, давно издох. Но если ты напомнишь мне, каким он был, то я найду Хараслату с сотню таких. А то и куда как лучше. А по случаю того, что он предпочитает мой товар любому другому, то уступлю в цене. Я всегда служу достойным покупателям.

— А ты вспомни, господин, — прошептал Ракадар. — Его имя...

Цернет развел руками:

— Ты должно быть шутишь, господин? Я продавал и покупал тысячами, где ж мне всех знать?

— Эй! — позвал Крокотун проходившего мимо раба. — Принеси еще вина!

Ракадар, услышав приказ, бросился исполнять его волю и только на полпути к дому, словно очнувшись от морока, остановился и поворотил назад.

— Ты какой-то чудной, господин! — совсем не так любезно, как в начале, обратился к нему Цернет. — Уж не тебя ли я продал тогда Хараслату?

Не дождавшись ответа от онемевшего Ракадара, Цернет продолжил:

— Вот как бывает, был рабом, а теперь сам рабов покупаешь... Все вы одинаковые — когда в кандалах, так проклинаете, а как получили свободу, так первым делом сюда господами едете, чтобы уже себе людей купить...

Цернет обошел своего бывшего раба кругом, а Ракадар по привычке сжался в комок, ожидая от хозяина удара.

— Не бойся, — засмеялся Цернет, в шутку замахиваясь на оградителя и глядя на то, как он закрывает голову руками. — Не трону!

Телохранители, глядевшие на то, как их хозяин изгаляется над покупателем, тоже засмеялись.

Ракадар закрыл глаза.

— Я не в Койсое! — прошептал он. — Я дома, я в оградительном отряде...

— Что ты бормочешь? — переспросил Цернет.

Ракадар вспомнил Виду, пославшего его сюда. Вида бы не дрожал здесь от страха, Вида бы не дал над собой насмехаться!

— Я не раб, — произнес Ракадар, открывая глаза. — Я — хардмарин Южного оградительного отряда! И я вернулся за твоей головой!

Никто даже понять не успел, что случилось — молнией сверкнул меч Ракадара и

ужалил Цернета в самое сердце. Подоспевших на помощь телохранителей, умевших ломать кости безоружным замороженным пленникам, но ни разу не встречавшихся лицом к лицу с настоящим воином, Ракадар убил на месте. Крокотун дернулся было вон из беседки, но и его настиг верткий оградитель.

— Запомни мое имя, — прошипел Ракадар, опускаясь на колени перед поверженным Цернетом. — Меня зовут Ракадар!

И он оставил его истекать кровью.

— Где же ты был? — бросился к Ракадару обеспокоенный его долгим отсутствием Ширалам. — Мы извелись на этом пекле!

— Уходим, — только и сказал Ракадар и вскочил на заждавшегося хозяина Ворона.

Он сам не верил в то, что только что совершил. Он отомстил! Отомстил за себя и за тысяч других несчастных, чью кровь годами пил Цернет. Вида бы гордился им!

И от этой мысли лицо Ракарада расплылось в довольной улыбке.

Рабы, увидавшие своих господ и их телохранителей, не сразу подняли тревогу — только глубокой ночью, когда тела злодеев остыли, они сообщили страже. Все ненавидели и Цернета и Крокотуна и их смерть посчитали великим благом.

— Будь они прокляты! — говорили они друг другу. — Счастья тому, кто их убил!

\*\*\*

Когда Койсой остался далеко позади, оградители остановились. На выезде из города Ширалам на последние деньги купил у торговца мешок сухарей и теперь раздавал их пленникам.

— Жри, — приговаривал он, обходя каждого. — А то еще сдохнешь с голодухи.

Несчастные, кланялись ему, бормотали что-то на своем языке и с благодарностью брали скудное угощение.

— Эй! — обратился Ширалам сразу ко всем. — Вы меня понимаете? Понимаете по-оннарски?

Но никто ему не ответил.

— Поговори с ними! — приказал он Ракадару. — Скажи им что-нибудь!

— Зачем? — спросил тот, стараясь даже не смотреть в сторону рабов.

— Ты знаешь их язык, ты ведь койсоец!

— Я-то да, — огрызнулся Ракадар, — а они — ксененежичи!

— Как тогда Вида будет отдавать им приказы, если они ни слова по-нашему не знают? Что мы ему скажем?

Один из пленников уставился на Ширалама, но едва тот повернулся к нему, как сразу отвел глаза.

Асда, которому тоже пленные ксененежичи не нравились, добавил:

— Ты поглянь на них! Кости одни гремят! Ни один из них меча даже не поднимет! Хороших ты выбрал хардмаринов, Ракадар, ничего не скажешь!

Оба они как-то позабыли о том, что виноват в покупке таких негодных воинов был не Ракадар, а пустой кошель, с которым Вида отправил их в Койсой.

— А ты будто лучше? — вскипел Ракадар. — Иди и найди отряду приличных бойцов, раз такой умный!

— Я и найду! — процедил Асда. — Я своему хардмару служу на совесть!

Хуже любого оскорбления для Ракадара был упрек в том, что он подвел Вида. Койсоец опустил на землю и закрыл лицо руками. Как он теперь посмотрит в глаза Виде? Как

объяснится?

— Ракадар? — позвал его Ширалам. — Надо двигать! Ночь наступает.

Ракадар кивнул, вскочил в седло и они продолжили свой путь.

Уже поздней ночью, остановившись на ночлег, Ширалам и Асда заспорили, кто из них троих будет сторожить пленников.

— Будем меняться, — предложил Асда. — Сначала я, потом ты, потом Ракадар...

— Я не буду! — наотрез отказался койсоец.

— Это еще почему? — рассердился Асда.

— Нечего их сторожить. Не сбегут. Хребет перебит.

И он, расстелив на голой земле свой плащ, крепко уснул.

\*\*\*

Обратный путь занял почти вдвое больше времени, но оградители, находясь бок о бок с пленниками, ни разу с ними даже не заговорили, да и тех, казалось, совершенно не волновало, кем были люди, выкупившие их, и куда они их вели. Молча шли они целый день, молча ели свой сухарь, молча укладывались спать.

Только через двадцать дней пути оградители подошли к дому Ирели. Хозяин встретил их куда радушнее, чем в первый раз, ибо после боя Ракадара с Асдой, который закончился прежде, чем начался, к нему валом повалил народ, желавший послушать, как на самом деле все было.

— Этот парень-оградитель дрался как герой из сказаний прошлого! — восторженно рассказывали те, кто видели Ракадара своими глазами. — Он невиданной силы и еще большего умения.

Не только зеваки собирались у Ирели, но и те, кто, прослышав об отряде, сами захотели стать оградителями.

— Мы будем воинами! — говорили они, падая от усталости у порога Ирели и отдавая последние деньги за чашу самого дурного вина. — И мы будем ждать того, кто нас туда отведет.

— Что ж, ждите, коли есть охота, — усмехался хозяин, пересчитывая монеты. — Я не гоню.

Оставив скованных пленников во дворе, оградители вошли вовнутрь.

— Тут тебя спрашивали, — обратился к Ракадару Ирели. — Говорят, в отряд хотят.

— Правда? — посветлел лицом Ракадар. — И где ж они?

— Снаружи ждут.

Ширалам и Асда переглянулись. Что ж, приведя с собой крепких бойцов, они смогут загладить свою вину перед Видой.

Поев и выпив, оградители вернулись к новым хардмаринам, сидевшим под большим деревом и жующим еще теплый хлеб. Ирели в благодарность за новых постояльцев расщедрился настолько, что приказал накормить и их.

К Ракадару подошли двое северян — грязных и усталых.

— Это ты тот воин, который набирает себе бойцов? — просил один из них.

— Я, — подтвердил Ракадар.

— Тогда мы с тобой, коли тебе нужны такие воины, как мы.

— Это решать не мне, — сказал Ракадар, — а моему хардмару. Но он вас не прогонит.

— Тогда по рукам, — сказали северяне и отошли.

И наутро почти целый хард будущих оградителей направился обратно к границе, туда,

где ждал их Вида, не находя себе места от тревоги.

Ракадар приехал в становище первым. Ворон был весь в белой пушистой пене, да и сам всадник выглядел не лучше.

— Скоро сюда придут новые оградители! — обрадовал он Вида. — Ширалам и Асда ведут их, а я поскакал сюда, чтобы тебя предупредить.

Вида отложил карты и бумаги, которые внимательно изучал, и пошел вслед за Ракадаром. Вот и наступил день, когда он действительно стал на место Хараслата.

— Я уж старался выбрать на совесть, — заверил его Ракадар. — И самому-то не верилось — раньше я ж жил рабом в Койсое, а теперь вернулся туда покупателем! В жизни бы не поверил, что такое бывает.

— Хватило ли тебе денег? — спросил Вида.

Ракадар помрачнел.

— Я-то ходил по тем рядам, где продают самых дешевых, а туда, где держат редкий товар — даже не совался. Не по моему кошелю расход.

— Без тебя мы бы не нашли людей, — поблагодарил его Вида.

Хардмар совсем не лукавил. Он ни разу не был в Койсое, но знал, что в мире нет такой силы, которая заставила бы его туда поехать и покупать на торгах людей.

Ракадар лишь кивнул и вместе с остальными оградителями, Видой и Валёном стал ждать. Не успел он досчитать до сотни, как в становище пришли Асда и Ширалам, ведя за собой новых оградителей. Некоторые были скованы одной цепью — рабы с торгов, понял Вида. Из Койсоа, который так ненавидел Ракадар. Другие пришли сами и теперь настороженно и злобно озирались по сторонам, держа в руках ножи. Были и те, кто уже ничего не ждал от службы в отряде. Они стояли, сгорбив плечи и опустив глаза в землю, безучастные, молчаливые.

— Приветствую оградителей! — крикнул Вида, взобравшись на пустую бочку, как на помост. — Надеюсь, вы найдете здесь то, что искали!

— Слишком уж добро, — пожурил его Валён. — Нечего с ними миловаться.

Но Вида не слушал его. Он знал, что гостей, пусть и таких, как эти люди, нужно было сначала напоить и накормить, оказать радушный прием, и уж потом говорить с ними о делах да отдавать приказы.

— Я — Вида, — продолжил он, — хардмар этого отряда. И я ищу для себя новых воинов.

Один из тех, что был в кандалах, поднял голову и просвистел, плохо выговаривая оннарские слова:

— Ты, видать, ошибся в нас, но здесь нет воинов, одни рабы.

Асда с размаху ударил его в живот, так, что говоривший, упал на колени, беззвучно раскрывая рот.

— Не трогать! — заорал Вида. — Никого не бить! Здесь все — наши гости. И мы окажем им почет и уважение. Вставай! — обратился он к рабу.

Того подняли на ноги.

— Расковать их! — коротко приказал Вида. — Пока я и впрямь говорю лишь с рабами, а мне нужны свободные воины.

Ширалам достал ключи, которые хранил в сапоге, и начал медленно расковывать рабов. Вида ждал, что как только пленники почувют, что больше не связаны друг с другом, то попытаются бежать или напасть на оградителей, но этого не произошло. Рабы стояли перед



ним, не шелохнувшись, не подняв глаз от земли.

— Дорога была долгой, — продолжил Вида. — И вы устали. Разделите же с нами то, чем оделили нас боги, а потом и поговорим.

— И мы? — вдруг спросил один из тех, кто пришел по своей воле. Это был крупный лысоватый всгорец, с маленькими глазками и очень опасным ножом, которым он умело пользовался.

— И вы, — подтвердил Вида. — Оградители!

Его воины опустили руки на рукояти своих мечей, ожидая приказа.

— Проводите наших гостей в свои шатры. И угостите их всем тем, что есть в наших казанах.

Совсем не такого приема ждали и его люди, и пришлаки. Последние неверяще оглядываясь, ожидая удара в спину. Но хардмарины Виды, давно привыкнув к странностям своего хардмара, лишь вздохнули и начали расходиться по шатрам, подзывая остальных.

— Ракадар! Асда! Уйль! — позвал Вида. — Поглядите, чтобы не было драки. Кровь мне не нужна.

Все три хардмарина согласно кивнули и разошлись по шатрам. А Вида с Валёном остались на лобном месте, чтобы решить, как им быть дальше.

— Эти люди должны здесь остаться. Должны служить мне по доброй воле.

Валён почесал светлую кудрявую голову.

— О какой воле ты говоришь, хардмар? Ее у них нет. Им нужен кусок хлеба да пара крепких сапог. Накормишь их, обуешь, оденешь, и они умрут за тебя.

Виде такой совет совсем не понравился, но спорить он не стал.

— А койсойцы?

— Они уж тем более, — усмехнулся Валён и, немного помолчав, добавил: — Меня приговорили к виселице за убийство. Меня должны были казнить поутру, но я сумел сбежать. Знаешь почему? Дух мой не был сломлен пытками. И я благодарю богов, что меня приговорили к смерти, а не к пожизненной каторге, иначе я был бы таким же, как и эти люди. Живым снаружи, но мертвым внутри.

— Я понял тебя, — кивнул Вида.

Они постояли еще немного, решая, куда поселить пришлаков и как их всех прокормить. Вскоре к ним подошел Ракадар и сообщил, что и оградители, и гости поели и теперь самое время начать разговор.

— Сейчас ты выберешь воинов в свой хард, а я — в свой, — сказал Вида Валёну.

Все собрались на том же месте, только гости уже не глядели зло и недоверчиво. Похлебка, хлеб и вино сблизили многих гораздо быстрее и лучше, чем долгие разговоры. Да и сами оградители перестали презрительно коситься на новых братьев.

— Я рад, что могу принять вас так, как принимали гостей у меня дома! — громогласно начал Вида. — Еда да питье — лучшие друзья любого охотника, как говорят в Низинном Крае.

Многие засмеялись.

— А теперь я скажу вам о том, зачем выкупил вас на торгах и зачем мои люди позвали вас сюда. Этот отряд — единственный заслон между Северным Оннаром и Рийнадрёком. Живой стеной стоим мы, охраняя покой государства и отбрасывая отряды набегчиков от наших границ. Последняя наша битва была не столь удачна, как прежние, и мы потеряли хард наших воинов. наших братьев.

У Виды увлажнились глаза, когда он вспомнил Умудя и Хараслата.

— Наш отряд невелик, не чета многотысячным войскам, но зато здесь нет слуг и нет господ. Здесь нет рабов и нет их хозяев. Мы все тут друг другу братья, готовые отдать жизнь за того, кто рядом. Мы бьемся с врагом и гибнем на границах, но такая смерть лучше смерти в пьяной трактирной драке или на большой дороге от рук разбойников, лучше смерти в кандалах и от плетей. Ибо умирать легче, когда вокруг друзья, а не враги.

Ему вспомнился лес и волки, которые готовы были убить его. И то, с какой надеждой забилось его сердце, когда он понял, что имеет союзника и друга в той битве с волками.

— Вы найдете здесь то, что дороже золота, что сильнее славы, что крепче тверди земной. Оставайтесь здесь, клянитесь мне и служите господарю Северного Оннара верой и правдой, и я обещаю вам, что отныне и навсегда вы позабудете ту жизнь, что вели раньше! Станьте свободными людьми и свободными воинами, добывающими честь в бою, и я поклянусь вам, что никто не вернется в рабство, в темницы или в кандалы. Я не казню никого! Здесь нет плетей и палачей. Здесь братья!

Вида закашлялся и не договорил.

— Ты купил наши жизни, — подал голос все тот же раб, что говорил с ним раньше. — Ты наш хозяин, хочешь ты этого или нет. Мне не нужны ни твои милости, ни жалость. Я заслужу свободу своими делами, и лишь потом уйду отсюда.

— Как тебя зовут? — спросил Вида, пораженный такими речами.

— Керел, — ответил тот. — Керел Обдомар.

Раньше Вида часто спрашивал себя, как Хараслат с первого взгляда понял, что перед ним был стоящий воин, а не необученный босьяк? А теперь, став главным хардмаром, он и сам научился различать людей. Этот раб, что так нахально скалил зубы и дерзко отвечал на вопросы, был не похож остальных, которые давно потеряли человеческий облик.

— Валён! — указал Вида на тех, кто пришли в отряд по доброй воле и теперь кучкой стояли по его левую руку. — Поговори с ними.

Валён кивнул.

— Керел, — обратился Вида к койсойцу, — а ты иди за мной.

Койсоец, победно окинув всех взглядом, грузно зашагал вслед за Видой.

Хардмар привел его в свой шатер.

— Располагайся, — сказал он. — И расскажи о себе.

Керел откинулся на подушках.

— Что ты хочешь знать обо мне, хардмар? — нагло спросил он Виду.

— Все, что захочешь мне поведать, — ответил Вида.

— Нет ли у тебя чего, чем мог бы я смазать горло? Рассказ-то получится длинным.

— Позади тебя есть бутылка из черного стекла. Там водка.

— Благодарствую, хардмар, — поднял он бутылку и сделал глоток. — Койсойская!

Вида усмехнулся.

— Раньше я думал, что дряннее напитка еще не придумали в этом мире, теперь что в рот не возьму, так все водой кажется.

Керел расхохотался — ему сразу расхотелось нагличать и дерзить. Такой хардмар ему нравился.

— Я — знахарь, — начал он без всяких предисловий. — И ксененежич. Обучался лечебному делу аж в самом Опелейхе. Оттуда и выучил ваш язык.

— Ксененежич? — спросил Вида. Он был наслышан об этом племени от Асды.

Керел кивнул.

— Хочешь узнать, как я оказался в Койсое, верно? Я скажу... Ксененежичи не любят незваных гостей, почти как всгорцы, с которыми мы делим одну землю! Однажды дозорные заметили на наших высотах отряд чужаков. Они сказали, что отрядец тот был маленьким и слабым. Отправилось двенадцать воинов. — Керел сделал еще глоток. — Одни лишь боги ведают, что там было, а чего не было. Но не вернулся никто. Наутро мы пошли поразведать, что же случилось с нашими друзьями, и нашли мы лишь троих. Раненых, которые еще жили. А были и мертвые. А когда мы понесли живых вниз, по крутой тропке, по которой так трудно идти и совсем нельзя убежать, на нас и напали, — тут он грязно выругался. — Проклятые нордарские свиньи! Мы, бывало, тоже нападали на их торговые обозы, но так кто нынче живет лишь честным трудом? А они отомстили нам. Сторицей отплатили за все обиды. Сковали по рукам и ногам и переправили в Койсой на торги.

— Давно ли это было? — спросил Вида.

— Зима уже настала, да только снега не было. В том году он запоздал.

Вида поднялся со своих одеял.

— Тебя послали сами боги, — сказал он Керелу. — Лекарь нам нужен больше водки.

— Я-то все могу. Я по лекарской части ученый.

— Тогда и приступай. От прежнего лекаря осталась его сумка да кое-какие травы, мази и присыпки. Раз в луну мой человек ездит на ярмарку в город, где на деньги оградителей покупает все, что они ни попросят. Но ты здесь лекарь, и поэтому я оплачу твои заказы.

— Я согласен! — сказал Керел. — И спасибо, хардмар. За то, что вызволил нас оттуда.

Вида пожал протянутую ему руку.

— Будь проклят Койсой в веках! — ответил он.

Выпроводив Керела, Вида снова засел на письмо Персту Низинного Края, в котором сообщал о кончающихся запасах и только растущих нуждах оградителей.

## Глава 13. Соглядатай

Валён, как и приказал ему Вида, поговорил с новыми оградителями.

— Некоторые долго не протянут, — сообщил он хардмару. — Как их только ноги донесли... Гниют изнури, или точит их иной недуг, но умрут они раньше, чем возьмут в руки меч и дадут рйнадрёкцам хоть один бой.

— Сколько их? — спросил Вида.

— Сюда пришло больше сотни, вместе с рабами, с десятков умрут еще до исхода этой луны, а еще с два десятка протянут разве что до середины зимы.

— Керел вылечит их, — убежденно сказал Вида. — Он лекарь.

Он дал всем отдохнуть и выспаться, а на следующий день вновь собрал оградителей на лобном месте. Когда пришлаки выстроились перед хардмарами, Вида заметил, что у многих тоска и горечь в глазах немного померкли.

Валён почесал затылок и сказал:

— Большинство из них никогда не держало в руках ничего, кроме ножа. Как и я в свое время. Но работы здесь много.

Сотня тех, кому предстояло заменить собой павших братьев, глядели себе под ноги. Они и впрямь совсем не походили на воинов.

— Я сдюжу, — ответил Вида. Он понимал, что из всех новоприбывших ему нужно выбрать тех, кто сразу сможет принести отряду и всем оградителям хоть какую-то пользу.

— Есть ли из вас те, кто обладает знаниями да умениями, которые пригодятся нам на службе? — спросил он.

Керел, который тоже был здесь, перевел ксененежичам его слова.

Новенькие переглянулись, но смолчали.

— Не бойтесь же! — подбодрил их Вида. — Каждый, кто что-то умеет, будет в отряде на вес золота!

Из толпы вышел один человек — тот, который давеча, не таясь и не боясь, держал в руках нож.

— Я умею! — сказал он. — Я был надзирателем во Всгоре. Охранял пленных.

Вида спиной почувствовал, как Ракадара передернуло от этих слов.

— Тут нечем гордиться, это верно, — продолжал всгорец, заметив взгляд, которым жег его Ракадар, — но нечего и стыдиться. Круж Сабохват славился тем, что у него при переправе не умер ни один пленник.

— Это хорошо, — согласился Вида.

— Я перевозил людей из одного отряда в другой, иногда переправлял их и в столицу. У нас никогда не было спокойно, поэтому надзиратель жил не шибко-то хорошо. Ему часто бывало хуже его кандальников.

Вида заметил, что Асда что-то жарко шепчет Валёну, и решил дать второму хардмару слово.

— Я беру всгорца в свой хард, — сказал тот, еще раз оглядев великана с ног до головы. — Мне такие нужны.

Асда улыбнулся и мстительно поглядел на Ракадара, который от бессилья лишь сжал кулаки. Ракадар знал таких, как Круж — в Койсое они находили себе приют десятками. И уж точно они не были добрыми друзьями тем, кто по воле богов потерял свободу.

— Идет! — согласился Вида. — Еще кто-нибудь?

Но пришлаки лишь качали головами. Среди них не было ни мастеров, ни умельцев, ни ратников, иначе они бы не оказались в оградительном отряде.

— Завтра поутру собратысь всем на учебной площадке! — сообщил Вида. — Я поучу вас обращаться с мечом.

На том все разошлись. Один Ракадар остался стоять позади Виды, словно истукан.

— Что случилось? — спросил его хардмар, почесывая свои шрамы.

— Зачем ты принял всгорца? — выпалил Ракадар. — Разве ты не слыхал, кем он был?

— Разве он был твоим надзирателем? — жестко спросил Вида.

Ракадар ожег его взглядом.

— Надзиратели — везде одни. Что в Койсое, что во Всгоре. Они не люди, раз выбрали себе такое ремесло. Я повидал их за свою жизнь довольно, чтобы возненавидеть всем сердцем!

— Оставь! — осадил его Вида. — Ты был рабом в Койсое, а я — господинчиком в Низинном Крае, но это вовсе не мешает нам служить на границе, словно родным братьям. Я не могу отказывать всем вокруг только потому, что раньше они были преступниками. Тогда мне придется распустить весь отряд!

И Ракадар понял, что ему не удастся переубедить Виду.

— Тогда опасайся и его, и Асду, — предупредил он.

— Мне нечего бояться, — ответил Вида, отворачиваясь. — А тебе — ненавидеть.

— Хараслат был в плену во Всгоре, — в спину ему бросил Ракадар. — И такой, как этот Круж, мучал его, высасывая по капле жизнь из его тела. Неужто ты думаешь, что он бы оставил его здесь? Неужто ты сам позволишь ему здесь остаться? Ведь это он мог быть надзирателем Хараслата!

Он больше ничего не добавил и оставил Виду в одиночестве. Но хардмара очень задели эти слова. Он не подумал об этом и теперь понял, что Ракадар был прав.

— Я погляжу на него в деле, — решил Вида. — И тогда решу.

Все вышло так, как и говорил Валён — первый оградитель умер ровно через три дня после того, как попал в отряд. Это был южанин, пришедший из города. Вида не запомнил имени, но лицо его — худое и вытянутое, как и лица десятков других мертвых оградителей, что он повидал, навсегда отпечаталось в его памяти.

Часть пришедших подхватили в дороге неизвестную хворь, и, как ни старался их излечить Керел, вскоре они навечно легли в землю. Остальные оказались куда как крепче, чем Вида мог подумать, и цепко ухватились за жизнь обеими руками.

— Некоторые не так-то и плохи, — как-то обронил Валён, признавая свою ошибку.

И Вида начал учить и их, как когда-то учил Ракадара, Асду, Денови и других оградителей.

— Экие они смешные, — как-то сказал Ельма, пихнув в бок своего брата Ельву. — Даже и меч в руках-то не держат.

Хардмар засмеялся, вспомнив, что думал так когда-то и про самих братьев.

Никто не ждал, что пришлые чужаки сразу подружатся с оградителями, но Вида запретил все кровавые драки, объявив наказание для тех, кто ослушается: каждый зачинщик будет обязан дать бою своему хардмару. Такой приказ быстро отбил у оградителей охоту без дела задирать пришлаков, ибо никто даже в мыслях не готов был сразиться с Видой. Некоторые оградители быстро смекнули, что жизнь в отряде была куда лучше прежней,

другие же все еще сомневались, правильно ли они сделали, присягнув Виде.

Однажды один из оградителей, что пришел в отряд по своей воле, сказал своим приятелям:

— Я буду биться за Виду и пусть боги покарают меня на месте, ежели я лукавлю в своем сердце!

Другой поспорил с ним:

— Тут неплохо, это верно. И кормят, и платье дают. Но раньше я был сам себе хозяином, делал, что хочу, а теперь, словно ученый пес, слушаюсь хардмарских приказов.

Первый загоготал:

— От дурак! Когда это был ты свободным? Ты был вором! От собственной тени бежал, боясь поимки и казни!

Дело могло бы окончиться дракой, но Уйль, который следил за порядком в харде, остановил их:

— Я был лучшим воином здесь! — сказал он, перекрыв голоса спорщиков. — Но Вида побил меня в честном бою. В нем сокрыты такие силы, которым нет имени и нет объяснения. Его словно бы ведут боги, указывая верный и правильный путь. А пока я с ним, так они ведут и меня.

Эти слова показались чудными, но тут третий, сидевший дальше всех, сказал:

— Мне нет дела до богов, но я не хочу подохнуть в одиночестве. Здесь я нашел друзей и хочу найти братьев. Я не уйду.

— Это Круж, — сразу догадался Вида, когда Уйль пересказал его слова. — Всгорский надзиратель.

И, хотя Вида и ждал этого, никто не ушел из его харда.

\*\*\*

Перст получил письмо от Виды и усмехнулся. Все шло так, как он и задумал. Мерзавец и негодяй Вида Мелесгардов даже и не понял, почему обозы не дошли до границ. Еще чуть-чуть и оградители узнают правду и убьют проклятого Виду.

Опытный и умный Перст знал, что дни Виды в отряде сочтены.

\*\*\*

Ракадар не сказал Виде ни слова после их разговора об изгнании Кружа из отряда. Он был зол, но не смел открыто перечить хардмару, а Вида понимал, что творилось на сердце у койсойца, и не отвечал гневом на обиду. Однако, хардмар должен был выполнить данное самому себе обещание и испытать всгорца в деле.

— Эй! — в один день подошел он ко всгорцу, когда тот собирал щепки в кучку. — Круж!

Тот поднял глаза.

— Слушаю тебя, хардмар.

— Ты сегодня заступаешь в дозор.

Круж поклонился.

— С кем же, хардмар?

— Со мной, — усмехнулся Вида и пошел дальше отдать распоряжения Валёну.

Весть об этом быстро разнеслась по всему становищу — усилиями Ракадара многие не любили Кружа и опасались его, а потому решение Виды всем показалось неосмотрительным и скорым.

— Уйти в дозор со всгорским надзирателем! — в сердцах шипел Денови, — Такое еще и

придумать нужно...

Ракадар, который услышал эти слова, и испугался и взбеленился разом — Вида словно назло приближал к себе Кружа, хотя и знал, как ненавидел его он, Ракадар.

Ельва, проходя мимо койсойца, остановился и спросил:

— Ты, видать, услышал о дозоре, — предположил он.

Ракадар кивнул.

— Хардмары иногда делают дивные дела, но нам того не разуместь, — сказал Ельва, почесывая затылок.

— Он не слушает моих слов! — выкрикнул Ракадар, — Круж должен быть вовсе не здесь, а в милом его сердцу Всгоре или Койсое, где может всласть мучить людей!

— Оставь, — махнул рукой Ельва. — Виде лучше знать.

А Ракадар ушел в свой шатер, громко ругаясь. Он слышал, как на другом конце становища Круж переговаривался с Асдой, спрашивая у того совета, и возненавидел его еще больше.

— Не пропусти же этого, Хараслат! — воскликнул он.

Но Хараслат не мог ему ответить, как и не мог изгнать Кружа из отряда, и Ракадар это знал.

Когда Круж и Вида собрались выезжать в Бидьяд-Сольме, проводить их собрался почти весь хард. Всгорец, как показалось Ракадару, очень недобро поглядел на оградителей и кровожадно улыбнулся Валёну, который стоял в стороне. В сердце Ракадара закрался страх. Он горячо взмолился о том, чтобы боги сохранили его другу жизнь.

К ночи неизвестность стала совсем невыносимой, и Ракадар отправился к Валёну.

— Готовь подмогу, хардмар, — требовательно сказал он.

Валён засмеялся, словно услышал веселую шутку:

— Зачем?

— У меня нет веры тем, кто истязал несчастных в кандалах.

Асда гадко захихикал и зашептал что-то на ухо Райму.

— Но вера есть у Виды, — ответил Валён.

— Это надзиратель! — выкрикнул Ракадар. — И всгорец! Хараслат провел там несколько лет!

Напоминание о прежнем хардмаре быстро отрезвило Валёна. Он тотчас же бросил кости и вскочил на ноги.

— В словах койсойца есть правда, — объявил он другим. — Асда! Денови! Вы поедете к Виде.

Ракадар верил, что Валён отправит его, но, увидя торжество в глазах Асды, ничего не сказал.

— Как прикажешь, — поклонился он Валёну.

\*\*\*

Вида развел костер и стал жарить мясо. Круж хлопотал рядом, собирая хворост и перевязывая вязанки бечевкой. Огромный и сильный, словно боров, с маленькими темными глазами, которые не хранили чувств, с руками словно у мясника, Круж сильно отличался ото всех остальных оградителей, которые тоже были отнюдь не господинчиками в шелковых рубахах.

— Нравится ли тебе в отряде? — спросил Вида, надеясь застать хардмарина врасплох.

Круж обернулся:

— Нравится. Здесь хорошо.

— Кормят ли тебя как следует? Не обижают ли?

— Нет, хардмар, — коротко ответил всгорец.

Он всегда был немногословен, да и оннарский язык знал не так хорошо, чтобы вести на нем вольные беседы.

— Мои люди крутого нрава, — заметил Вида, — и не любят шутить.

— Я кое с кем подружился, — ответил Круж. — С Асдой.

— Только с ним?

— Да, — отрезал Круж. — Он не задает мне вопросов.

— Я тоже, — напомнил ему Вида.

— Я знаю, хардмар, — ответил Круж.

Он отошел подальше, чтобы насобирать еще хвороста, а Вида задумался: Ракадар упрекал его справедливо — Хараслат больше всего на свете ненавидел Всгор, хотя поминал о нем с улыбкой на губах. Всгорский плен отнял у Хараслата все. Но ведь Вида сам поклялся, что никогда не будет судить о людях по прошлому, почему же с Кружем должно быть по-иному? Только потому, что он всгорец?

— Хардмар! — вдруг крикнул всгорец. — Кто-то едет из становища.

Вида прислушался. И впрямь — земля тихонько вздрагивала от топота копыт.

— Неужто что случилось? — тревожно спросил он и стал вглядываться в непроглядную чернь ночи.

Круж выхватил свой нож.

— Если это не наши братья, то я их убью! — грозно сказал он.

Но это были оградители — Асда и Денови приблизились к сопке и спешились.

— Валён прислал нас! — крикнул Асда. — По просьбе твоего ручного раба.

— Ракадара? — изумился Вида.

— Он еще трусливее, чем я думал, — усмехнулся Асда, кивая Кружу, который засунул свой нож обратно за пояс. — Сказал, что боится всгорцев и надзирателей.

Асда был рад, что может выставить койсойца дураком в глазах главного хардмара и поквитаться за прежние обиды в доме Ирели.

— Что ты сказал? — спросил Вида, подходя ближе.

— Трусливый пес Ракадар... — начал Асда, но не договорил, ибо удар Виды отбросил его назад и повалил на землю.

— Ракадар не трус! — прошипел Вида, склоняясь над поверженным Асдой. — Он лишь охраняет своего хардмара. Как и полагается хардмарину, а не трепачу!

Асда со стоном поднялся на ноги и зло поглядел на Вида.

— Можешь пожаловаться Валёну, — жестко предупредил его тот, — но коли ты не запомнишь, что мы должны держаться вместе, я не посмотрю, что ты его личный хардмарин, и отделаю тебя так, что ты сам себя не признаешь!

— Не гневайся, хардмар, — сказал Асда, сплевывая кровь и отходя подальше от драчливого сотника.

— Возвращайтесь в становище! — приказал Вида подошедшему к нему Денови. — И сообщите Валёну, что у него нет причин тревожиться.

Денови поклонился и вместе с Асдой побрел обратно к своему коню.

— Твои люди не доверяют мне, — заметил Круж, когда оба оградителя отбыли.

— Лишь поначалу, — объяснил Вида. — Ракадар был рабом в Койсое, а мой прежний



хардмар — пленным во Вгоре. Его гнев направлен не против тебя, а против всех, кто избрал себе такое ремесло.

Круж вздохнул:

— Да я и не избирал... Да только кто-то должен делать и такие дела. Я не солгал тебе, хардмар, в том, что у меня не умер ни один из тех несчастных, которых я вез или охранял. Я не добр, но и не зол.

Вида кивнул.

— Я принимаю сюда всех, — сказал он. — И каждый может позабыть о дурных делах. Но я не прощу зла среди оградителей. Каждый здесь — мой брат.

— Это я понял, — ответил Круж. — Твой хардмарин зря не верит мне. Я пришел сюда ради того, чтобы позабыть обо всех ужасах моей прежней жизни.

— Я тебе верю, — сказал Вида.

Остаток ночи они провели, сидя у костра и угощаясь жареным мясом, а наутро вернулись обратно в становище. Их встретили Валён, Ракадар и Асда, который глядел на мир лишь одним глазом.

— Ракадар! — сказал Вида, когда заметил койсойца. — Сам gospodarь не может похвастаться таким преданным воином!

\*\*\*

Иль готовила завтрак на Забена, себя и теперь уже двоих подмастерьев, когда Оглобля, запыхавшись, передал ей волю хозяина тотчас же явиться в лавку.

— Иду! — крикнула Иль, обтирая руки о передник.

Для посетителей время было раннее, а что могло заставить Забена ни свет ни заря засесть в лавке, Иль и представить себе не могла.

Старик сидел, как обычно, откинувшись на своих подушках. Прямо напротив него стоял высокий мужчина, одетый в серое дорожное платье и черный плащ. Даже со спины Иль узнала Лема и, охнув, прислонилась к стене. Хотя ни разу она не заговаривала о пропавшем рийнадрекце и не давала волю слезам на людях, думать о нем она не переставала никогда.

Услышав ее голос, Лем обернулся. Глаза его вспыхнули огнем, какого Иль доселе не видела.

— Иль! — хрипло сказал он, подавшись вперед.

Иль, не зная, что ей делать, и как говорить, подошла к Забену.

— Звали? — спросила она, заикаясь от волнения.

— Тут к тебе пришли, — буркнул Забен, вставая с места. — Говорить хотят.

И оставив свою юную помощницу и рийнадрекского гостя одних, Забен поковылял в мастерскую.

— Иль? — снова позвал Лем, но робко и неуверенно. Он испугался, что она забыла его, что не хочет глядеть ему в глаза потому, что образ его давно стерся из ее памяти. — Иль!

Иль медленно повернулась. Щеки ее пылали, а по ним бежали слезы, которых она не могла сдерживать. Лем вернулся, хотя и не должен был! Лем выжил в той бойне, вырвался из лап смерти!

— Ты помнишь меня? — несмело спросил Лем, делая шаг к Иль. — Я вернулся.

И Иль, повинувшись тому самому чувству, которое так долго пыталась в себе заглушить, кинулась ему на шею.

— Меня ранили... — шептал Лем, прижимая трясущуюся от рыданий Иль к себе. — В голову. Помню, что упал, а потом и не встал. Очнулся в чьей-то избе. Ни имени своего не

помнил, ни языка, на котором говорю. Только мычал что-то, как теленок... Только начну вспоминать, так сразу в морок проваливаюсь... Лежал на лавке, уж и не знаю, сколько дней... Хозяева за мной, как за родным дитем... Кормили, воды подносили, раны чистили... Я уж думал, что и не вспомню ничего... Только вот однажды ночью постучалась к нам баба одна. Сказала, что в Опелейх путь держит... Просила хоть хлеба кусок, хоть воды глоток... Тут-то я и начал вспоминать. А потом вставать начал... Тут мне хозяин и принес одежду мою. А там, в кармане — стекло битое. Я и вспомнил медведя-то, которого в первый день в лавке купил... А следом и все другое.

Лем тоже плакал, не таясь.

— Гарда далече от того места, где меня выходили. Да я и без коня, без единой монеты в кармане. Дали мне с собой котомку и отпустили на все стороны. Идти пешком по большой дороге мне раньше не приходилось — все лошадные принимали меня за бродягу. Насилу я одного спешившегося упробил отцу весточку от меня передать. Сказать, что жив я, да попросить послать мне на встречу хоть осла! Тот сначала не хотел ко мне заезжать, а потом и согласился. На полпути до Гарды меня встретили, погрузили в повозку и домой повезли. Там я еще луна в постели пролежал, раны свои залечивал. А как только встал, так сразу же и сюда, в Опелейх...

— Я получила письмо, — только и смогла ответить Иль. — О том, что ты погиб.

— Я и сам так думал. Только боги спасли меня.

Уульме, никем не замеченный, вошел в лавку и долго разглядывал Лема. Ревность, которая противно колола его раньше, умерла. Исчезла, будто бы ее и не было. Он был только рад, что Иль перестанет его поминать, считая себя вдовой. Но та, словно прочитав мысли Уульме, отстранилась от Лема и сказала, глядя в пол:

— Я рада, что ты жив. Я молила о том своих богов. А с тем и распрощаемся.

— Но почему? — воскликнул Лем, не желая верить своим ушам.

— Я вдова. И должна беречь честь своего покойного мужа.

Рийнадрекец сник, словно от удара. Совсем не такого приема он ждал.

А Уульме, услышав такой ответ, зарычал. Если бы он мог напомнить Иль, что ничего она ему не должна, ибо никогда ему не принадлежала, если бы мог отпустить ее с миром! Он в бессилии заскреб дощатую половицу.

— Уульме явился ко мне во сне, — сказал Забен, входя в лавку. — Он поведал мне, что больше не думает о тебе.

— Правда? — вскричала Иль, с надеждой глядя на старика. — Так и сказал?

— Истинная правда, — подтвердил Забен. — И тебе не след о нем думать. Своими слезами ты лишь тревожишь его покой, возвращая туда, куда ему нет ходу.

Уульме взвыл, желая подтвердить слова Забена. Эх, старик умел убеждать!

Иль вытерла лицо и снова посмотрела на Лема.

— Я прошу тебя поехать со мной в Рийнадрек, — тихо сказал Лем, опускаясь перед Иль на колени.

\*\*\*

После того, как Вида вернулся с Кружем из Бидьяд-Сольме, многие оградители перестали подозревать всгорца в дурных намерениях. Но только Ракадара было не так-то просто задобрить — он тенью ходил за Кружем по становищу, подслушивая его разговоры и стараясь выведать его замыслы. Он не сомневался, что бывший надзиратель еще покажет свое нутро, и старался глядеть в оба, чтобы не просмотреть беду.

Рийнадрёкцы пока дали оградителям короткую передышку, и Вида каждый раз благодарил богов за то, что пока может обучать новых воинов, а не выпустить в бой необученных рабов, которые тут же и падут от меча опытного ратника.

— Это — ольвежский бой! — говорил он, проходя мимо нестройных рядов своих учеников, слушавших каждое его слово. — Самый лучший. Овладейте им и ничто более не будет вам страшно. Вы поразите любого врага!

Круж, который был самым большим и здоровым среди всех, усмехнулся.

— Наш надзиратель, кажись, не верит своему хардмару! — закричал Ракадар, бросаясь вперед. Он только и ждал дня, когда сможет поквитаться с ненавистным всгорцем.

— Стой! — приказал Вида.

Круж же не двинулся с места и не переменялся в лице.

— Если Круж считает, что он знает ратную премудрость лучше меня, то пусть бьется так, как ему будет угодно, — сказал главный хардмар.

Ракадар сжал кулаки.

— Ракадар! Круж! Встать друг напротив друга. Сейчас мы и узнаем, кто лучше дерется.

Остальные оградители переглянулись, предвкушая показательный бой, а Ракадар и Круж стали готовиться к поединку. Круж скинул с себя рубаху и снял тяжелый пояс, а Ракадар завязал длинные волосы тесьмой.

— Начать поединок! — приказал Вида.

Ракадар только и ждал этого — змеей бросился он на всгорца и скользнул в волосе от его меча. Круж же ударил так, что если бы не ловкость хардмарина, то поединок бы закончился, даже не начавшись.

— Давай же, кровопийца, иди сюда! — шипел Ракадар, подзывая к себе Кружа.

Всгорец размахнулся и снова ударил. Силы ему и впрямь было не занимать.

— Да помогут тебе боги, Ракадар, — прошептал Вида, пристально следя за каждым движением противников.

Но койсоец не нуждался в помощи богов — он владел мечом хоть и хуже Виды, но лучше остальных. Круж тоже был знаком с мечом. Однако все увидели, что здоровяк был совсем не ровней верткому Ракадару. Он защищался, но не успевал нападать.

Ракадар прыгнул вперед и повалил Кружа на землю, носком сапога отшвырнув от того меч.

— Проси пощады! — просвистел он.

— Ракадар победил! — объявил Вида, хотя никто и не сомневался в этом. — А теперь же он и его новый ученик встанут да обнимутся как братья.

Ракадар переменялся в лице — неужто он ослышался? Ученик? Он должен будет учить Кружа вместо Виды?

— Но, хардмар, — начал Ракадар.

— Ты слышал мой приказ. И не смей со мной спорить! — ответил ему тот и, посмеиваясь, удалился с учебной площадки вместе с Валёном.

— Ты хорошо бьешься, — заметил Круж, вставая на ноги.

— Заткнись! — ответил его новый учитель, больше всего на свете желая перерезать Кружу глотку.

Но делать было нечего, и Ракадар стал учить Кружа, как когда-то Вида учил его самого. Мало-помалу, ненависть сменилась равнодушием, а потом и гордостью, когда он увидел успехи своего ученика.

— Я не замышляю зла, — как-то сказал ему Круж. — Тебе нечего меня опасаться.

А Валён, в чьем харде был всгорец, не мог нарадоваться на него. Ему как раз и не хватало таких воинов.

## Глава 14. Богатые лоскуты

Забен, Иль и Уульме собирались в Рийнадрек, в столицу его Гарду. Лем, отбивший загодя, чтобы подготовиться к свадебному пиру, нанял для них две повозки и четверых телохранителей, дав тем наказ сторожить Иль и старика с ручным волком как зеницу ока.

Забен по случаю свадьбы купил себе новый халат и красный шелковый к нему кушак.

— Вот и повод принарядиться, — сказал он своему отражению в зеркале, — а то поизносился я весь.

В сундуках, которых теперь грузили в повозки, обнаружились цветастые платья, меховые плащи, кожаные башмаки, шерстяные платки, стеклянная посуда и три толстых книги — Забен не поскупился на приданое для Иль. Даже Уульме украсили в честь предстоящего торжества — Иль самолично повесила ему на шею красивый новенький ошейник.

— Привезите гостинцев! — клянчил Оглобля, глядя на сборы.

— Подарочков, — вторил ему Коромысло.

Подмастерьев в Гарду не брали — им было поручено сторожить дом и все имущество старика.

— Никого не пущать, болваны! — напутствовал их Забен перед самым отъездом. — Лавку не отпирать. Если только брат мой преступный не явится. Ему откройте.

Уульме встрепенулся. Сталливан?

— Сталливан здесь будет, но не к нам он идет, — ответил Забен на его молчаливый вопрос.

— Прощай, дом! — попрощалась с Опелейхом Иль, выглядывая в оконце. — Прощай!

— Как обживешься на новом месте-то, так и приезжай в гости, — сказал Забен, оправляя на себе полы нового халата. — Завсегда примем.

Когда острые крыши Опелейха остались далеко позади, а Иль начало клонить в сон, Уульме, сидевший в ногах Забена, спросил старика:

— Расскажи мне о себе.

Он и раньше его спрашивал, но тот или отшучивался, или умело переводил разговор.

Забен, казалось, был готов к этому вопросу:

— Что рассказать? О том, как родился? Как рос?

Уульме хотелось узнать о Забене все.

— Я, как ты, должно быть, и сам понял, — начал Забен после долгого молчания, — не сказать, что простой смертный. Да и брат мой тоже не такой пройдоха, каким кажется. Родились мы с ним в Северном Оннаре, в окресте Хумлай-Оне. Далекie земли, неживые. Обитают там люди, наделенные большой силой: видеть прошлое и грядущее, читать мысли и прогонять смерть, искать то, что сокрыто, и прятать то, что должно быть спрятано. Но главное, что нам подвластно — помогать тем, кому в целом свете больше некому помочь...

Он снова замолк, словно давая Уульме возможность обдумать его слова, а затем продолжил:

— Сталливан встретился тебе не случайно — он нарочно оказался в Опелейхе, в том самом постоялом дворе в тот самый день и миг, чтобы помочь тебе не рухнуть в бездну. Кем ты был? Совсем мальцом, взявшим на себя не свой грех, и за это казнившим себя сильнее любого палача. Что бы ты сделал, если б не он?

Уульме опустил голову. Он давно думал об этом, и знал, что, не встретившись Сталливану ему на пути, то жизнь его окончилась бы куда раньше да бестолковее, чем вышло на самом деле.

— Да и потом Сталливан не бросил тебя. Он ушел, зная, что я за тобой присмотрю. Мавиор выкупил только тебя, а ведь в Дорате были и другие заключенные... Как знал? Да и привел он тебя не к кому-нибудь, а ко мне.

Забен снова надолго замолчал.

— Ты как-то спросил, почему мы со Сталливаном на дух друг друга не переносим... Сталливан ходит по свету уже тысячу лет, спасая тех, кто нуждается во спасении, а я сызмальства даром своим тягочусь. Никогда не хотел я такой силы, потому и выбрал жизнь оседлую. Брат меня за то упрекал, дескать, сколько людей тянут ко мне свои руки, а я тут сиднем сижу, будто прирос к Опелейху. Не понять ему меня, а мне его. Не хотел я в чужие дела мешаться.

— Но ты ведь выкупил Оглоблю с Коромыслом! — про себя воскликнул Уульме.

— Выкупил, — согласился Забен. — Потому что увидел. Не увидел бы — и шагу б не сделал.

Уульме окончательно запутался.

— Я, Уульме, не спаситель. Не тому боги силы отсыпали.

Но с этим Уульме был не согласен:

— Я помнил о тебе всегда, Забен! Помнил в Даиркарде! Перед казнью я вспоминал тебя и просил богов воздать тебе за то, что ты сделал.

— Вот как? — вскинул бровь старик, и в голове его звучала насмешка. — Не Дарамата? Не Сталливана?

— И их тоже, — признался Уульме. — Но ты спас меня! Спас от рудников! Я помнил и буду помнить до конца своих дней.

Они оба замолчали, но Уульме вдруг понял, что не получил ответа на свой главный вопрос.

— Кто ты?

Забен усмехнулся.

— Слышал сказ о Копельвере?

Уульме кивнул. Кто ж его не слышал?

— Копельвер — это я. А, знаешь, что еще занятно? И ты копельвер, Мелесгардов.

\*\*\*

Карамер вытащил из маленького кожаного мешочка, висевшего у него на шее, гладкий блестящий камень. Всякий раз, когда ему было горько, страшно или тоскливо, а у хозяина Эрбидея это случалось с ним по многу раз на дню — он брал его в руки и подолгу грел теплом своих ладоней. Камень был от отца, которого мальчик почти не помнил.

Теперь же, идя вместе с Яхом, Кадоном и Васпиром, он вытащил камень не чтобы пожаловаться невидимому духу-охранителю, а чтобы обрадовать того.

— Я нашел друзей, — прошептал мальчик, касаясь камня губами, — и я больше не у Эрбидея-хозяина.

— Что это ты там бормочешь? — окрикнул его Ях, сердито сморщив лоб. — Только сумасшедших мне не хватало!

— Я говорю с отцом, Ях, — признался мальчик. — Я рассказываю ему о тебе.

Но старика было не так-то легко умаслить.

— С каким еще отцом? — подозрительно спросил он. — Не ты ли говорил мне, что сирота? Что один, словно перст на свете? А теперь и гляди — и отец у тебя есть, и мать найдется!

И он фыркнул от возмущения.

— Нет-нет! — сразу стал оправдываться Карамер. — Я и впрямь сирота. Моя мать давно умерла. А отец ушел в далекие земли, чтобы добыть там самоцветных камней из волшебной горы. Только ему не пришлось вернуться домой.

— Что это у тебя в руке, болван? — обратился он к мальчику. — Покажи.

Карамер протянул камень.

— Откуда? — спросил Ях, повертев круглый, серебристого цвета камень в руке. — Где твой отец взял его?

— Он получил его от одного старика. И тот сказал ему, что камень волшебный.

— Спрячь его да никому не показывай, — строго наказал Ях, возвращая камень обратно.

Они шли еще долго, то и дело останавливаясь на отдых, выпрашивая у добрых людей еды и питья, но никогда прежде Карамер не был таким счастливым. Он мечтал о том, чтобы их долгий путь никогда не заканчивался.

Но когда вдали показались высокие городские стены, какими могла быть обнесена лишь столица, Карамер понял, что они пришли.

— Смотрите, дурни, — воздел указательный палец Ях, подходя ближе. — Перед вами славный град Опелейх! Путь наш окончен.

Ни Васпир с Кадоном, ни Карамер никогда не видели больших городов и уж точно там не жили. Они испуганно глядели на Яха, словно ожидая, что старик вдруг переменит свое решение и поведет их в обход шумного людного Опелейха.

— Чего стоите, остолопы? — разъярился Ях. — Али ноги отнялись?

Не дожидаясь ответа своих непутевых друзей, он первый прошагал к воротам.

— Ты куда, старик? — преградили ему путь стражники, увидев его старое выцветшее платье. — Нищим нынче вход в город закрыт.

— Это почему же? — сощурил глаза Ях, обдавая первого стражника ледяным презрением. — Неужто старику откажут в праве вернуться в родной град?

— Ты жил здесь? — недоверчиво спросил стражник.

— Жил-жил, — подтвердил Ях. — И собираюсь еще пожить. А ты, коли прогонишь меня, то очень скоро пожалеешь.

— Жалкий старик! — взревел стражник, взбешенный угрозами Яха. — Я разможжу твою голову об эти самые камни!

— Только сначала убедись, болван, что никто не знает о том, что жена начальника городской стражи часто ходит к тебе тогда, когда ее муж доблестно стережет ворота!

Сказав это, Ях ехидно улыбнулся, а несговорчивый стражник словно окаменел.

— Проходите, господин, — слабым голосом просипел он, диковато и виновато оглядываясь по сторонам. — Не признал, господин.

И Ях, посмеиваясь, прошел в город, махнув своим спутникам, чтобы следовали за ним.

— Ты бывал здесь прежде? — осмелился подать голос Карамер, оглушенный звуками тысяч глоток. — Куда мы идем?

— Бывать — бывал, — ответил ему Ях. — А идем мы ровно туда, куда нам надобно.

— Куда? — не унимался мальчик.

— На базарную площадь, болван! — взревел Ях.

Но долго идти им не пришлось — торговля, казалось, была везде.

Ях проковылял к водовозу, который стоял под соломенным навесом и громко зазывал народ.

— Скажи, друг, — обратился старик, хитро подмигивая торговцу и бросая на прилавок пару медных монет. — Есть ли какие новости?

Чернявый торговец ловко подхватил монеты и ответил:

— Какие новости господин желает услышать?

— Новости от господаря нашего, — усмехнулся Ях.

— Господарь наш в здравии и благоденствии. Боги милуют его.

— Ненадолго, — бросил Ях, глядя куда-то в сторону, и, схватив Карамера за руку, протолкался сквозь толпу и решительно направился в ту часть города, где, как он помнил, была лавка Забена. Васпир и Кадон, зажав уши руками, поспешили следом.

— Эй, дурень! — позвал Ях сидевшего на стене Коромысло. — Отворяй ворота!

Лентяй-подмастерье лениво поглядел вниз и отвернулся.

— Ты оглох, болван? — заревел Кадон, до глубины души оскорбленный таким явным неповиновением своему господину.

— А ктой говорит? — спросил Коромысло. — Комуать отпирать-то? Господин Забен чужих пушать не велел.

— А про Сталливана он говорил? — задрав голову, сказал Ях.

Коромысло мешком рухнул вниз.

— Господин Сталливан? — переспросил он.

— Он самый, — проворчал Ях. — Впусти уже, наконец!

\*\*\*

Карамер встал с первым лучом солнца и поспешил на кухню. За долгие дни их с Яхом путешествия он соскучился по дому и двору, а потому теперь с радостью гремел котелками да тарелками, собирая на стол и напевая под нос песенку. Услышав шум, на кухню ввалился еще сонный Кадон. Он туповато оглядел всю утварь и грузно опустился на скамью у входа.

— Где же ты спал? — спросил Карамер и разжег огонь в жаровне.

— Во дворе, — ответил Кадон, страшно вращая глазами. — Ях выгнал да сказал, что своим храпом я смущаю весь честной люд.

Карамер прыснул.

— А где Васпир? — снова спросил он.

— Васпир-то? В сарае лег. Ях его тоже прогнал. Сказал, что тот смердит, словно свинья в хлеву.

Он снова засмеялся, но потом, увидев, как губы Кадона обиженно поджались, смолк.

Очень скоро встал и сам старик. Покряхтывая, он вошел на кухню и опустился рядом с Кадоном.

— Шевелись, малец! — прикрикнул он на Карамера. — Нас ждут дела.

Поселившись в Опелейхе, Карамер не сразу привык к гомону, толкотне и людности большого города. Прожив всю жизнь на отшибе, он не мог даже представить, что в одном месте сразу может оказаться столько людей. Но, привыкнув, стал часто отлучаться в город, чтобы поглазеть на всю красоту и пестроту большого города. И страшно удивлялся, когда видел, что ни Васпир, ни Кадон не разделяют его восторга да не собираются покидать дом даже ненадолго.

— Почему вы не желаете сходить в город? — спрашивал он у своих друзей.



— Да чего я там не видал! — рычал Кадон, засучивая рукава рубахи. — Будто у меня здесь дел нет.

— Как-то боязно, — скулил Васпир, толкаясь на кухне и мешая Карамеру. — Я ведь беглый... Еще кто признает и закует меня в кандалы.

— Меня уже ноги не носят! — изрекал Ях, удобно откидываясь на подушках.

И теперь вдруг старик засобирался в город. Это показалось Карамеру подозрительным, и он напросился сопровождать Яха.

— Хорошо, — неожиданно согласился тот. — Большой беды не будет, коль поглядишь.

Кадон и Васпир, услышав, что их господин собирается отлучиться, тоже запросились с ним.

— Засиделись мы что-то, — заныл Васпир.

— Пока бы и ноги размять, — вторил ему Кадон.

На хозяйстве было решено оставить Оглоблю с Коромыслом, которые, обрадовавшись отсутствию работы, целыми днями лежали на топчанах и лишний раз со двора предпочитали не выходить.

В тот день в Опелейхе началась первая в этом году ярмарка. Тысячи торговцев съехались во всего Восточного Прая в Южный Оннар. Сам господарь, по обычаю, должен был присутствовать на народных гуляньях.

Улицы были заставлены повозками — пришлые торговцы спали под открытым небом, трактиры и постоянные дворы были забиты, а в город все наполнился и наполнился гостями.

— Страсти какие! — скулил Васпир, глаза на все чудеса, которые открывались его взору.

Кадон лишь тупо вращал глазами.

— Пришли! — наконец, объявил Ях, когда они добрались до главной площади.

— Что мы будем делать? — подал голос Карамер.

— Ждать, — был ему ответ. — А ты, дурак, — обрушился старик на Васи́ра, — перестань ныть и жаловаться!

Ждать пришлось долго. Толпа все густела, собираясь на площади.

— Скоро начнется! — предупредил их Ях.

И впрямь, где-то далеко затрубил рог, а чуть позже на площадь ворвался конный отряд, прорубая дорогу для ехавшего в самом конце вереницы господаря.

— Государь! Государь! — закричал народ. — Милостивый государь!

Господарь поднял руку, приветствуя своих подданных.

— Государь! — завопил Васпир вместе со всеми.

Ях закатил глаза.

Снова протрубил рог, и толпа смолкла.

Карамер во все глаза глядел на такое диво: никогда прежде ему не доводилось видеть живого господаря. Ему казалось, что владыка целого Южного Оннара должен быть великаном. Или, если уж великаном быть никак нельзя, немислимым силачом, способным удерживать на своих плечах сразу по две лошади. Господарь же выглядел как обычный человек и верхом он сидел на обычной лошади. “И было бы от чего голосить!” — подумал мальчик, вспоминая в каком неистовстве все выкрикивали его имя.

Его думы прервал голос Яха:

— Камень у тебя?

— Какой? — поначалу не понял Карамер, но тотчас же спохватился. — У меня!

— Достань и держи в руке.

Карамер хотел было спросить, зачем Яху понадобился его камень, но не успел. Господарь, приподнявшись на стременах, обвел свою вотчину царственным взором и начал приветственную речь:

— Жители и гости Опелейха! — голос его был зычным, глубоким, сочным. — Торговцы из всех сторон Восточного Прая! Божьей милостью да с моего дозволения вы можете начинать!

Толпа вновь закричала, а господарь отбыл обратно во дворец, в котором уже все было готово для особой части празднества: смотра чудес. Со всех сторон стекались в Опелейх не только торговцы разными диковинками, но и певцы, музыканты, сказители, кудесники, причудники, скоморохи, паяцы, прыгуны, лицедеи, шпагоглотатели, канатоходцы, укротители диких зверей и прочий чудной люд, чье умение могло развлечь не только простых зрителей, но и самого господаря и его свиту. Особо понравившихся ему господарь одаривал золотыми безделками, отрезами шелка, дорогими кинжалами, а то и вовсе допуская до пира, сажая, как почетных гостей, за один с собой стол.

Карамер об этом не знал, поэтому сильно удивился, когда Ях, стиснув его плечо, стал протискиваться сквозь толпу.

— У нас тоже кое-что есть на показ, — бормотал он, помогая палкой особо неповоротливым зевакам. — Мы тоже не с пустыми руками.

Дворец был совсем рядом. Прямо за воротами был установлен деревянный помост, на котором уже упражнялись прыгуны и танцовщики, готовые первыми показать свое умение господарю.

Рядом с помостом сидел писарь, который под диктовку вносил всех желающих выступить в длинный список.

— Нам туда, — толкнул Карамера Ях и решительно направился к писарю. — Запиши и нас, — приказал он.

— Какие чудеса покажете? — невозмутимо спросил тот.

— Ручных птиц, — быстро ответил Ях.

Писарь кивнул и вписал имя Яха.

Карамер совсем ничего не понимал. Никаких ручных птиц у старика сроду не было. Зачем же он обманул писаря?

Но долго думать об этом у него не было времени — господарь занял свое место наверху, и представления начались. Гибкие, словно тесто, прыгуны оттолкнулись от земли и зацепились за высокую перекладину, установленную нарочно для них, прокрутились и повисли вниз головой, держась одними лишь стопами.

У Карамера аж дыхание сперло, настолько ему было страшно глядеть на бесстрашных прыгунов.

— Довольно! — прервал выступление недовольный голос господаря. Ему прыгуны совсем не понравились.

Следующими на помост вышли музыканты. Достали дудочки и заиграли развеселую песенку, от которой ноги сами пускались в пляс.

— Хватит! — куда как скорее, чем незадачливых прыгунов, оборвал дудочников господарь. Ему уже давно не здоровилось, но вместо того, чтобы лежать в кровати и пить подносимые лекарем настои, господарь был вынужден сидеть под навесом и смотреть на кривляния лицедеев.

Помост освободили, но никто не хотел идти следующим и подпасть под гнев владыки.

— Тогда я выйду! — заявил Ях и резво взобрался на помост.

Господарь глядел на Яха и не мог вспомнить, где и когда приходилось ему слышать этот голос и видеть это лицо. Старик прокашлялся и молодецкато топнул ногой.

И тут господарь вспомнил.

— Колдун Сталливан! — закричал он, вскакивая на ноги. — Взять его!

— Взять-то трудно будет! В первый раз не сдюжил, а сейчас и вовсе не достанешь! — издевательски подмигивая, сказал Ях. — А вот послушать тебе меня придется!

Карамер, который хотел было броситься на помощь Яху, почувствовал, как ноги у него онемели. И не только у него — стража осталась стоять на месте, а сам государь, охнув, осел обратно на подушки.

— Дни твои сочтены, но, поверь, вовсе не я их тебе срежу. Я такой власти не иму, да и ни к чему мне. Сам помрешь, своей смертью. Но перед тем, как пойти к богам на разговор, придется тебе мне старый должок отдать.

Господарь шевелил ртом, стараясь избавиться от морока, который навел на него Сталливан, но все было тщетно. А тот продолжал:

— Долг, как ты и сам знаешь, платежом красен. Вот сейчас самое время мне его и вернуть, пока ты еще землю эту топчешь. Помнится, я спас сына твоего от смерти, самого достойного из твоих наследников. Помнится, опосля повелел ты меня казнить, а исцеленного Бенена выслал из города и поставил наместником в Васку, где до него не дотянулись бы руки старшего твоего, господарь, Раталки. Мелочного, злобного, алчного и глупого. После смерти твоей именно он воссядет на трон и начнет править и повелевать. Да только не выйдет у него — вмиг порушит мир он с Рийнадреком и Северным Оннаром, запустит город, оберет жителей до нитки, разорит деревни и сядет звонкой навозной мухой пировать на пепелище. Не допусти этого, господарь! Назови Бенена своим преемником, спаси свой народ от власти дурака и убийцы! Лиши Раталки трона!

Мертвенная тишина повисла над помостом. Толпа стояла, не шевелясь, не издавая ни звука. Сама жизнь замерла, когда Сталливан договорил.

— Что скажешь, господарь? — спросил Сталливан. — Решай скорей!

Карамеру отчаянно захотелось тоже взобраться на помост и прижаться к старику. Он чувствовал, как Васи́ра била дрожь, но ему было не до висельника.

Сталливан хлопнул в ладоши, и где-то далеко закаркали вороны.

— Совсем позабыл! — опомнился старик, глядя в наливающиеся кровью глаза господаря. — Я ведь не показал тебе свое умение. Сейчас исправлюсь.

И черная туча воронов налетела на город, на миг закрыв собой небо. Опелейх погрузился во тьму. Крики птиц смешались с криками людей, все еще прикованных к месту волей Сталливана.

Сталливан хлопнул второй раз, и птицы замолкли. В крошечной тьме зазвенел его голос:

— Поступи, как должно, господарь!

Господарь почувствовал, как ему становится трудно дышать. Колдун не солгал — пришел его последний час. Эх, какая жалость, что еще тогда, давно, его олухи из стражи упустили опасного Сталливана! Но делать было нечего — где-то в глубине души господарь знал, что старик был прав. Он подался вперед и прохрипел:

— Бенен... Мой сын... Ваш новый владыка.

И с этими словами он испустил дух.

А Карамер, вспомнив просьбу Яха, достал из нагрудного мешочка камень и крепко сжал в кулаке. Последнее, что он помнил, была рассеивающаяся птичья рать.

\*\*\*

Карамер открыл глаза. Вокруг было темно и тихо. Он попытался вспомнить, что произошло, понять, где он и как оказался. Ярмарка, господарь, смотр чудес...

— Ях! — закричал мальчик, вскакивая на ноги.

Он услышал, как гулко билось его сердце, как стучали от страха зубы. Больше всего на свете он боялся, что никто не отзовется.

Но каркающий голос раздался прямо над самым его ухом:

— Не ори, болван!

— Ях! — чуть не заплакал Карамер от облегчения. — Где ты?

— Там же, где и ты, — был ему короткий ответ.

— Что случилось? — не унимался Карамер, пытаясь в темноте нащупать Яха. — Что произошло?

— Я завершил одно дельце. Избавил Южный Оннар от великой беды.

— А где господарь?

— Не здесь.

— А Кадон и Васпир?

Сталливан долго не отвечал. А Карамер, на ощупь найдя старика, примостился рядом с ним, уже не ожидая ответа на свой вопрос. Ему вдруг стало страшно — но не так, как он привык, а по-настоящему. Почему Ях молчит, а не привычно бранится?

Его глаза начали привыкать к темноте, и он уже мог увидеть старика.

— Этот боров Кадон, — начал Сталливан, — хоть и туп, как бревно, но предан, как пес. Он не безгрешен, это правда, но все злодеяния, что он совершил, были по незнанию. Долго мне пришлось его искать тогда. Еще бы чуть-чуть и не успел я.

Карамер понял, что Сталливан вспомнил, как впервые встретился с Кадоном.

— Васпир-то тоже не великого ума муж, но он добр ко всему живому. Дурак и добряк. Давно бы уже дергался на виселице... Да и ты, — обратился он к мальчику. — Далече забрался. Идти к Эрбидею было опасно, но я знал, идти нужно.

Он замолк.

— Скажи, — вдруг понял Карамер. — Ты — копельвер? Ты — тот заступник, о котором рассказывал Васпир?

Он ожидал, что Сталливан обругает его, но старик кивнул:

— Копельвер.

Карамер молчал. Он давно догадывался, что Ях встретился ему не просто так. Что он был послан ему самими богами, а теперь старик лишь подтвердил его догадку.

— Не бросай этих дуралеев, — попросил Сталливан, прервав его мысли.

— Не брошу! — с готовностью выпалил Карамер. А потом добавил: — Но ты ведь не уходишь? Не бросаешь нас?

— Нет, — сказал тот, усмехаясь. — Не бросаю.

У Карамера отлегло от сердца.

— Я всего лишь иду к другим. Тем, кому больше некому помочь.

Карамер всегда был добрым мальчиком, но внезапно острая зависть вонзила в него свои когти. Он не хотел ни с кем делить Сталливана, не желал, чтобы старик помогал кому-то

еще! Это его друг, его! А другие пусть живут, как умеют. В конце концов, он тоже еще нуждается в Сталливане.

— А я? — воскликнул он. — А мы? Как мы без тебя?

— Теперь вы не пропадаете, — заверил его Сталливан.

— Но я хочу с тобой! — заплакал мальчик. — Я пойду туда, куда и ты. Я буду делать, что скажешь!

— Мы еще свидимся, Карамер, — пообещал Сталливан. — Прощай.

И не успел Карамер ничего ответить, как Сталливан исчез.

\*\*\*

По дороге в Гарду, Иль вспоминала, как много дней назад впервые увидела столицу Рийнадрёка. Тогда она и представить себе не могла, что город, о котором она толком не успела даже рассмотреть, скоро станет ей домом.

Ее била дрожь, а лоб покрывался испариной стоило ей подумать о предстоящей свадьбе с Лемом. Как он ее встретит? Как примет? Порой ей хотелось остановить повозку и бежать, куда глаза глядят, порой она про себя злилась на лошадей, слишком медленно приближавших ее к жениху, а порой и вовсе мечтала, чтобы путь их в Гарду никогда не заканчивался.

Забен, видя такое волнение Иль, старался не приставать к ней ни с вопросами, ни с советами, а Уульме, у которого от долгой езды затек хвост, и вовсе предпочел бежать вровень с повозкой и оглашать окрестности утробным воем.

— Вот и Гарда, — объявил Забен, когда вдалеке показались каменные башни города. — Скоро будем.

Иль схватила старика за руку.

— Мне страшно! — прошептала она.

— Почему? — спросил Забен. — Чего ты боишься?

— Новой жизни, — ответила Иль. — Боюсь, что все будет совсем не так, как я думаю.

Забен пожал плечами.

— А уезжать из Нордара ты не боялась? Проехать полмира тебе не было страшно? А стоять за прилавком? А отпускать товар? Что-то ты поздно опомнилась, Иль. Раньше надо было начинать!

Иль задумалась над его словами. Старик был прав — она совершала куда как более смелые поступки.

— Кажись, за тобой! — перевел разговор Забен, указывая на приближавшегося к повозке конника в блестящих доспехах и меховом плаще. — Твой нареченный.

Это и взаправду был Лем. Не в силах больше ждать, он поехал навстречу своей юной невесте.

— Как я рад тебя видеть! — воскликнул он, спрыгивая с коня и сжимая Иль в объятьях. — Как я счастлив!

Иль тоже обняла Лема, но не так сильно, как сама хотела — ей было стыдно миловаться с ним при Забене.

— Господин! — наконец, оторвался от своей невесты Лем и повернулся к старику. — Гости уже прибыли. Все готово к свадебному пиру. Прошу, поедemте скорее!

Иль теперь уже вместе с Уульме снова забралась в повозку, Лем вскочил на коня и Забен тронул лошадей.

На улицах Гарды было не протолкнуться — город заполонила тьма зевак, тянущаяся от

самых ворот. Завидя Лема, толпа радостно закричала и стала бросать на каменную мостовую загодя приготовленные осенние цветы.

— Какой-то праздник? — спросила сама себя Иль, вертя головой во все стороны. — Почему все ликуют?

Но ответить ей было некому — Лем ехал чуть впереди, а Забен вряд ли знал местные обычаи.

Наконец, лошади остановились. Забен, оттолкнув руку Лема, сполз с козел, следом за ним выпрыгнул Уульме. Иль спустилась на землю последняя.

Они стояли во дворе большого замка, украшенного, как и все дома в городе, последними в этом году цветами. Кругом сновали слуги в нарядных колпаках и чистых передниках, бегали малые дети, крича и смеясь, играли музыканты, ржали лошади, лаяли толстые откормленные собаки.

Навстречу Иль спускался высокий седовласый мужчина, одетый в такие же, как и у Лема доспехи и с такими же ясными глазами.

— Господин! — поприветствовал он Забена на оннарском, низко кланяясь. — Надеюсь, что дорога не отняла у вас много сил.

— Отнюдь, — успокоил его старик. — Да и стоило оно того, чтобы съездить. Гарда с каждым разом все краше и краше. Скоро и не узнать будет. Я-то помню ее еще совсем деревенькой, а теперь уже целая столица!

Мужчина улыбнулся шутке своего гостя. Гарда и впрямь когда-то была крошечным поселением, но застать те далекие времена старик, которому было не больше шестидесяти, никак не мог.

— Пожалуйте в дом, — учтиво сказал он. — Слуга покажет вам ваши покои.

— Красивый, — одобрил замок старик и, свистнув Уульме, стал подниматься по высоким мраморным ступенькам.

Глазами проводив Забена, воин обернулся к Иль:

— Иль! Наслышан о тебе!

Иль стояла, прижавшись к повозке, и не знала, что ей делать. Почему они не едут на свадьбу? Почему Забен ведет себя так, будто ничего особенного не происходит? Почему этот воин зовет ее по имени и улыбается, точно родной дочери?

— Господин, — все же нашла в себе силы ответить Иль и тоже присела в поклоне.

— Это мой отец, Иль, — представил их Лем.

Иль окинула взором каменный дворец и вопросительно посмотрела на своего жениха.

— А это — теперь твой дом.

— Так ты... — начала Иль.

— Ратный воевода Гарды и всей рийнадрёкской земли, — ответил Лем, краснея как девица.

\*\*\*

В самой большой дворцовой зале яблоку было негде упасть: гости со всего Рийнадрёка и дружественных ему Радаринок пели, плясали и веселились на славу. Иль, одетая в золотое парчовое платье, с золотым же венком на голове сидела по левую руку от своего уже мужа, и счастливо улыбалась всем вокруг.

Забен сидел по правую сторону от отца Лема и громко хлопал игравшему дудочнику. Даже Уульме, примостившийся в ногах у старика, хвостом стучал в такт незнакомой песенке. Да уж, даже пиры, которые устраивал в Угомлике Мелестард ни в какое сравнение

не шли с торжеством воеводы Гарды.

Он глядел на Иль снизу вверх и понимал, что больше не чувствует себя ответственным за ее судьбу. Маленькая девочка, которую он спас от пьяных гуляк в Даиркарде превратилась во взрослую хозяйку большого замка.

Внезапно он увидел, как улыбка сползла с лица Иль, как она выдернула ладонь из руки Лема и, встав из-за стола, стала проталкиваться к веселящемуся Забену.

— Я вспомнила! — выдохнула она, дернув старика за рукав. — По пути сюда я встретила женщину. Она сказала мне странные вещи...

— Какие? — спросил Забен.

Иль наморщила лоб, стараясь слово в слово припомнить их давний разговор.

— Сказала, чтобы Уульме не искал Сталливана. Чтобы он шел своей дорогой и помогал на своем пути тем, кому некому больше помочь!

— Она просила передать это нашему Уульме? — деланно удивился Забен. — Не знал, что он такой знаменитый!

— Я тоже! Но это так. Я забыла о той встрече и только сегодня, только сейчас вспомнила о ней!

Забен под столом ногой толкнул обратившегося в слух Уульме.

— Ну, — протянул он после недолгого молчания. — Запоздала та баба с советами-то. Уульме ж давно уже умер. Поздно ему кого-то спасать...

— Я знаю, — прошептала Иль. — Знаю.

— Возвращайся к гостям! — повелел ей Забен, наливая себе еще вина. — Сегодня твой праздник.

И, когда Иль снова заняла свое место за столом, вполголоса обратился к Уульме:

— Ну что скажешь, Мелесгардов?

Уульме прижал уши к голове и тихонько взвыл.

— А почему бы и нет? — согласился со своим собеседником Забен. — Ты прав ведь! Засиделся я в своем Опелейхе, корнями врос. Большой беды не будет, коли я кости разомну. Сам-то ты готов?

Уульме в знак согласия цапнул его за руку.

— Тогда пошли.

Забен поднялся со своего места и, прокладывая себе путь палкой, двинулся к выходу.

— Доволен, брат? — усмехнулся он, когда они с Уульме вышли за ворота гостеприимного замка. — Твоя взяла!

\*\*\*

Зима давно расставила свои снежные тенета, оградители успели проесть свои скудные запасы, а ни слуху от Перста, ни духу так и не было. Вида уже давно не мог ни о чем другом даже думать, пытаясь угадать, что же стало причиной такой задержки. Голод в Низинном Крае? Мор? Падёж? Лесной пожар? Это бы объяснило отсутствие на границе обозов, но не молчание самого Перста.

Вида решил подождать еще пару дней, а потом, оставив отряд на Валёна, самому мчаться в Аильгорд за ответом, а с тем улегся на свою постель и заснул.

Разбудили его уже под утро.

— Вида! — услышал он крик Ширалама и, не одеваясь, выскочил из своего шатра. — Письмо от Перста!

У Виды отлегло от сердца — зря он переживал столько времени, зря покоя себе не

находил! Владыка Низинного Края просто припозднился с отправкой повозок только и всего!

Вида радостно поспешил навстречу Шираламу, который бежал, размахивая мятым и грязным конвертом.

— Держи, хардмар! — выдохнул оградитель, отдавая письмо.

— А где гонец? — спросил Вида, оглядываясь по сторонам. — Где посланник Перста?

— А никого не было, — ответил Ширалам. — Письмо с птицей прилетело.

Это было совсем не похоже на Перста. Если оградители использовали для передачи посланий ученых птиц, то Перст всегда присылал на границу одного из своих гридней. Предчувствуя худшее, Вида сломал печать и наскоро пробежал глазами ровные строчки.

— Что пишет Перст, хардмар? — спросил его Ширалам, заглядывая через плечо. Читать он не умел.

Вида перечитал письмо и смял тонкую бумагу. А потом разгладил ее на ветру и сунул в карман. Письмо гласило:

“Хардмару Южного Оградительного Отряда Виде от Перста, указующего на правду Низинного Края.

Коли ты тотчас же не откажешься от своего хардмарства, не оставишь отряд и не вернешься назад, чтобы я по своему праву мог судить тебя, оградители не получают ни крошки”.

У Виды упало сердце. Никогда он и подумать не мог, что Перст, милостивый и благородный, способен отдать такой приказ.

Рано он радовался, что избавился от Бьираллы, не раздружившись с ее отцом. И веде ему казалось, что Перст не огорчился тому, что свадьбы не будет, больше его опечалило то, что не станут они братьями с Мелесгардом, но то были уже дела прежние. Чего же он решил обидеться на Виду сейчас?

— Что же там такое? — переминался с ноги на ногу Ширалам, ожидая услышать хорошие вести.

— Перст отказал нам, — коротко ответил хардмар. — Перст больше не будет посылать к нам обозы.

Вида не знал, что ему теперь делать. Письмо Перста раздавило его, выбив землю из под ног. “Был бы Умудь, — подумалось Виде. — Он бы посоветовал”. Но Умудь умер, а больше советчиков у Виды не было.

— Оставь меня одного, — приказал он Шираламу.

Вида зашел в свой шатер и стал писать новое письмо, где упрашивал Перста позабыть об обидах и прислать продовольствие не Виде Мелесгардову, который отказался жениться на Бьиралле, а оградителям, которые берегут его покой, день и ночь сторожа границы Низинного Края.

Но как ни ждал Вида, а писем от Перста больше не было. Перст сказал свое последнее слово и более не желал утруждать себя ответами предателю.

А на следующий день в отряд пришли еще три десятка новых оградителей, желавших защищать границы наравне со всеми.

— Что нам делать? — спрашивал Валён, втайне от Виды подумывая о продаже койсойцев.

— Боги подскажут ответ, — говорил ему Вида, стараясь придумать какой-нибудь выход. Один Ракадар, казалось, не страдал ни от голода, ни от холода.



— В Койсое нас и так не кормили, — уверял он своего хардмара. — Мне это привычно.

— А мне нет! — гневно перебивал Вида про себя. — И я не желаю к этому привыкать здесь!

Но когда последние крохи были бережно разделены между всеми, а Перст так и не опомнился, Вида решился продать последнее, что у него оставалось. Он достал из сундука два кинжала — свой и убитого Хараслата. Помимо кинжала в сундуке хранился меч, бронзовый нордарский чайник, ножик в кожаных ножнах, маленькая серебряная чаша с гербом дома Гармеля и тоненькая золотая цепочка.

Вида погладил выпуклые рубины, искусно вделанные в золотую рукоять своего кинжала, и вздохнул. Расставаться с ним ему не хотелось, ведь кинжал был единственным, что связывало Вида с Угомликом.

“Продай же пока вещи Хараслата, — вилась у него в голове навязчивая мысль. — Ему они не нужны. Оставь отцов кинжал себе”.

Он больше не Мелесгардов... Он хардмар Южного оградительного отряда ...

Вида завернул кинжал Хараслата в платок и спрятал обратно в сундук.

— Ракадар! — крикнул он.

— Звал, хардмар? — вбежал, запыхавшись, Ракадар.

— Возьми вот это, — сказал Вида, протягивая ему драгоценный клинок. — И пошли Ширалама и Фистара в Стрелавицу. Пусть продадут его и купят на вырученные деньги еду, питье, плащи, сбрую взамен лопнувшей, овес... И все то, что скажет Керел.

— Продать? — ахнул Ракадар, решив, что Вида тронулся умом.

— Продать.

— Но это ведь твой кинжал! — воскликнул, чуть не плача, Ракадар. Он, владеет такой драгоценностью, предпочел бы сдохнуть с голоду, но не расстаться с ней.

— Я это и сам знаю, — перебил Вида. — Иди.

И, дождавшись, когда койсоец оставит его одного, уткнулся лицом в подушку и совсем по-детски заплакал.

\*\*\*

Оградители, посланные в Стрелавицу, вернулись в срок, купив все то, что наказал им их хардмар. Вида устроил пир, не жалея для своих людей ни еды, ни вина, но даже в разгар веселья он не мог избавиться от тревожных мыслей. Он продал последнее и самое дорогое... А что будет, когда кончатся и эти припасы? Продать имущество Хараслата? Продать-то можно, только и тех денег надолго не хватит.

— Пойдем же к столу! — закричал Валён, вваливаясь к Виде в шатер. Лицо его было красным от выпитой водки, а глаза довольно блестели.

— Пойдем, — кивнул Вида и присоединился к своим людям.

— Пусть же помогут нам боги! — поднял свою чашу Вида и залпом осушил ее.

— За Вида! — закричали остальные и тоже опрокинули свои чаши.

Пьяные оградители чувствовали себя совсем счастливыми. Наевшись досыта, они стали петь песни — каждый на своем языке, шутить шутки и задирать соседей, беззлобно и весело.

— Грустишь, хардмар? — спросил Ракадар, подсаживаясь к Виде.

— Думу думаю.

— Ты продал свой кинжал, хардмар. Зачем? — Ракадар все еще никак не мог смириться с тем, что его хардмар лишился драгоценного оружия.

Вида лишь пожал плечами. Это была очевидная правда, которую он не хотел объяснять.

— Потому что иначе мои харды ждала бы голодная смерть, — сказал он.

— Им не привыкать, — возразил его хардмарин. — Нам не привыкать.

Вида выплеснул остатки вина из чаши в огонь и сказал, посмотрев прямо в глаза Ракадару:

— Кинжал — это лишь вещь. Я бы отдал все, что у меня есть, только чтобы Хараслат был жив. Но не могу, зато могу сделать так, чтобы были живы вы.

— Ты не такой, как мы, — вдруг сказал Ракадар. — Поэтому ты и стал главным хардмаром.

Виде никогда не приходила в голову такая мысль. Он вообще мало думал о своем хардмарстве.

— Я лишь делаю то, что должен, — ответил он после недолгого раздумья.

Пир закончился только под утро, а Вида все не ложился.

— Пусть же Перст смилостивится, — шептал он, про себя прикидывая на сколько хватит еды, купленной в Стрелавице. — Пусть позабудет о прошлых обидах, ибо я прошу не для себя, а для своих воинов.

Но Перст уже и думать забыл о Виде и его оградителях — у него и без них нынче было много забот: владыка Низинного Края давно уже думал о том, чтобы проложить через лес дорогу до Вальгора, а оттуда уже в Неммит-Сор, с которым он хотел наладить торговлю лесом и пушниной. Конечно, возить товары можно было и по старинке, через Стрелавицу, но времени это занимало много, да и извоз стоил дорого.

Из столицы он вызвал градостроителей и чертежников, людей опытных и умелых в своем деле, чтобы они все подсчитали, а обходчих, среди которых были Баса из Привалок, Ванора и Иверди, отправил в лес, чтобы те отыскивали годное место. Через несколько дней Ванора вернулся с докладом. По его выходило, что если прокладывать напрямую, то дорога пойдет от Увинара, вдоль Подлесья, до Герибара, а оттуда уже в Вальгор. Лучше и быть не могло — из Аильгорда до столицы по торной дороге да меньше, чем за день пути!

— Только одно мешает, — признался Ванора, когда Перст, обрадованный вестями, приказал слугам отблагодарить обходчего бутылкой вина. — Увинарцы против. Сказали, что рубить деревья просто так не дадут. Боятся, что это растревожит духов-охранителей, и придет беда. В Подлесье я не ходил, но и так знаю, что они мне то же самое скажут.

Улыбка сползла с лица Перста. Как он мог забыть о жителях лесных деревень! Они, все как один, были людьми темными, пугливыми и очень уж суеверными. В каждом пне они видели если не бога, то его заместника, покой которого нарушать было никак нельзя. Конечно, они будут против.

— Есть ли другой путь? — спросил он Ванору.

— Есть, — кивнул тот. — Через Прилучную Топь до Дуалькера, потом в Ирелейвен, а только оттуда в Герибар.

Перст подошел к разложенной на столе карте и начал расставлять кости на точках, названных Ванорой.

— Большой крюк, — сказал он. Даже не призывая в помощь счетников, он понял, что этот путь был чуть ли не в три раза длиннее, чем первый.

— Десять тысяч шагов, — подтвердил его слова Ванора. — Но Герибар тоже не шибко рад будет таким вестям. У них там древние могильники...

Владыка Низинного Края не на шутку осерчал от таких слов.

— Неужто они думают, что я, Перст этого окреста, буду спрашивать их мнения? Дорога

нужна!

Ванора пожал плечами.

— Я лишь говорю, что видел глазами. Увинарцы даже слышать о дороге не хотят. Мы, говорят, костями ляжем, а не пустим поганить лес.

— Я подумаю, — сказал Перст. — Я еще погляжу. А ты ступай.

И он снова углубился в карты. Но как он ни двигал кости, выходило, что дорога через Увинар и потом Подлесье была самой короткой. Всего день пути и можно было попасть в Вальгор, дорога через Прилучную Топь заняла бы два дня, столько же, сколько из Низинного Края в Стрелавицу, а оттуда в Неммит-Сор.

— Хотят они или нет, а дорога будет, — решил Перст.

Но все же решил лично навеститься в Увинар и поговорить с тамошними жителями.

Навстречу Персту вышли все.

— Приветствую увинарцев! — поздоровался Перст, спешиваясь. — Кейтель!

Голова деревни, большой и грузный, сдержанно кивнул.

— Пожалуйте в дом, — без особого радушия пригласил он. — Разговоры говорить.

— Мне доложили, — начал Перст, усаживаясь на предложенную ему скамью, — что вы против дороги.

— Против, — подтвердил Голова. — Здесь заповедные места. А дорога разрежет лес и потревожит лесных духов. Здесь наши предки в земле лежат. Здесь зверь и птица. Дорога не нужна.

— Предков ваших не тронут, — возразил Перст.

— Вдоль дороги построят корчмы, — продолжил Голова, не обращая внимания на слова Перста. — Постоялые дворы. Трактиры! Сюда приедут люди чужие, будут жить на нашей земле! Они не знают леса, не знают его законов! А если нарушить эти законы, то придет беда. Лес накажет и нас и их. Лес отомстит!

Персту начинали надоедать эти бессмысленные причитания.

— Вы думаете только о себе. Но лес — не ваш. Весь Низинный Край должен подчиниться только потому, что вы не желаете видеть у себя гостей!

— Не желаем, — подтвердил упертый Голова. — И тому есть причина.

— Я освобожу вас от податей, — предложил Перст. — Сниму с вас оброк. Сколько вы платите? Десятину? Так я оставляю ее вам.

Персту показалось, что Голове понравилось его предложение, но он ошибся.

— Думать не о чем, — отрезал увинарец. — Мы против.

Спроси Перст Ванору, тот бы ему рассказал о страхах лесных жителей, чтящих покой духов куда как сильнее довольства всех господарей этого мира. Дорога, пусть и самая торная и прямая, разворотит гнезда их покровителей, чьей милостью они веками жили в лесу. Но Перст был уверен, что нежелание увинарцев уступить ему кусок земли для строительства такой нужной дороги объясняется лишь тупой упертостью. Он подумал, что как только дорога будет проложена, несговорчивые охотники сами увидят выгоду от нее. Увидят, и смирятся.

— Дороге быть! — объявил он, вернувшись в Аильгорд.

Он послал письмо в столицу, сообщая господарю о том, что переговоры прошли удачно, и жители Увинара с радостью согласились помочь строителям в лесу. Нужно было только дождаться весны, оттепели, когда земля размякнет настолько, чтобы можно было вбить в нее первый межевой столб.

## Глава 15. Битва при Менеморе

Только к середине весны отзвенели колючие морозы и задул теплый южный ветер, растопив снежные завалы вокруг. Вида вспомнил, как год назад в это же самое время валялся в Угомлике, страдая от ран. Как же давно это было! Иногда ему хотелось написать письмо домой матери с отцом, Ойке с Трикке, Ваноре и Игенау, но он каждый раз отбрасывал эту мысль. Из писем матери он знал, что родные его живы и здоровы, и каждый раз благодарил богов за такую милость.

Когда минули две луны весны, то случилось то, чего Вида так боялся — в отряд пришел голод. А за ним, шаркая ногами, подоспела и смерть. Вида, как хардмару, полагалось все самое лучшее, но он не мог есть тогда, когда остальные пили одну горячую воду, бросив туда лишь гость лавровых листьев для вкуса.

Вида уже потерял всякий счет воинам, которые умерли от голода и ран. Обычные царапины, неопасные, когда в ход идет наваристый суп, чистые простыни и теплые одеяла, убивали оградителей его отряда. И каждый раз сердце его сжималось в смертельной тоске — он не уберег очередного воина, ибо он ждал.

Вида спрашивал сам себя, когда терпение его закончится и он решится на то, о чем думал уже давно? Но каждый новый день ему казалось, что еще не пришло то время, что нужно подождать еще чуть-чуть. И еще.

Утром третьего дня лета, едва первые лучи осветили землю, Ширалам разбудил Вида.

— Что случилось? — спросил хардмар, тотчас же одевшись и приладив к поясу меч.

— Уйлю поплохело. Тебя зовет, говорит, что не помрет, пока с тобой словечком-то не перекинется.

Вида вспомнил бледное мучнистое лицо Уйля, беглого каторожника из Рийнадрёка, который охранял границы от других рийнадрёкцев и бился так, будто оннарская земля была ему родной матерью. Он уже который день лежал обессиленный, а рана его, которая долго не хотела заживать, начала гноиться. Хорошая еда быстро бы поставила Уйля на ноги, но ее не было.

— Пусть обождет, — ответил Вида и начал копать в своем сундуке. У него еще сохранилось немного койсойского питья, к которому он пристрастился вместе с Ракадаром. Уйлю полегчает, пусть и ненадолго.

Выудив бутылку и стерев с нее пыль, Вида направился в шатер оградителей.

Уйль лежал на гнилой соломе, кутаясь в свой рваный плащ и укрытый еще двумя сверху. Его трясло от холода, а слезы градом катились из его бесцветных глаз. Он страдал так, как не страдал никогда в жизни, хотя и раньше-то жизнь его не баловала. Увидев хардмара, оградитель поднялся на своем месте и чуть заметно кивнул.

— Я тебя ждал, — прошептал он, срывающимся голосом, стягивая концы плаща на костлявых плечах. — Надобно перед смертью-то хоть поговорить по-людски.

Вида присел на солому рядом с ним и сказал:

— Я видал много умирающих и мертвых, но ты не из их числа. Тебе еще жить много лет, а умереть от старости.

Уйль, казалось, обрадовался и, приободрившись, продолжил:

— А мне уже совсем другое видится. Думаю, что недолго мне осталось эту землю топтать.

— Всем так кажется. Ты на меня посмотри. Я почти три луны думал, что не к утру, так к вечеру преставлюсь. А ты погляди — живой как есть. Мои раны-то тоже заживать не спешили — и кровили, и гноились, и вздувались, словно пузыри. А моя мать так и вовсе все глаза себе выплакала, думала, что и второго сына потеряет. Так что не спеши себя хоронить-то, пока живой.

— А моя мать и не заплачет... Я даже не знаю, где она да что с ней. Видел-то ее последний раз десяти лет от роду, а потом на каторгу попал... Стало быть, тебе все равно повезло больше.

— Я, сказать тебе правду, так жил будто господарь во дворце — в богатстве и почете, — начал Вида, дивясь тому, что решил рассказать Уйлю всю правду о себе. — В замке, имя которому Угомлик. И был сыном друга Перста Низинного Края. Любимым да удачливым. Все у меня спорилось да все удавалось. За что ни возьмусь, а везде первым буду. И девки какие меня любили — одна краше другой. Ни в чем я с младенчества не знал нужды. Залюбили меня, заласкали, зацеловали так, что я и не знал, что в этом мире есть боль и страдания. Да только, по глупости своей да горячности, я потерял все и угодил в оградители. И пути мне назад нет. Так уж, скажу я тебе, что и разницы-то между нами нет. Кто откуда пришел, тот туда не вернется, а значит и не след об этом думать да вспоминать.

Уйль слабо усмехнулся:

— Экий ты шутник, хардмар! Хараслат любил прихвастнуть, но ты уж явно шустрее его будешь.

Вида сначала обиделся на слова Уйля, а потом и обрадовался — вот и хорошо, что оградитель не поверил ему. Пусть тайна его так и будет тайной.

— А я-то тоже мог придумать себе прошлое, да только не хочу, — сказал Уйль. — Мне-то как не погляди, а уже ничего не поможет. Родился я и сам не знаю где. И отца своего не знаю. Только мать у меня и была, но и она меня не баловала-то сильно и любовью своей не оделяла. Я и вырос — словно сорняк у дороги — живучий да никому не нужный. Если б кто полюбил меня да указал-то на путь правильный, то и стал бы я уважаемым да послушным, а ведь как оно случилось? Раз матери родной не пригодился, то чужим людям и подавно.

Он сглотнул, корчась от боли, и Вида вспомнил, что принес ему питье.

— На вот, отпей. Ракадаров подарок.

Уйль жадно прильнул к горлышку.

— Благодарствую, Вида, — сказал он, вытирая рот тонкой рукой.

Он посидел немного, набираясь сил, и продолжил:

— Только минуло мне семь весен, как уже слышал про себя, что жизнь я закончу на виселице. Али где похуже. Я тогда лишь посмеивался, думая, что до того дня у меня еще целая жизнь... А теперь вот и не смеюсь. Помню я, что хорошего не видел и хорошего никому не показывал. Кто бы и научил меня? А в десять попал в каменоломни.

Он содрогнулся всем телом то ли от озноба, то ли от воспоминаний.

— Тяжко там было страсть как. Я чуть было не надорвался. Толком и не ел да не спал. Лишь уронишь голову на голые камни, так тут же и побудка — вставать да работать. Тело-то у меня словно из стали стало — самым крепким я был, хотя и нешироким в плечах-то... Одиннадцать лет в кандалах! Мало кто выдюжит. А я вот смог. Пусть и не всегда честно — кто был больной и слабый, так лишался своего куска, но там по-другому и не приходилось... Коли не ты, так тебя. Там иные законы, жестокие и непонятные.

Вида слушал, боясь пропустить и слово. А Уйль устало продолжал:

— А потом я сбежал. Нас было восемь, кто решили-то умереть на свободе. Шестеро погибли. А я и еще один убежали. Я-то легкий и гибкий, спрятался в дыре в скале, куда бы и кошка не пролезла, а когда надсмотрщик-то мимо проходил, так я на него и напал. Он и не вздрогнул. Я-то тогда уже помереть решил, ибо если бы кто услышал шум, так и понял бы все. Нас бы столкнули в шахту, как и остальных бунтовщиков. Я переоделся в его платье-то. Подпоясался. И вышел, ведя за собой того, второго... Даже имени сейчас не вспомню. Вроде как на божий свет вывести надобно. Так и вышли мы. А потом и бежали так долго, что сердце отказалось биться. Все ждали, как догонят нас и убьют. А не догнали, хотя и близко были. Боги помогли. Так тяжело мне было. Хуже, чем внизу под землей. И голодно, и холодно. Я даже язык-то свой позабыл. Как убежал, так и говорил на смеси всех языков этого мира. Никто во мне вовек бы рийнадрёкца не признал. Да и сам я уже не помнил, что это — Рийнадрёк? Сначала хотел мать свою увидеть, а потом и перехотел. Зачем я-то ей? Мне уже двадцать вторая весна пошла... Не помню, как жил... Заливал свои думы крепкой водкой, крал да грабил. И страха не было, ничего не было ни в голове, ни на сердце. Вроде и молод я был, а нутром как старик. А потом и увидел как-то одного бродягу, что рассказывал про Хараслата. Дескать, тот воинов ищет. Я и не запомнил тогда ничего. Разве я воин? Я ведь думал, что воин — это тот, кого учили этому да меч дорогой подарили.

Он сделал еще глоток:

— Ты, Вида, с других земель пришел и не знаешь, что у нас любая весть огнем разлетается. Вроде луна-другая прошла, а я снова про Хараслата услышал. Уж не припомню, от кого. Говорили-то, что у него и поесть можно и поспать вволю. Что он-де простой, как и мы, да к людям своим хорошо относится — не бьет да не убивает.

Уйль захмелел, но речь свою не прервал. Только говорить стал тише да медленнее:

— Вот я и решил. Иметь-то я ничего не имел, чтобы бояться потерять, так что и пошел. Долго шел, даже не помню сколько. Все перебивался тем, что у таких же нищих, как я, отбирал. А как пришел, так Хараслат меня первым-то делом приказал накормить до отвала. Тогда нам подвоз-то делали. Я все ел да ел. Хлеба сначала. А потом и мяса. И пил, что обпился. За всю жизнь мне так сытно никогда не было. И тогда я сразу понял, что останусь тут навсегда. Ко мне никто так не относился-то хорошо, как Хараслат. Как брат он со мной обошелся, а то и лучше.

Из глаз Уйля покатались слезы, а слабые руки сжались в кулаки.

— Да и понял я здесь, что и ко мне могут быть добры. Я ж такого-то никогда не видал, чтобы делились все друг с другом как братья, а не отбирали да крали. Я попервой-то все страшился за свои припасы, думал, усну и отберут. А потом и заметил, что если ты голоден, то тебе от своего куска отломают. Я и поклялся Хараслату-то, что умру за него. Поначалу-то мне не шибко-то верили. Как же — сам рийнадрёкец, а против своих же и биться будет. Да только от своих я одно зло видал, а от чужих только добро. Как ни вспомню Хараслата, так так тоскливо на сердце, так оно плачет, словно дитя малолетнее.

Вида молча согласился с Уйлем — и он скучал без Хараслата, тосковал по его черному от солнца лицу и наглой ухмылке. Не было во всем мире второго такого хардмара.

Уйль набрался сил для последнего своего слова:

— Он был братом всем, а ты стал отцом. Истым отцом всем тем, кто уповаet на тебя. Я и не шибко-то рад умирать, да только рад умереть подле тебя, хардмар.

Он закрыл глаза и вздохнул. Его клонило в сон от выпитой койсойской водки. Уйль сказал все, что хотел. Пусть и нескладно, как умел, но сказал. Все сердце открыл он Виде.

Теперь и впрямь не страшно умереть. Да и в том мире, в другом, он верил, что встретит Хараслата, а уж тот его не обидит.

— Ты не умрешь, — дрогнувшим голосом прошептал Вида, сжимая его широкую ладонь. — Боги помогут.

Он оставил Уйля одного, зная, что тот сделал уже все, что было ему должно. И выходя из его шатра, пропахшего бедой, он вытирал слезы.

Ширалам ждал его у входа, но Вида лишь отмахнулся — ему не хотелось вести беседы и отвечать на вопросы. Он просидел в шатре всю ночь и задремал лишь под самое утро, но сон его был недолог и тревожен, а Уйль, словно на самом деле, тянул к нему свои слабые тонкие руки.

— Спаси меня, Вида! — просил он, стоя на коленях и с замотанным кровавым платком лицом. — Спаси меня!

Вида встал с первым лучом солнца. Он ждал вестей от Ракадара и молил богов, чтобы они оказались добрыми. Покидая вчера больных оградителей, он надеялся, что эту ночь они протянут, а там уж — новый день и новая помощь от богов.

Он быстро оделся и запил водой черствый сухарь. Больше еды не было даже для хардмара.

Ракадар уже был возле его шатра и, сидя на земле, рисовал палочкой узоры. Услышав, как хардмар выходит, он тут же подскочил и виновато сгорбил плечи. Лицо его, как и у всех, кто пробыл в рабстве хоть день, было вялым и будто бы неживым.

— Сколько? — лишь спросил Вида, уже зная ответ.

— Двое, — ответил Ракадар, опуская глаза, — те вчерашние и кончились. Их сейчас для похорон-то прибирают. С Уйля рубаху сняли, заместо нее обрядили его в ту, что попроще.

Вида вспомнил, как провожали в последний путь знатных воинов из Низинного Края — в лучших одеждах, при лучшем оружии. А здесь же оградители снимали с мертвых последнее, ибо знали, что тем оно уже не нужно, а вот живым пригодится. Да и намного ли они переживут умерших?

— Когда хоронить будут? — спросил он.

— Сразу и хотят.

Странная, удушающая грусть накатила на него. Сколько еще людей должно умереть, чтобы он решился? ЕГО людей! Сколько еще будут корчиться в муках перед смертью, посылая проклятия всем округ, сколько будут гибнуть от голода и болезней?

Почему же он медлит, видя их смерть? Почему не торопится их спасти?

— Много ли тех, кто не дотянут до конца луны? — повернулся он к Ракадару спиной.

Его друг замялся.

— Ни правду сказать, ни солгать, — честно признался он. — Многие-то не говорят, что больны, а внутри-то уже гниют, а кто-то вроде и помирать собрался, а там глядишь — и отгонит смерть от себя. Но коли всех посчитать, то с десятка два наберется.

Еще двадцать могил! — с ужасом подумал Вида. И словно в насмешку вспомнились ему пиры у Перста Низинного Края. Каких только блюд там ни было! Все самое лучшее и вкусное. Ни вино, ни еда не переводились, а уж какие в его конюшнях содержались лошади! И какое оружие хранилось в оружейной. Перст прочел его письмо, запивая лучшим нордарским вином жирный кусок баранины, в то время как оградители, которые проливали кровь за его мир и спокойствие, десятками мерли от голода.

Вида испытал не просто злость, а ненависть к чужой сытости. Никогда и никому он не

завидовал, ибо по рождению не был ничем обделен, но сейчас, сроднившись с оградителями, он понял, что испытывает бедняк, глядя на богача.

Ракадар по вьезшейся в него койсойской привычке стоял, опустив плечи и понутив голову. И острая жалость пронзила Виду словно кинжалом, когда он понял, что и его друг лишь на волос отодвинулся от смерти. Ракадар, который простил его и стал ему больше чем братом, умрет, как и Уиль, трясясь от озноба и корчась от голода.

И Вида решился.

— Собери всех! — приказал он и быстрым шагом направился в самое сердце становища, где обычно собирались все оградители.

Он чуял, что ступил на тот путь, с которого уже не придется ему свернуть, и сомнения его рассеялись.

Дойдя до лобного места, куда начал сгонять оградителей Ракадар, он влез на пустую бочку и обвел взглядом свой стан.

— Слушайте все! — грянул он, не дожидаясь, пока все соберутся. — Слушайте меня! Я, Вида из Низинного Края, говорю вам!

Он остановился и перевел дух. Еще можно было повернуть назад. Можно было остаться Видой Мелесгардовым. Если он о чем-то сожалел, то только в тот миг мог все вернуть.

Никогда!

— Слушайте все мой приказ! — крикнул Вида. Сердце его колотилось, словно пойманная в сети рыба, но он знал, что правда стоит за ним. — Оставить границу!

Ракадар прокричал его приказ остальным.

— Оставить границу! — повторил Вида.

Лица оградителей, жадно внимавших каждому его слову, были в многодневной пыли и копоти, которую не смыть простой водой. Жалкие, нищие люди, не имеющие никого в целом свете, кроме него, Виды.

— За то, чего у нас нет! — закричал Вида, что было мочи и голос его разнесся по равнине. — За то, что никто не отнимет у нас! Уходим! Уходим прочь! Мы оставляем границы!

Глаза его горели огнем. Он не стал частью этих людей, он всегда и был с ними, с самого рождения, и останется до самой смерти. Это его хард, его братья! Это те, за кого он, не раздумывая, отдаст жизнь. Пусть и не родовиты и не благородны они по крови, но зато сила их в другом — в вечной дружбе, в бесстрашии и истиной, неподкупной преданности. И он не даст убить своих людей ни Персту, ни господарю, ни самим богам. Он вырвет их у смерти, отстояв их жизни, каждого!

— Ежели Персту Низинного Края нет до нас дела, то и мы позабудем о его покое! Мы не уличные просилы, которые живут милостью богатых господ, мы воины, стерегущие мир на границе! Каждый из вас воин! Каждый — герой! И ни один Перст этого мира больше не лишит вас куска хлеба! Я клянусь вам в этом! Я — Вида из Южного оградительного отряда и ваш хардмар!

Никогда еще его голос не звучал так страшно и грозно, никогда в его теле не было столько сил, а в сердце столько решимости. В тот миг он мог сокрушить горы, а небо поменять местами с землей. Оградители притихли и молча глядели на него. Так они и стояли — один против них, но за них разом.

— Я приказываю вам оставить границы! Вы больше не оградители! А сам я иду в Низинный Край, чтобы требовать с Перста все то, что он задолжал моим братьям. И любой



из вас может пойти со мной, чтобы поглядеть в глаза тому, кто посылал вас на смерть!  
Оставить границы!

Он замолчал. Сердце его колотилось так сильно, что он слышал его удары.

Оргадители продолжали молчать, ошарашенные, оглушенные этим неожиданным приказом. Приказ Виды выбил у них землю из под ног.

— Что скажете? — выкрикнул Вида, озадаченный таким долгим молчанием.

Он переводил взгляд с одного лица на другое, и не мог прочесть их мысли. О чем думали его хардмарины? Что решили?

И вдруг из самой гущи раздался крик:

— Уярин! Заступник!

И все остальные, словно давно ждали этого голоса, вторили, подняв к небу свои мечи:

— Уярин! Уярин! Уярин!

И это новое имя, данное Вида не отцом с матерью, а его людьми, птицей взлетело в небеса.

— Уярин! Заступник наш! — кричали оградители, потрясая мечами. — Веди нас, Уярин! Умрем за тебя!

Ракадар вытащил меч самым последним. Глаза его разъедали слезы, которые все никак не хотели проливаться.

— Уярин! — крикнул он и прижался к земле.

Может, и прав был Вида, говоря, что не для того они родились на этот свет, чтобы страдать до последнего вздоха? Может, и впрямь боги заготовили и для них подарок, да только о том позабыли?

Ширалам, который стоял поодаль, сунул меч в ножны и заревел:

— Пойдем за тобой, куда скажешь, Уярин! Да поведут тебя боги!

И снова, а потом и много раз оградители повторяли эти слова, а воздух звенел от гула нестройных голосов. А сам Вида, который с того самого дня стал зваться Уярином, не сдерживая слез, смотрел на свой народ. Он вспомнил свой сон. Так вот кого он должен был спасти! Вот кто тянул к нему руки! И как он раньше не понял этого? Ведь это оградители вернули его в этот мир, ибо только он мог помочь им.

Он проговорил про себя новое имя — никогда прежде он не слышал, чтобы кто назывался иначе, нежели нарекли его отец с матерью. Теперь он не Вида, теперь Уярин.

— Похоронить мертвых. Собрать шатры, — бросил он и пошел к себе.

Вида знал, что Перст возненавидит его еще больше, но его это уже не заботило.

— Персту придется поговорить со мной. Ему не удастся отсидеться в Аильгорде, — поклялся Вида, оглядываясь назад.

Он написал письмо Персту, в котором сообщал, что оставляет границы и вместе со своим войском идет в Низинный Край. Писал он на обратной стороне Перстова послания, ибо последний клочок бумаги израсходовал уже очень давно:

“Я иду спросить с тебя за твои злодеяния, Перст. Я иду поглядеть тебе в глаза.

Вида Уярин, ныне хардмар свободных воинов”.

Он запечатал письмо и отправил одного из последних почтовых голубей в Аильгорд.

В полдень к нему в шатер зашел Фистар.

— Уярин! — сказал он. — Пожитки собраны. Все имущество погружено в телеги. Мы готовы уйти.

**Больше книг на сайте - [Knigoed.net](http://Knigoed.net)**